

**МОСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ИМЕНИ М.В.ЛОМОНОСОВА
ФАКУЛЬТЕТ ПОЛИТОЛОГИИ
Кафедра российской политики**

На правах рукописи

Ковалев Максим Константинович

**Государственная информационная политика Российской Федерации как
инструмент противодействия новым вызовам и угрозам национальной
безопасности**

Специальность 5.5.2.

Политические институты, процессы, технологии

Диссертация
на соискание ученой степени
кандидата политических наук

Научный руководитель:
доктор политических наук, доцент
А.В. Манойло

Москва – 2025

Оглавление

Введение	4
Глава 1. Теоретико-методологические аспекты исследования роли государственной информационной политики в обеспечении национальной безопасности.....	25
1.1. Государственная информационная политика как предмет анализа политической науки	25
1.2. Современные научные подходы к исследованию государственной информационной политики	33
1.3. Социокультурное измерение государственной информационной политики.....	45
1.4. Государственная информационная политика в системе обеспечения национальной безопасности	54
Выводы по Главе I.....	66
Глава 2. Условия реализации государственной информационной политики Российской Федерации	69
2.1. Глобальные условия реализации государственной информационной политики.....	69
2.2. Новые вызовы и угрозы национальной безопасности Российской Федерации в информационной сфере	84
2.3. Характеристики российского общества как непосредственной среды и объекта государственной информационной политики Российской Федерации.....	100
2.4. Тенденции взаимосвязи государственной информационной политики Российской Федерации и информационного пространства в условиях глобальных вызовов и угроз	114
Выводы по Главе II	122
Глава 3. Формирование, реализация и перспективы государственной информационной политики Российской Федерации в обеспечении национальной безопасности.....	125

3.1. Концептуальные основы формирования государственной информационной политики Российской Федерации	125
3.2. Реализация государственной информационной политики Российской Федерации.....	135
3.3. Государственная информационная политика Российской Федерации в условиях специальной военной операции на Украине	156
3.4. Проблемы и перспективы государственной информационной политики Российской Федерации.....	169
Выводы по Главе III.....	180
Заключение.....	184
Библиография	190
Приложения.....	218

Введение

Актуальность темы исследования определяется следующим рядом факторов.

Во-первых, масштабные и глубокие изменения современной системы международных отношений ведут к росту турбулентности, обострению внешне- и внутривполитических конфликтов, что, в свою очередь, ведет к появлению новых вызовов и угроз национальной безопасности Российской Федерации. В этих условиях на передний план выдвигается вопрос об организации эффективной защиты личности, общества и государства, ключевым элементом которой становится государственная информационная политика (ГИП).

Во-вторых, использование современными государствами в политической борьбе новейших форм, методов и технологий информационного противоборства ведет к возникновению новых вызовов и угроз. В информационной сфере такими угрозами становятся новейшие формы и методы ведения информационной войны и организации цветных революций, кибернетические операции и идеологические диверсии. При этом эффективное и системное противодействие данным вызовам и угрозам может быть обеспечено только на уровне государственной политики.

В-третьих, Россия и страны Запада сегодня находятся в состоянии информационной борьбы, которая демонстрирует тенденцию к все большему обострению. Дополнительную угрозу создает доминирование «коллективного Запада» в информационно-коммуникационной сфере и практически

монопольное глобальное влияние западных СМИ и платформ, которые транслируют недружественную по отношению к России повестку и вводят ограничения на деятельность России в информационном пространстве. В этих условиях основным инструментом противодействия данным угрозам также становится выверенная государственная информационная политика.

В-четвертых, в условиях проведения Российской Федерацией специальной военной операции на Украине (СВО) одним из основных направлений боевых действий стало информационное противоборство, в котором борьба ведется в виде информационных диверсий и других видов информационных операций, фейковых новостей, дезинформации и других методов манипуляции общественным мнением. Кроме того, в ходе самой СВО происходит изменение форм, методов и подходов к организации информационной борьбы, что также создает новые вызовы и угрозы национальной безопасности Российской Федерации и актуализирует поиск и разработку инструментов противодействия им.

В-пятых, происходит трансформация всей системы планирования и реализации государственной информационной политики Российской Федерации: приняты новые нормативно-правовые акты, регулирующие информационную сферу, созданы новые подразделения в органах государственной власти и расширяются полномочия действующих контрольно-надзорных структур, заблокированы ряд соцсетей и мессенджеров, крупных СМИ и цифровых ресурсов, растет количество заблокированных сайтов с нежелательной и ложной информацией¹. Появление новых концептуальных основ, форм и методов реализации государственной информационной политики Российской Федерации в области обеспечения национальной безопасности в ответ на возникающие вызовы и угрозы свидетельствует о важности изучения особенностей изменения форм и методов деятельности государства в информационной сфере в условиях

¹ Роскомнадзор в 2022 году внес более 384 тыс. ссылок в Единый реестр запрещенной информации // ТАСС [Электронный ресурс]. URL: <https://tass.ru/obschestvo/17071733> (дата обращения: 28.02.2023).

«неожиданных вводных» (факторов, появление которых до начала СВО вряд ли можно было предсказать).

Степень научной разработанности. В целом, научные труды, посвященные исследованию государственной информационной политики как инструмента обеспечения национальной безопасности, можно разделить на семь основных групп.

Первую группу научных публикаций составляют философские и социологические интерпретации трансформаций современного общества, которое представляет собой среду реализации ГИП. Данные интерпретации, в целом, можно объединить под общим названием *теории информационного общества*, так как в фокусе их внимания оказываются, прежде всего, информационно-коммуникационные процессы и технологии, а также социокультурные характеристики современности. Среди теорий информационного общества можно выделить ряд подходов.

Сторонники *первого* подхода трактуют современное общество как постиндустриальное и информационное. Это труды Д. Белла, Р. Дарендорфа, П. Дракера, Р. Катца, Й. Масуды, Р. Райха, Т. Стоуньера, Э. Тоффлера, А. Турена².

Второй подход представляет собой постмодернистский взгляд на современные процессы (З. Бауман, Ж. Бодрийяр, Дж. Ваттимо, С. Лэш, Дж. Урри³). Исследователи этого направления настаивают на наступлении эпохи постмодерна, что обуславливает ее крайнюю нестабильность и неопределенность.

² Белл Д. Грядущее постиндустриальное общество: опыт социального прогнозирования. М.: Academia, 1999. – 783 с.; Райх Р. Труд наций. Готовясь к капитализму XXI века // Новая постиндустриальная волна на Западе: Антология. М., 1999. С. 506 – 527; Masuda Y. The Information Society as Post-Industrial Society. Wash., 1981. – 171 p.; Тоффлер Э. Третья волна. – Москва: АСТ, 2004. – 781 с.; Кастельс М. Информационная эпоха: экономика, общество и культура / Пер. с англ. под науч. ред. О. И. Шкаратана. - М.: ГУ ВШЭ, 2000. – 606 с.; и др.

³ Бодрийяр, Ж. Симулякры и симуляция. Тула, 2013. – 204 с.; Ваттимо Дж. Прозрачное общество. М.: Логос, 2002. – 128 с.; Lash S., Urry J. Economies of Signs and Space. Sage, 1994. – 368 p.; Бауман З. Текучая современность. СПб: Питер, 2008. – 240 с. и др.

Представители *третьего* подхода – теорий информационного общества в лице Э. Гидденса, Дж. Ритцера и др.⁴, напротив, называют современность «поздним модерном».

Сторонники *четвертого* подхода говорят о формировании постинформационного общества (В.А. Евдокимов, А.И. Ракитов, Дж. Хант⁵).

Ко **второй** группе работ относятся исследования в области *политической коммуникации*. Прежде всего, это классические теории, такие, как теория «волшебной пули» Г. Лассуэлла⁶, «полезности и удовлетворения потребностей» Дж. Блумера, Э. Каца, П. Лазарсфельда, Д. Маккуэла⁷, «установления повестки дня» У. Липпмана, М. МакКомбса, Э. Ноэль-Нойман, Д. Шоу⁸, структурно-функционалистские теории политической коммуникации Н. Винера, К. Дойча, Р. Мертон, Т. Парсонса⁹, неомарксистские исследования политической коммуникации Т. Адорно, В. Беньямина, Г. Маркузе, Ю. Хабермаса, М. Хоркхаймера, Г. Шиллера¹⁰, теория «идеологических аппаратов» Л. Альтюссера, А. Грамши, Г. Дебора, Д. Фиска, Ж. Эллюля¹¹, «торонтская школа» коммуникации Г. Инниса, М. Маклюэна¹²,

⁴ Гидденс Э. Ускользающий мир. Как глобализация меняет нашу жизнь. М.: Весь мир, 2004. – 120 с.; Ритцер Дж. Макдональдизация общества 5 / Пер. с англ. А.В. Лазарева; вступ. Статья Т.А. Дмитриева. М.: «Праксис», 2011. – 592 с. и др.

⁵ Евдокимов В.А. Системное искажение сообщений в постинформационном обществе // Наука о человеке: гуманитарные исследования. 2015. № 1 (19). С. 121–128; Ракитов А.И. Постинформационное общество // Философские науки. 2016. № 12. С. 7–19; Hunt J. The Post-Information Society// The Virginia Quarterly Review. Winter 1994. P. 38–50 и др.

⁶ Lasswell H. Propaganda Technique in the World War. London, 1927. – 328 p.

⁷ Lazarsfeld P., Berelson B., Gaudet H. The People's Choice: How the Voter makes up his Mind in a Presidential Campaign. Third Edition. – N.Y.: Columbia University Press, 1968 – 179 p.; Blumler J.G., McQuail D. Television in Politics: its Uses and Influence. – London, 1968. – 379 p.

⁸ Липпманн У. Общественное мнение / Пер. с англ. Т.В. Барчуновой – М.: Институт Фонда «Общественное мнение», 2004. – 384 с.; Ноэль-Нойман Э. Общественное мнение: открытие спирали молчания. М.: Прогресс-Академия, Весь Мир, 1996. – 352 с. и др.

⁹ Парсонс Т. О социальных системах / под общ. ред. В.Ф. Чесноковой и А. Белановского. М.: Академический Проект, 2002. – 831 с.; Мертон Р. К. Социальная теория и социальная структура. М.: АСТ, Хранитель, 2006. – 880 с. и др.

¹⁰ Беньямин В. Произведение искусства в эпоху его технической воспроизводимости: избранные эссе / Пер. с нем. С.А. Ромашко. М.: Медиум, 1996. – 239 с.; Хоркхаймер М., Адорно Т. Диалектика просвещения. Философские фрагменты. М. – СПб. Медиум, Ювента, 1997. – 312 с.; Шиллер Г. Манипуляторы сознанием. М.: Мысль, 1980. – 325 с. и др.

¹¹ Альтюссер Л. Идеология и идеологические аппараты государства (заметки для исследования) // Неприкосновенный запас. 2011. № 3 (77). – С. 159 – 175; Грамши А. Тюремные тетради. В 3 ч. Ч. I. Пер. с ит. М., Политиздат, 1991. – 560 с.; Дебор Г. Общество спектакля. М.: Логос, 2000. – 184 с.; Ellul, J. Propaganda: the formation of men's attitudes. New York: Alfred A. Knopf, Inc., 1972. – 328 p. и др.

¹² Маклюэн М. Галактика Гуттенберга: Сотворение человека печатной культуры/Пер. с англ. А.Юдина, Киев: Ника-Центр, 2004. – 432 с.; Innis H. The Bias of Communication - Toronto: Toronto University Press, 2nd edition (September 1, 2008) – 304 p.

социокультурный подход к исследованию политических коммуникаций и «cultural studies» Дж. Кэри, Е. Ротенбюлера, Р. Хоггарта, С. Холла¹³. А также современные теории коммуникаций – платформенно-центристская (У. Клингер, Дж. Свенссон), алгоритмический gatekeeping и agenda-setting 2.0 (Д. Акемоглу, И. Вернинг, М. Джексон, К. Карпинен, П. Наполи, А. Хедман), computational communication science (А. Юнгер), концепция «сетевой пропаганды» (С. Брэдшоу, Г. Бэйли), аффективная коммуникация (Е. Хан), медиатизация 3.0 (Ю. Ариель) и др.¹⁴

В области исследования политической коммуникации стоит также отметить работы А. Бениджера, П. Бергера, Г. Блумера, Ж. Бодрийяра, П. Бурдьё, И. Гоффмана, М. Джонсона, М. Кастельса, Дж. Лакоффа, Т. Лукмана, Н. Лумана, Л. Макнайта, У.Р. Неймана, Л. Пая, Р. Дж. Соломона¹⁵.

Среди отечественных исследований в данной области необходимо выделить труды М.С. Вершинина, С.В. Володенкова, М.Н. Грачева, Т.В. Евгеньевой, Ю.В. Ирхина, А.Г. Кисилева, П.Н. Киричека, О.Ю. Малиновой, В.П. Пугачева, А.И. Соловьева, В.П. Терица, С.А. Шомовой, О.Г. Щениной и других¹⁶.

¹³ Hoggart R. Humanistic Studies and Mass Culture // *An english temper. Essays on education, culture and communication* / R. Hoggart. – London: Chatto & Windus, 1982. – P. 125-136; Hall S. Encoding / Decoding // *Culture, Media and Language* / ed. by S. Hall, D. Hobson, A. Lowe and P. Willis. – London: Anchor Brendon, 1980. – P. 128-138; Carey J.W. Communication as culture: Essays on media and society. Winchester, MA : Unwin Hyman, 1989. – 205 p.; Rothenbuhler E. W. Argument for a Durkheimian theory of the communicative. *Journal of Communication*, 43(3). 1993 P. 158–163.

¹⁴ Ariel Y., Elishar V. Political Communication and the Hype Cycle: Tracing Its Evolution across the Digital Era // *Journalism and Media*. 2025. Vol. 6, № 2. Art. 87.; Klinger U., Svensson J. Network Media Logic Revisited: How Social Media Have Changed the Logics of the Campaign Environment // *The Routledge Handbook of Political Campaigning* / ed. D. Lilleker и др. — London : Routledge, 2024. С. 30–44; Skovsgaard M., Hedman A. Algorithmic Agenda-Setting: The Subtle Effects of News Recommender Systems on Political Information // *New Media & Society*. 2024. Vol. 26. P. 1–20; Acemoglu D., Jackson M., Werning I. AI and Social Media: A Political-Economy Perspective. Cambridge (MA): MIT Economics Working Paper, 2025. - 45 p. и др.

¹⁵ Луман Н. Реальность массмедиа / Пер. с нем. А.Ю. Антоновского. М.: Практикс, 2005. – 256 с.; Блумер, Г. Общество как символическая интеракция // *Современная зарубежная социальная психология: тексты* / Под ред. Т. М. Андреевой, Н. Н. Богомоловой, Л. А. Петровской. - М.: Изд-во МГУ, 1984. – С.173-179; Лакофф Дж., Джонсон М. Метафоры, которыми мы живем / пер. с англ. А. Н. Баранова и А. В. Морозовой; под ред. и с предисл. А. Н. Баранова. М.: УРСС, 2004 – 252 с.; Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания. М.: Медиум, 1995. – 323 с.; Pye L. Political Communication // *The Blackwell Encyclopedia of Political Institutions*. – Oxford – New York, 1987. – 442 p.; Бурдьё П. О символической власти. // *Социология социального пространства*. — Москва: Ин-т экспериментальной социологии. СПб.: Алетейя, 2007. С. 87 – 96; Neuman W.R., McKnight L., Solomon R.J. The Gordian Knot: Political Gridlock on the Information Highway. Cambridge, Mass., 1997. – 344 p. и др.

¹⁶ Киселев А.Г., Киричек П.Н. Тренды политической коммуникации в контексте социальной модернизации // *Вестник РУДН. Серия: Социология*. 2019. Vol. 19. №2. С. 322 – 336; Щенина О.Г. Политические проекции коммуникаций в сетевом обществе // *Социально-гуманитарные знания*. 2018. №3. С. 209-220;

К третьей группе относятся работы авторов, посвященные исследованию *государственной информационной политики* и различных аспектов ее реализации. Это монографии и статьи отечественных исследователей В.Д. Байрамова, И.А. Василенко, Е.Л. Головлевой, С.Э. Зуева, С.Г. Кара-Мурзы, А.Г. Киселева, П.Н. Киричека, А.А. Ковалева, С.В. Коновченко, А.А. Лихтина, А.В. Манойло, Л.В. Мрочко, Ю.А. Нисневича, В.Ф. Ницевича, В.Д. Попова, А.А. Стрельцова, О.А. Судоргина, Т.А. Тризно¹⁷. А также концепции и подходы зарубежных авторов А. Вендта, С. Вулли, Дж. Гренига, П. Данливи, Я. ван Дейка, М. Льюиса, Х. Маргеттс, Н. Хомски и др.¹⁸

Четвертая группа состоит из исследований, посвященных *национальной безопасности* и общим вопросам ее обеспечения. Ведущими исследователями в этой области являются З. Бжезинский, Г. Браун, А.В. Булавин, О.Н. Быков, А. Бэттлер, А.В. Возженикова, М.Ю. Зеленков, О.Г. Карпович, П. Дж. Каценштейн, Г. Киссинджер, А.А. Кокошин, М.П. Леффлер, О.М. Михайленок, Г. Найсенбаум, А.И. Поздняков, И.В. Радиков, Ф. Фукуяма, Л.Т. Шпигель¹⁹.

Соловьев А. И. Дискурсы и прагматика: может ли идеология помочь в управлении государством // *Полития: Анализ. Хроника. Прогноз (Журнал политической философии и социологии политики)*. 2018. № 1. С. 7–29; Малинова О.Ю. Символическое пространство современной политики. Основные тенденции трансформации публичной сферы // *Публичная политика в современной России: субъекты и институты: сборник статей*. М., 2006. С.60–71; Володенков С. В. Интернет-коммуникации в глобальном пространстве современного политического управления. Проспект Москва, 2018. – 272 с. и др.

¹⁷ Глушко Ю.В. Совершенствование взаимодействия органов государственной власти и средств массовой информации в Республике Крым // *Научный вестник: Финансы, банки, инвестиции*. 2022. №3. С. 124-131; Михайлов Д.О. Взаимодействие традиционных СМИ и власти в вопросах реализации государственной информационной политики России // *Коммуникология: электронный научный журнал*. 2022. Том 7. №2. С.34-42; Маслов А.С. Государственная информационная политика: проблемы формирования и организации // Воронеж, 2020. С. 349-353 и др.

¹⁸ Dunleavy P.; Margetts H. Data science, artificial intelligence and the third wave of digital era governance // *Public Policy and Administration*. 2023. Т. 38, № 4. Р. 421-445; Lewis M.; Govender E.; Holland K. (ред.) *Communicating COVID-19: Media, Trust, and Public Engagement*. Cham : Palgrave Macmillan, 2024. - 480 p.; Van Dijk J. *The Network Society*. 4-е изд. London : Sage, 2020. - 384 p.; Grunig J. E.; Grunig L. A. *Excellence in Public Relations and Communication Management*. 30th Anniv. ed. New York : Routledge, 2021. 680 p.; Chomsky N. *Media Control: The Spectacular Achievements of Propaganda*. 2-е изд. New York : Seven Stories Press, 2024. - 96 p. и др.

¹⁹ Бочарников И.В. Глобализация террористической угрозы в современном мире // *Наука. Общество. Оборона*. 2018. № 4 (17). URL: <https://www.noo-journal.ru/nauka-obshestvo-oborona/2018-4-17/article-0169/> (дата обращения – 31.05.2025); Мировая политика. Передовые рубежи и красные линии / А.В. Булавин, О.Г. Карпович, А.В. Манойло, В.Б. Мантусов. М.: РИО Российской таможенной академии, 2018. – 456 с.; Киссинджер Г. Мировой порядок. М.: АСТ, 2018. – 544 с.; Бжезинский З. Стратегический взгляд: Америка и глобальный кризис / пер. с англ. М. Н. Десятовой. М.: АСТ, 2014. – 287 с.; Brown H. *Thinking about National Security: Defense and Foreign Policy in a Dangerous World*. Colorado, 1983. – 288 p.; Popescu I. *No Peer Rivals: American Grand Strategy in the Era of Great Power Competition*. Ann Arbor: Univ. of Michigan Press, 2024. - 368 p.; Floyd R. *The duty to secure: from just to mandatory securitization* // *International*

Пятую группу составляют работы по изучению новых вызовов и угроз национальной безопасности в информационной сфере. Прежде всего, это труды, связанные с введением в научный оборот и исследованием феномена *информационной войны*. Это работы зарубежных ученых – Дж. Аркиллы, Д. Деннинга, Дж. Дэвида, М. Либики, С. Макдональда, Т. МакКелдлина, Г.Г. Почепцова, К. Санстейна, Дж. Стейна, Р. Талера, П. Тейлора, Р. Шафрански²⁰, и отечественных исследователей – Н.А. Брусницина, А.И. Ватулина, А.В. Виловатых, Л. В. Воронцовой, А.В. Забарина, С.А. Комова, Н.А. Костина, В.П. Краснослободцева, В.Е. Лепского, В.А. Лисичкина, В.С. Пирумова, А.В. Раскина, С.П. Расторгуева, В.Н. Ремарчука, М.А. Родионова, И.В. Тарасова, Д.Б. Фролова, В.И. Цымбал, Л.А. Шелепина²¹.

Отдельно можно выделить отечественные и зарубежные исследования *информационных операций* Д. Аллена, Л. Армистеда, Р. Вандомма, Р. Глока, А. Дэвида, Е.В. Егоровой-Гантман, Д. Кампена, Т. Томаса, С. Тэтхема, А. Харриса²².

Особое направление составляют исследования, посвященные феномену «*мягкой силы*» – О.Н. Бороха, А.Л. Вивинга, М. Галларотти, Е. Голдсмита, А.И. Гушера, И.Н. Кохтюлиной, А.В. Ломанова, Дж. Ная, А.И. Смирнова, О.В.

Affairs. 2024. Vol. 100, № 6. P. 2666-2688; *Shapiro J.* Winning without fighting: Resilience as national security imperative // Irregular Warfare Initiative, 02.05.2025. [Электрон. ресурс]. URL: <https://irregularwarfare.org/articles/winning-without-fighting-resilience-as-national-security-imperative/> (дата обращения: 10.05.2025). и др.

²⁰ *Stein G.* Information Attack: Information Warfare In 2025. Air Force 2025 series. Maxwell AFB, AL: Air University, Air War College, 1996. – 41 p.; *Почепцов Г.Г.* Информационные войны. Новый инструмент политики. М.: Эксмо, 2015. – 300 с.; *Szafranski R.* Neocortical warfare? The acme of skill // In Athena's camp. Ed. By J. Arquilla, D. Ronfeldt. Santa Monica, 1997. P. 41 – 55; *Denning D.E.* Information warfare and security. Reading etc., 1999. – 522 p.; *Libicki M.C.* Conquest in cyberspace. National security and information warfare. Cambridge, 2007. – 323 p. и др.

²¹ *Воронова О.Е.* Современные информационные войны. Стратегии, типы, методы, приемы/ О.Е.Воронова, А.С.Трушин. Москва: Аспект Пресс, 2021. – 175 с.; *Маслов О.Н.* Инфокоммуникационные технологии в «мягких» конфликтах XXI века / О.Н.Маслов. Москва: Горячая линия-Телеком, 2020. - 100 с.; *Краснослободцев В.П., Раскин А.В., Тарасов И.В.* Информационное противоборство: актуальные проблемы, теория // «Информационные войны». 2022. №4 (63). С. 2-5 и др.

²² *Vandomme R.* From intelligence to influence: the role of information operations. Toronto, 2010. – 88 p.; *Thomas T.L.* Cybersilhouettes. Shadows over information operations. Fort Leavenworth, 2005.; *Tatham S.* U.S. governmental information operations and strategic communications: a discredited tool or user failure? Implications for future conflict. Carlisle, 2013. – 80 p.; *Armistead L.* Information operations matters. Best practices. Dulles, 2010. – 166 p.; *Allen D.* Information Operations Planning. Norwood, MA: Artech House, 2007. – 323 p.; *Манойло А.В.* Структура современных операций информационной войны // *Вестник Российской нации*. 2018. № 4. С. 197–225 и др.

Столетова, А.В. Торкунова, И.А. Чихарева²³, а также «ненасильственным» технологиям смены и трансформации политических режимов – С.Э. Билюги, И.П. Добаева, О.Г. Карповича, Дж. Лафленда, М.Э. Макфола, С.Ю. Малкова, Д.С. Малкова, Е.Г. Пономаревой, Л.Л. Фитуни, Дж. Шарпа, У. Энгдаль²⁴.

Шестая группа – диссертации и авторефераты по теме исследования представляют работы Я.С. Артамоновой, В.В. Борщенко, А.В. Веснина, А.В. Виноватых, А.Ю. Голобородько, Л.Х. Ибрагимова, П.А. Карасева, Е.А. Максимовой, А.А. Маркова, П.А. Махмадова, О.В. Мухина, А.И. Пономаревой, В.В. Павлова, П.П. Фантрова²⁵.

Седьмую группу составили публикации в отечественных и зарубежных электронных СМИ и другие материалы из сети Интернет.

Эмпирическую базу исследования составляют официальные документы, публичные заявления и выступления официальных лиц, статистические данные и результаты социологических мониторингов²⁶,

²³ Най Дж. Будущее власти / Пер. с англ. В. Н. Верченко. М.: АСТ, 2014. - 444 с.; Бочарников И.В. «Мягкая сила» как феномен современной мировой политики // Дипломатическая служба. 2018. №2. С. 58 – 66; Gallarotti M. Soft Power: What it is, Why it's Important, and the Conditions Under Which it Can Be Effectively Used. Division II Faculty Publications. 2011. Paper 57. – 51 p.; Goldsmith E., Horiuchi Yusaku In Search of Soft Power: Does Foreign Public Opinion Matter for U.S. Foreign Policy? // Crawford School Research Paper. No 8. – 45 p.; Борох О.Н., Ломанов А.В. От «мягкой силы» к «культурному могуществу» // Россия в глобальной политике. 2012. Т. 10. № 4. С. 54–67.

²⁴ Шарп Дж. От диктатуры к демократии: Стратегия и тактика освобождения. М.: Новое издательство, 2012. - 84 с.; McFaul M. Russia's Unfinished Revolution: Political Change from Gorbachev to Putin. New York: Cornell University Press, 2002. – 400 p.; Карпович О.Г. Роль США в украинском кризисе (2013–2014-е гг.) // Международные отношения. 2016. № 2. С. 179–188; Лафленд Дж. Техника государственного переворота // Оранжевые сети: от Белграда до Бишкека / Отв. ред. Н. А. Нарочницкая. СПб.: Алтея, 2008. С. 23–38 и др.

²⁵ Голобородько А.Ю. Государственная культурная политика в системе обеспечения национальной безопасности современной России: диссертация ... доктора политических наук: 23.00.02. Ростов-на-Дону, 2016 – 276 с.; Виноватых А.В. Информационное противоборство в политическом процессе: тренды цифровой реальности: диссертация ... доктора политических наук: 23.00.02. М., 2021. – 347 с.; Павлов В.В. Информационная безопасность как фактор обеспечения политической стабильности общества: диссертация ... кандидата политических наук: 23.00.02. СПб., 2020. - 198 с.; Борщенко В.В. Политическое манипулирование в Интернет-пространстве как угроза информационной безопасности: диссертация ... кандидата политических наук: 23.00.02. СПб., 2021. - 374 с.; Жуков А.В. Социальные сети как инструмент политической власти: влияние на международную безопасность: диссертация ... кандидата политических наук: 22.00.05. М., 2021. - 155 с. и др.

²⁶ Информационно-аналитический бюллетень (ИНАБ). Российское общество в условиях пандемии: год спустя (опыт социологической диагностики). 2021. № 2. М. М.: ФНИСЦ РАН. 2021 – 109 с.; Российское общество и вызовы времени. Книга шестая / ФНИСЦ РАН, Институт социологии. Под ред. М.К. Горшкова и Н.Е. Тихоновой. М.: Издательство «Весь Мир», 2022. – 284 с.; Как живешь, Россия? Экспресс-информация. 53 этап социологического мониторинга, июнь 2023 года: [бюллетень] / В. К. Левашов, Н. М. Великая, И. С. Шушпанова [и др.]; отв. ред. В. К. Левашов; ФНИСЦ РАН. М.: ФНИСЦ РАН, 2023 – 92 с.; Edelman Trust Institute. 2025 Edelman Trust Barometer: Global Report: отчет. Chicago: Edelman, 2025. 78 p.; We Are Social; Meltwater; Kepios. Digital 2025: Global Overview Report: ежегод. аналит. докл. London:

социально-экономические показатели, а также результаты анализа сообщений в СМИ и социальных сетях. В работе также использовались доклады экспертно-аналитических центров²⁷, материалы российских и международных научно-практических и общественно-политических форумов, конференций, семинаров, заседаний рабочих групп и т.д.

Цель исследования – выявить особенности организации противодействия новым вызовам и угрозам национальной безопасности в системе государственной информационной политики Российской Федерации, позволяющие не только оперативно реагировать на данные угрозы по факту, но и действовать на упреждение, проактивно, выявляя и парируя угрозы национальной безопасности в информационной сфере на ранних стадиях их возникновения.

Задачи исследования:

- выявить и классифицировать современные научные подходы к государственной информационной политике, определить сущностные черты государственной информационной политики как механизма власти;
- выявить характеристики, роль и дать определение социокультурного измерения государственной информационной политики;
- систематизировать концептуальные представления о ведении современных войн, вызовах и угрозах безопасности, выявить особенности взаимосвязи и взаимозависимости государственной информационной политики и национальной безопасности РФ;

We Are Social, 2025. 630 p.; World Values Survey Association. World Values Survey, Wave 7 (2017–2022): Dataset and Documentation. Release v6.0: [данные и метод. описание]. Stockholm: WVSA, 2024. 214 p.

²⁷ Роль технологий «мягкой силы» в информационном, ценностно-мировоззренческом и цивилизационном противоборстве / Академия военных наук, Научно-исследовательский центр проблем национальной безопасности, кафедра информационной аналитики и политических технологий МГТУ имени Н.Э. Баумана / Под общ. ред. И.В. Бочарникова. М.: Изд-во «Экон-Информ», 2016; Глобальный правый бунт: трампизм и его база / К.О. Телин, О.Н. Барабанов, Д.В. Ефременко и др. // Доклады Валдайского дискуссионного клуба. 2017; Ценностная солидаризация и общественное доверие в России / Проект исследовательской группы «ЦИРКОН». URL: <http://doverie.zircon.tilda.ws/zennosti> (дата обращения: 31.05.2025); Саймонс Г. Кризис политических войн XXI века // Валдайские записки. № 105. 2019.

- выявить глобальные тенденции изменения условий реализации государственной информационной политики РФ в контексте обеспечения национальной безопасности РФ;
- выявить новые вызовы и угрозы национальной безопасности РФ в информационной сфере;
- сформулировать характеристики современного российского общества как непосредственной среды реализации государственной информационной политики РФ в контексте обеспечения национальной безопасности;
- выявить особенности эволюции концептуальных основ, форм, методов и технологий реализации государственной информационной политики Российской Федерации в сфере обеспечения национальной безопасности РФ;
- определить особенности государственной информационной политики Российской Федерации в условиях проведения специальной военной операции на Украине;
- выявить перспективы государственной информационной политики в обеспечении национальной безопасности Российской Федерации в условиях новых вызовов и угроз.

Объект исследования – государственная информационная политика Российской Федерации в системе обеспечения национальной безопасности Российской Федерации.

Предмет исследования – формы, методы и технологии реализации государственной информационной политики Российской Федерации в сфере противодействия новым вызовам и угрозам национальной безопасности Российской Федерации.

Научная новизна исследования определяется характером поставленной цели исследования и решаемыми в ходе ее достижения задачами:

- выявлены и классифицированы подходы к исследованию государственной информационной политики Российской Федерации – технологического-коммуникационного, управленческого, когнитивно-социокультурного. На их основе выявлены особенности эволюции ГИП РФ от

отраслевой политики до комплексного и многоуровневого инструмента власти. Предложена авторская методика уровня анализа ГИП РФ. В ходе исследования также установлено, что государственная информационная политика РФ транслирует нарративы из различных, часто противоречащих друг другу, дискурсов, не объединенных единой системой ценностей и недостаточно сопряженных с «культурными кодами» аудиторий;

- уточнены и систематизированы угрозы национальной безопасности РФ в информационной сфере; установлено, что они делятся на технологические, коммуникационные, когнитивно-социокультурные и институциональные, среди которых присутствуют новые вызовы и угрозы, такие, как разрыв доверия, когнитивные войны, идеологическая и ценностная поляризации, относящиеся, в первую очередь, к когнитивно-социокультурной сфере. С помощью методов системного и численного анализа установлено, что наиболее опасными являются когнитивно-социокультурные угрозы – кризис доверия, политико-идеологическая поляризация, ценностная поляризация, а также институциональная угроза монополизации Big Tech; затем, по убыванию степени угрозы, следуют дипфейки, сетевая пропаганда, борьба за информационные «chokepoints», «клиповое мышление»; выявлено, что в этих условиях одной из приоритетных задач информационной политики становится снижение ценностно-идеологической поляризации и дезинтеграции общества, а сама организация противодействия новым вызовам и угрозам национальной безопасности РФ в информационной сфере должна строиться на прочной когнитивно-социокультурной матрице;

- выявлены новые каналы и инструменты реализации ГИП РФ: с развитием социальных сетей такими инструментами становятся «лидеры мнений» (включая представителей экспертных сообществ), объединенные в самоуправляемые сетевые структуры. Выявлен феномен иррационально-высокого доверия граждан к социальным сетям и «нюсмейкерам», основанный на политическом мифе о том, что именно они обладают самой свежей и оперативной информацией, получаемой «из первых рук», в то время

как официальные органы власти публикуют ее с задержкой и/или с существенными изъятиями.

В диссертации делается вывод об анархичности природы сетевых отношений; о том, что, несмотря на кажущуюся аффилиацию и иерархию подчинения, на практике совокупность таких сетей представляет собой анархичную среду и в отдельные моменты может выходить из-под контроля;

- выявлены три основных модели взаимодействия субъектов ГИП РФ с негосударственными субъектами, участвующими в реализации ГИП: директивная, патрон-клиентская и центрально-периферийная. В ходе исследования выявлено, что со временем все три модели трансформируются в технократическую модель информационной политики – в «вертикальные функциональные структуры» федеральных ведомств и подотчетных им сеток (модель, аналогичная «Picket-fence» в федерализме);

- выявлены новые политические технологии, пришедшие в ГИП РФ уже после начала СВО – «рутинизация» и «множественная переадресация», впервые введенные в научный оборот в настоящем исследовании;

- установлено, что, начиная с 2022 года, ГИП РФ все более фокусируется на культурно-ценностном концепте безопасности (защита культуры, традиций, ценностей), что точно соответствует глобальным изменениям характера новых вызовов и угроз. При этом отмечается, что СВО стала важнейшим механизмом развития государственной информационной политики России, благодаря чему ГИП РФ постепенно переходит от преимущественно реактивной модели реагирования на новые вызовы и угрозы к ограниченно-проактивной.

Теоретическая значимость результатов диссертационного исследования обусловлена актуальностью ее темы. Работа конкретизирует понятие государственной информационной политики, дифференцирует его от других отраслей государственной политики в информационно-коммуникационном пространстве. Результаты исследования уточняют и развивают новые положения концептуальных документов (Стратегии

национальной безопасности РФ, Доктрины информационной безопасности РФ, изменений Федеральных законов РФ), относящихся к государственной информационной политике в сфере обеспечения национальной безопасности, расширяют представления о способах ее реализации. Исследование государственной информационной политики в современных условиях дает представление о тенденциях и закономерностях эволюции ГИП, о взаимосвязи государственной информационной политики Российской Федерации и современного информационно-коммуникационного пространства, что, в свою очередь, позволяет уточнить и конкретизировать роль и место ГИП в системе национальной безопасности на современном этапе.

Практическая ценность результатов исследования состоит в том, что результаты данной работы могут быть использованы при оценке состояния информационной безопасности Российской Федерации, в дальнейших эмпирических исследованиях по отдельным вопросам государственной информационной политики и национальной безопасности Российской Федерации. Результаты работы, наряду с другими исследованиями данной проблематики, могут быть использованы для обучения специалистов и выработке практических рекомендаций для совершенствования государственной информационной политики в сфере противодействия новым вызовам и угрозам в информационно-коммуникационном пространстве.

Методологическая основа исследования государственной информационной политики представляет собой систему научных подходов и методов, объединенных единым замыслом и логикой исследования, позволяющих: вскрыть сущностные и содержательные характеристики государственной информационной политики, глубинные законы функционирования, формы и методы реализации, особенности трансформации в современных условиях, в том числе, под влиянием новых вызовов и угроз национальной безопасности; установить взаимосвязь между процессами цифровой трансформации общества, появлением и прогрессом в сфере новых информационных технологий (в том числе, в сфере управления),

с одной стороны, и решением задач, возлагаемых на ГИП государством, с другой, включая такие ключевые задачи, как защита и продвижение национальных интересов Российской Федерации в информационной сфере, обеспечение информационного суверенитета и безопасности, содействие безопасному и устойчивому развитию информационного общества. В этом плане ключевым инструментом настоящего исследования выступает системный подход, получивший развитие в трудах Т. Парсонса, Г. Алмонда, К. Дойча, Д. Истона, В.И. Коваленко, О.Ф. Шаброва, А.И. Соловьева, В.И. Якунина. Системный подход позволяет рассматривать ГИП РФ как систему взаимодействующих субъектов (активных участников, наделенных властными полномочиями и способных своими активными действиями оказывать существенное влияние на информационные процессы) и иных участников данного взаимодействия (в основном, негосударственных акторов, за редкими случаями, не обладающих в рамках системы ГИП правосубъектностью, но нередко выступающих важными инструментами ее реализации, а также структур экспертного сообщества), со всем многообразием выстраиваемых в рамках этой системы вертикальными и горизонтальными связями (исследуемыми в рамках структурно-функционального и сетевого подходов).

Социокультурный подход предоставил аналитический фрейм, позволяющий выявить не только структуру информационных потоков, но и вскрыть культурно-ценностные факторы формирования и реализации ГИП РФ, социокультурные трансформации и возникающие вместе с ними ключевые вызовы и угрозы, а также определить нарративное содержание ГИП РФ и его роль в обеспечении национальной безопасности, что представляется особенно значимым в контексте смещения информационного противостояния в сторону когнитивных войн.

Институциональный подход использовался для определения целей и задач государственной информационной политики Российской Федерации, реакции властных институтов (в том числе противника) на

трансформирующиеся вызовы и их взаимодействие между собой. В то же время сетевой подход позволил включить в анализ политико-управленческого процесса более широкий круг акторов (в особенности отечественных и зарубежных платформ способных не только оказывать влияние на реализацию ГИП, но и самим выступать генераторами новых вызовов и угроз безопасности.

Для операционализации выводов были использованы контент- и дискурс-анализ официальных документов, заявлений и речей политиков, медиаконтента; метод анализа статистических данных международных аналитических центров и отечественных социологических служб; для выявления наиболее существенных вызовов и угроз в рамках системного подхода использовалась кросс-импакт-матрица. В работе также применялся метод case-study для определения особенностей конкретных практик ГИП РФ.

На защиту выносятся следующие положения:

1. Современная государственная информационная политика – результат эволюции от отраслевой политики «пропаганды» и «связей с общественностью» к более комплексной и многоуровневой деятельности государства и одному из ключевых механизмов власти и является полем взаимодействия широкого круга государственных и негосударственных акторов и платформ. Социокультурный уровень является формообразующим для государственной информационной политики. Пересечение социокультурной сферы и государственной информационной политики представляет собой ее социокультурное измерение – пространство конкуренции политических субъектов, деятельность которых направлена на сохранение или трансформацию фундаментальных общественных правил, норм, ценностей и представлений в целях реализации собственных интересов. Совершенствование нормативно-правовой базы и технических средств фильтрации и блокировки вредоносного контента позволяет государственной информационной политике Российской Федерации эффективно выявлять и удалять недостоверную, вредоносную информацию; модернизация систем

мониторинга увеличивает оперативность реакции на атаки; развитие отечественных платформ дает контроль над алгоритмами; использование новых технологий (AI, VR) действеннее доносит сообщения. Однако на социокультурном уровне ГИП транслирует набор нарративов из разных дискурсов (консервативного, националистического, советского, либерально-демократического), которые не объединяются единой системой фундаментальных норм и ценностей. Отсутствие прочной социокультурной матрицы, резонирующей с «культурными кодами» аудиторий, снижает функциональность блокировок и коммуникации, создает идеологический «вакуум», создающий условия для воздействия деструктивных нарративов.

2. Новая турбулентность проявляется в интенсификации социальных противоречий и конфликтов в развитых странах, ростом политического насилия, протестной активности и политических кризисах в развивающихся странах, обострении межгосударственных конфликтов. На этом фоне в информационной сфере возникают новые угрозы: технологические (атаки на инфраструктуру; борьба за информационные chokepoints: облачные дата-центры, кабели, ОС); коммуникационные (deepfake-кампании, сетевая пропаганда); когнитивно-социокультурные (разрыв доверия – trust-gap, ценностная поляризация, «мягкая сила»); институциональные (монополизация Big Tech, когнитивные войны, StratCom). Установлено, что наиболее значимыми оказываются когнитивно-социокультурные угрозы – кризис доверия, политико-идеологическая поляризация, ценностная поляризация. Большую угрозу несут монополизация Big Tech, дипфейки, сетевая пропаганда, борьба за информационные «chokepoints», «клиповое мышление». В этих условиях в контексте обеспечения национальной безопасности Российской Федерации одной из приоритетных задач информационной политики становится снижение ценностно-идеологической поляризации и дезинтеграции. При этом защита общества будет эффективной в том случае, если она строится на прочной когнитивно-социокультурной матрице; в ее отсутствии снижается эффект регуляторных/технических мер и открываются

«бреши» для осуществления deepfake-атак и сетевой пропаганды. Специфика российского случая заключается в непреодоленных последствиях «культурной травмы»: проявлениях ценностной рассогласованности и размежевания; незавершенности процесса формирования устойчивой национальной идентичности; негативных проявлениях социально-психологического самочувствия граждан. Для государственной информационной политики Российской Федерации эти факторы обуславливают потребность концентрации усилий на когнитивно-социокультурном уровне с целью нивелирования наиболее существенных рисков и угроз.

3. Государственная информационная политика включает в себя формирование новых каналов и инструментов информирования общества. С развитием социальных сетей такими инструментами становятся «лидеры мнений» - блогеры, специальные, военные корреспонденты, «ньюсмейкеры», представители экспертных сообществ, объединенные в формально самоуправляемые сетевые структуры. Такие сети есть у каждого из ключевых министерств и ведомств. Сети берут на себя функцию «адресной доставки» «посланий» власти до сознания каждого конкретного пользователя сети, используя для воздействия на общество технологии «grassroots»; при этом используется высокий уровень доверия граждан к данным категориям ньюсмейкеров, основанный на необоснованном предположении (политическом мифе) о том, что именно они обладают самой свежей и оперативной информацией, получаемой ими «из первых рук», в то время как официальные органы власти такой информацией не обладают, либо получают ее с запозданием и уже в искаженном виде. Сети, являясь эффективным инструментом оперативного информирования и влияния, как правило, замыкаются на конкретное министерство или ведомство и продвигают, в первую очередь, его повестку, часто игнорируя интересы «конкурирующих» госструктур и даже вступая с ними в конфликты; вся совокупность таких сетей нередко действует рассогласованно, представляя собой анархичную среду, и в

отдельные критические моменты (такие, как вторжение террористов в Курскую область в 2024 г.) может выходить из-под контроля государства.

4. Государство выстраивает отношения с сетями по принципу директивной (реализующей функцию «ручного управления»), патрон-клиентской и центрально-периферийной моделей (с преобладанием модели первого типа), нередко осуществляя управление через отдельных наиболее известных представителей данной среды, наделяемых властью особым общественным статусом («дуайенов») и отвечающих за координацию деятельности всех остальных ее представителей. Со временем эти модели трансформируются в технократическую модель информационной политики – в «вертикальные функциональные структуры» федеральных ведомств и подотчетных им сеток (модель, по своей структуре и принципам функционирования аналогичная «Picket-fence» в федерализме), возникающие в том случае, если партнерские связи власти и СМИ замещаются вертикальными производственными связями между чиновниками федеральных ведомств и лидерами общественного мнения, управляющими собственными сетками информационных каналов и «новыми медиа». При этом даже в условиях СВО государственная информационная политика Российской Федерации реагирует на возрастающие риски и угрозы и изменение форм, методов и технологий информационного противоборства преимущественно ситуативно и реактивно («по факту»).

5. В системе государственной информационной политики возникают новые политические технологии – такие, как «рутинизация», которая стала характерна для деятельности ряда ведомств с началом СВО. Рутинизация предполагает регулярное дозированное опубликование оперативной информации, осуществляемое по графику, в одно и то же время, с одной и той же периодичностью; такая ритмичность формирует у потребителей информации привычку, превращающуюся в рефлекс, стимулируя их в определенные моменты времени выстраиваться в очередь за новой порцией информации. Привычка привязывает потребителей к единственному

источнику, который и становится для них референтным (отсекая потребность в альтернативных источниках, среди которых могут быть ресурсы противника). Эффект «рутинизации» усиливает монотонность, однообразность выступлений официального представителя соответствующего федерального ведомства, «зачитывающего» информацию, подготовленную по шаблону. Также используется технология «множественной переадресации» - когда вместо ответа на острый вопрос предлагается обратиться к официальным представителям другого министерства или ведомства, в компетенции которого он находится. После нескольких переадресаций граждане, как правило, утрачивают интерес к самому вопросу и переключаются на другие информационные поводы.

6. С 2015 года в стратегических документах Российской Федерации, посвященных вопросам национальной безопасности, прослеживается тренд на все большую нормативную институционализацию аспектов информационной безопасности. 2022-25 гг. отмечены усилением акцента на культурно-ценностном концепте безопасности (защита культуры, традиций, ценностей), что соответствует глобальным изменениям характера новых вызовов и угроз и может способствовать более эффективной защите. ГИП РФ оперативно имплементирует новые понятия и тренды в нормативные документы, но принцип формирования стратегических документов остается преимущественно реактивным (реагирующим на изменения среды с временным лагом). В настоящее время в Российской Федерации отсутствует официальный документ проактивной стратегии ГИП. Однако специальная военная операция на Украине стала важным механизмом развития государственной информационной политики Российской Федерации. В условиях конфликта в рамках ГИП РФ внедрены новые нормативные (Федеральный закон от 21.04.2025 N 90-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и статью 31 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации»), технологические («цифровой суверенитет», ИИ-мониторинг), коммуникационные (развитие

платформ) и когнитивные (медиаобразование, воспитание патриотизма, массовые культурные проекты) меры, в результате чего ГИП перешла от преимущественно реактивной модели к ограниченно-проактивной. Однако социокультурные факторы, децентрализованный кибер-активизм, deepfake-атаки, сохраняющееся влияние глобальных технологических корпораций и платформ еще создают существенные барьеры для реализации ГИП в интересах обеспечения национальной безопасности.

Апробация основных результатов исследования. Основные выводы и результаты диссертации опубликованы соискателем в 4 статьях общим объемом 2,63 п.л. (доля автора – 2,63 п.л.) в рецензируемых научных журналах, рекомендованных для защиты в диссертационном совете МГУ по специальности и отрасли наук.²⁸

Основные выводы и результаты диссертационного исследования докладывались на следующих международных и всероссийских научных конференциях: Международной научной конференции студентов, аспирантов и молодых учёных «Ломоносов-2023» (Москва, 18 апреля 2023 г.), тема доклада: «Особенности реализации государственной информационной политики Российской Федерации в обеспечении национальной безопасности»; студенческой международной конференции «Социально-аналитические технологии в современном обществе» (Москва, 19 мая 2022 г.), тема доклада: «Новые вызовы и угрозы информационной безопасности Российской Федерации»; Международной научной конференции «Россия в условиях нового миропорядка: дилеммы, вызовы, перспективы» (к 100-летию со дня рождения А.М. Ковалева) (Москва, 22 мая 2023 г.).

Соответствие диссертации паспорту научной специальности. Отражённые в диссертации научные положения соответствуют следующим

²⁸ Ковалев М.К. Социокультурное измерение государственной информационной политики // Гражданин. Выборы. Власть. 2022. № 3 (25). С. 176-185; Ковалев М.К. Государственная информационная политика в системе обеспечения национальной безопасности // Вопросы политологии. 2023. Т. 13, № 1 (89). С. 166-172; Ковалев М.К. Условия реализации государственной информационной политики: глобальные тренды // Гражданин. Выборы. Власть. 2023. № 2 (28). С. 93-105; Ковалев М.К. Особенности и механизмы реализации государственной информационной политики Российской Федерации // Вопросы политологии. 2023. Т. 13, № 8-2 (96-2). С. 4109-4120.

пунктам паспорта специальности 5.5.2. Политические институты процессы и технологии: 1. Политика как сфера общественной жизни: структура и функции политики; 3. Политическая власть: природа, сущность и функции, легитимность. Властный процесс и политические институты; 4. Механизмы и технологии традиционной и цифровой политики: формы и уровни организации; 8. Политические институты: формирование, развитие и современные трансформации; 15. Психологические аспекты политических процессов; 16. Процессы и механизмы политического восприятия. Политическое сознание; 19. Глобализация, сетевизация и цифровизация: политические аспекты; 20. Механизмы и технологии управления политическими изменениями; 26. Социальные и политические конфликты: причины, факторы, типы и технологии регулирования; 29. Информационные процессы и управление политическими коммуникациями: традиционные СМИ, социальные медиа и сети; 30. Политические технологии и специфика их применения; 32. Политические риски: модели и технологии управления; 33. Стратегическое управление, политическое прогнозирование и проектирование политических институтов и процессов.

Глава 1. Теоретико-методологические аспекты исследования роли государственной информационной политики в обеспечении национальной безопасности

1.1. Государственная информационная политика как предмет анализа политической науки

Государственная информационная политика является частью политики государства, поэтому целесообразно рассматривать ее прежде всего с позиций подходов, исследующих общетеоретические проблемы и сущность государственной политики как таковой.

В политической науке как правило выделяют два основных подхода – *нормативный* и *поведенческий*. В первом случае акцент делается на формальных институтах и правовых полномочиях, во втором — на взаимодействии органов власти с группами интересов, экспертными сообществами, медиа-платформами и другими негосударственными акторами.

Сторонники первого подхода отстаивают ряд следующих положений.

Государственная политика – результат активности органов государственной власти, которые осуществляют ее в рамках законодательных ограничений и закрепленных за ними функций. Государственная политика осуществляется системой институтов, выстроенных по иерархическому принципу. Государство реализует общенациональные интересы. Различия

между государственной политикой и государственным управлением минимальны, данные понятия практически не разграничиваются, государственная политика представляется как часть управленческой деятельности государства²⁹.

Таким образом, нормативный подход определяет государственную политику как «управленческую деятельность по достижению целей развития в порядке реализации полномочий власти»³⁰ и как организованную трансформацию целей политических субъектов в государственные программы и конкретную практику государственных органов.

Представители поведенческого подхода, напротив, рассматривают государственную политику как результат взаимодействия широкого круга акторов. Государство здесь выступает одним из ведущих, но далеко не единственным субъектом политико-управленческого процесса. Данный подход акцентирует внимание на значительной роли сетевых ассоциаций, групп интересов, латентных структур и связей. Также большое значение придается иррациональному (ценностному, психологическому, интуитивному) в процессе выработки и реализации государственной политики³¹. Таким образом, государственная политика, с точки зрения поведенческого подхода, не может формироваться и реализовываться автономно от интересов социальных групп, влиятельных политических игроков, структур давления и «человеческого фактора».

В частности, специалисты, тяготеющие к поведенческому подходу, отмечают, гетерогенный характер государственного управления и говорят о том, что оно является институционализированной формой публичной власти, которая является результатом трансформации политической власти. Следовательно, политическая власть неизбежно проецирует свои внутренние

²⁹ Owen E. Hughes (ed.). Public management and Administration. An introduction. 3rd ed. Houndmills: Palgrave Macmillan, 2003. Vol. VIII. – 304 p.; Ременников В.Б. Управленческие решения. М.: МИЭМП, 2010. – 141 с.

³⁰ Сулакишин С.С. Современная государственная политика и управление. Курс лекций. М.: Директ-Медиа, 2013. С. 17.

³¹ Knopfel P., Larrue C., Varone F., Hill M. Public Policy Analysis. Bristol: The Polity Press, 2007. – 317 p.; McClurg S., Lazer D. Political Network // Social Network. 2014. Vol. 36. No 1. P. 1-4.; Сморгунов Л.В., Шерстобитов А.С. Политические сети. Теория и методы анализа. М.: Аспект Пресс, 2014. – 320 с.

противоречия и изначальную конфликтную природу столкновения противоположных интересов на всю систему государственного управления³². Это формирует различные группы интересов со своими зонами влияния, которые претендуют на доминирующие позиции в отдельных сферах общественной жизни. Этот базовый конфликт имеет два измерения – территориальное и внутриадминистративное.

Территориальная гетерогенность заключается в наличии локальных центров влияния, которые создают противоречие между интеграцией и дезинтеграцией. Локальные центры, имея собственную ресурсную оснащенность, приобретая поддержку местных сообществ, действуют в своих интересах, из собственной логики целеполагания, что зачастую не совпадает или прямо противоречит государственному курсу центра. В целом государство в большинстве случаев достаточно успешно справляется со сдерживанием уровня отделения локальных центров нормативно-правовыми и административными практиками, благодаря чему купируются центробежные тенденции, сепаратизм и потеря управляемости. Однако само существование локальных центров влияния, возможность утраты целостности и солидарности государства ведет к необходимости согласования целей местных структур и институтов государства, что ведет к усложнению всей конструкции государственного управления и увеличению издержек³³.

Внутриадминистративная гетерогенность обусловлена, во-первых, возможностью различных статусных акторов использовать официальные рычаги в собственных и корпоративных целях. Во-вторых, самими свойствами, присущими структурам управления (наличие существенных ресурсов и активов, собственных стратегий и планов, легальных административных инструментов, самостоятельной системы рекрутирования кадров, в том числе на высокие управленческие позиции, существование символов, традиций, корпоративной этики, укрепляющих внутреннюю

³² Соловьев А.И. "Государственное управление" и "управление государством": конфликты концептов и практик //Вестник Пермского университета. Серия: Политология. 2022. Т. 16. №. 2. С. 39-48.

³³ Там же. С. 40.

солидарность коллектива, а также наличие амбиций отдельных руководителей по расширению влияния своих ведомств)³⁴. Это усиливается наличием государственных и гражданских неформальных сетевых коалиций, оказывающих давление на систему госуправления в целях реализации собственных интересов и стратегий. Такие феномены не в полной мере контролируются государством, что ведет к «территориально-функциональной» диффузии³⁵, которая может дойти до «полувраждебной конкуренции», а также к формированию непреходящих линий конфликтов.

В совокупности территориальная и внутриадминистративная гетерогенность становится причиной возможности «проведения не просто различных, но и противоположных по своей направленности государственных политик»³⁶.

Современные исследования объединяют оба подхода через оптику «governance», описывая современную госполитику как сеть горизонтально связанных акторов – государства, бизнеса, НКО и гражданских структур – которые через переговоры осуществляют совместную выработку правил и обмен ресурсами. При этом государство задает юридические рамки (формальные «правила игры»); пользуется нормативной властью для сбора сетей; является источником «тени санкций» (угроза применения жестких мер в отношении «нарушителей»); легитимирует, финансирует и масштабирует результаты взаимодействия сети³⁷.

Например, в рамках этого подхода отдельно стоит выделить два определения, которые, по мнению автора, наиболее полно и точно раскрывают сущность государственной политики.

Первое определение предполагает, что государственная политика – «это сфера деятельности на стыке политической и управленческой. В ней

³⁴ Там же. С. 41.

³⁵ Соловьев А. И. "Доказательная политика" и "политика доказательств": дилемма постсоветских обществ // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. 2021. Т. 14. №. 5. С. 61-80.

³⁶ Соловьев А. И. "Государственное управление" и "управление государством": конфликты концептов и практик // Вестник Пермского университета. Серия: Политология. 2022. Т. 16. №. 2. С. 42.

³⁷ Klijn E. H., Koppenjan J., Spekkink W., Warsen R. Governance Networks in the Public Sector: 2nd ed. / E. H. Klijn, J. Koppenjan, W. Spekkink, R. Warsen. — Abingdon; New York: Routledge, 2025. — 282 p.

происходит выработка и согласование с основными политическими субъектами системы целей государственного управления, а также доведение этой системы целей до субъектов, осуществляющих государственное управление»³⁸. В рамках второго определения государственная политика представляет собой взаимодействие статусных и неформальных субъектов политики, которые способны контролировать или влиять на процесс принятия решений, преследуют свои интересы и для определенного распределения общественных ресурсов при решении и регулировании задач на всех уровнях и во всех отраслях³⁹.

Оба определения отражают процесс формирования и реализации государственной политики как взаимодействие статусных (государственных) и неформальных акторов. Их различие заключается в том, что первое акцентирует внимание на особой роли государства и его управленческой деятельности, второе – на влиянии неформальных субъектов и внутренней гетерогенности государственного аппарата.

Представляется, что оба этих аспекта важны в рассмотрении государственной информационной политики, т.к. с одной стороны ее формирование и реализация осуществляется государством в рамках формальных институтов и практик, с другой – ГИП свойственна гетерогенность, она не избегает влияния круга субъектов, влияющих на процесс принятия политических решений. Зачастую мы видим, как различные акторы политического процесса, даже встроенные в «вертикаль власти», проводят собственные информационные политики, с собственными целями, в некоторых случаях прямо противоположными.

Поэтому при анализе ГИП важно учитывать не только декларируемые цели, но и за счет каких организационных, кадровых и прочих ресурсов эти

³⁸ Якунин В.И., Кара-Мурза С.Г., Вершинин А.А., Каменский А.В. Политология, лекция 4. Государственная политика и управление // Лекции по политологии. М.: Научный эксперт, 2014. С. 63.

³⁹ Государственная политика и управление: учебное пособие для вузов / Е. В. Андриюшина, А. Н. Бордовских, Н. С. Григорьева [и др.]; под редакцией А. И. Соловьева. М.: Аспект Пресс, 2018. С. 53.

цели будут достигаться, кто будет их реализовывать и как этот процесс будет контролироваться.

Следующим этапом в конкретизации термина «государственная информационная политика» является отделение его от смежных категорий политической науки.

Первой такой категорией является понятие политического управления, определение которого в основном сводится к дискуссии соотношения терминов политики и управления.

Согласно одной точки зрения, политика и управления неотделимы друг от друга понятия, они идентичны. Некоторые представители данного подхода рассматривают политику как вид управления. Другие указывают на невозможность разделения политики и управления в силу незавершенности научных дискуссий относительно содержания данных категорий⁴⁰.

Противоположный подход проводит границу между политикой и управлением, однако ее основания у каждого теоретического направления различны. Современные исследователи, придерживающиеся данной позиции, связывают политику с процессом целеполагания, а управление с конкретной деятельностью по достижению поставленных целей. Например, В.И. Буренко утверждает, что отличие управления от политической деятельности заключается в определенности или неопределенности целей. В политике цели не определены, они находятся в процессе определения, для нее характерно существование альтернатив. Когда цели определены, происходит «уход» политики и начинается управленческая деятельность. Иными словами, политика – определение целей, управление – их исполнение, деятельность по их достижению⁴¹.

В целом, в широком смысле, политическое управление является «зонтичным понятием», включающим в себя процессы стратегического

⁴⁰ Соловьев А.И. Политика и управление: когнитивные основания взаимосвязи // *Вестник Московского университета. Серия 21: Управление (государство и общество)*. 2005. № 3. С. 36–50.

⁴¹ Буренко В.И. Власть—политика—управление в системе отношений «общество—государство» // *Тр. МГУУ Правительства Москвы*. 2005. №. 4. С. 247-261.

целеполагания, достижения политических целей, легитимации. Таким образом, под политическим управлением подразумевается любая политико-управленческая деятельность, в том числе государственная политика в определенной сфере. Следовательно, в данном случае, государственная информационная политика является частью политического управления, поэтому при ее анализе далее будет учитываться ее управленческий аспект.

Современные исследования политического управления акцентируют внимание на его информационно-коммуникативном аспекте, утверждая, что ядром современного политического управления являются технологии убеждающей коммуникации. При этом политическое управление понимается как субъектно-субъектное информационно-коммуникационное «взаимодействие участников политического процесса по поводу совместной выработки и реализации политических целей»⁴², что значительно сближает данное понятие с государственной информационной политикой. Здесь также можно утверждать, что государственная информационная политика является разновидностью политического управления.

Однако термин государственная информационная политика используется в работе с целью изучения деятельности *государства*, а также в силу того, что объект исследования рассматривается в контексте обеспечения национальной безопасности, которое на сегодняшний день является исключительной прерогативой государства.

Следующим термином, требующим разграничения с государственной информационной политикой, является медиаполитика. Медиаполитика определяется как «политические, законодательные, экономические, а также культурные рамки, в которых сегодня регулируется деятельность СМИ в обществе»⁴³. Регулирование деятельности СМИ занимает важное место в содержании государственной информационной политики, однако не исчерпывает его. В современном мире СМИ, хотя и по-прежнему являются

⁴² Володенков С.В. Интернет-коммуникации в глобальном пространстве современного политического управления. Проспект Москва, 2018. С. 44.

⁴³ МакКуэйл Д. Журналистика и общество. М.: Фак. журн. МГУ; Медиамир, 2013. С. 209.

влиятельным средством установления информационной повестки, но практически уступили свои позиции социальным сетям, мессенджерам и видеохостингам. Если же под «медиа» понимать любое средство передачи информации, то сфера ГИП оказывается гораздо шире, т.к. не сводится только к регулированию этих средств, вследствие чего медиаполитика является элементом государственной информационной политики.

Государственную информационную политику стоит также соотнести с понятием «символическая политика». Данный термин был введен в отечественный научный оборот С.П. Поцелуевым, который определял его как «особый род политической коммуникации, нацеленной не на рациональное осмысление, а на внушение устойчивых смыслов посредством инсценирования визуальных эффектов»⁴⁴. Он также отмечал, что в данном случае символическая политика понимается как суррогат реальных политических решений и действий. Впоследствии исследователи стали рассматривать символическую политику как самостоятельную и самодостаточную область политики, которая стала пониматься как «деятельность, связанная с производством определенных способов интерпретации социальной реальности и борьбой за их доминирование»⁴⁵. Сущность символической политики заключается в социальном конструировании реальности с помощью внедрения и поддержания фундаментальных смыслов, идей, представлений, идентичностей и т.д.

Таким образом, символическая политика представляет особый вид информационно-коммуникационного воздействия на индивидуальное и массовое сознание. Осуществление такого воздействия или противодействие ему является частью государственной информационной политики, но не идентично ей. ГИП объединяет управленческий, медиарегуляторный и символический векторы, что требует комплексного анализа.

⁴⁴ Поцелуев С.П. Символическая политика как инсценирование и эстетизация // Полис. М., 1999. № 5. С. 62.

⁴⁵ Символическая политика: Сб. науч. тр. / РАН. ИНИОН. Центр социал. науч.-информ. исслед. Отд. полит. науки; Отв. ред.: Малинова О.Ю. Вып. 1: Конструирование представлений о прошлом как властный ресурс. М., 2012. С. 10.

1.2. Современные научные подходы к исследованию государственной информационной политики⁴⁶

Отечественные научные подходы, которые непосредственно используют термин «государственная информационная политика» можно дифференцировать в виде двух основных направлений – технологического и социоцентричного.

Сторонники технологического подхода рассматривают государственную информационную политику как политику в области развития информационно-коммуникационных технологий. В их представлении государственная информационная политика – это деятельность государства (определение направлений, принципов и механизмов) по внедрению и развитию ИКТ в интересах технологического прогресса⁴⁷. Таким образом, данный подход исключает из ведения государственной информационной политики государственный PR, «мягкую силу» на международной арене, выстраивание доверительного диалога с гражданским обществом и др. То есть, концентрирует внимание только на средствах передачи информации, а не на целях, интересах и ее воздействии на население и социальные процессы, включая политические, что значительно сужает возможности данной трактовки термина, в то время как современная государственная информационная политика представляет собой более

⁴⁶ При подготовке данного раздела диссертации использованы следующие публикации, выполненные автором лично или в соавторстве, в которых, согласно Положению о присуждении ученых степеней МГУ, отражены основные результаты, положения и выводы исследования:

Ковалев М.К. Социокультурное измерение государственной информационной политики // Гражданин. Выборы. Власть. 2022. № 3 (25). С. 176-185 (1,61 п.л.). ИФ РИНЦ – 0,44.

⁴⁷ *Богомолов В.О.* Проблемы выработки и реализации информационной политики в современной России. М.: ИИП, ФГОУ РАКО АПК, 2008. С. 38.

масштабный, многогранный феномен, проблематика которого актуализируется не только в силу развития ИКТ, но и практики использования возможностей современных информационно-коммуникационных технологий в достижении политических целей, воздействии на массовое и индивидуальное сознание.

В то же время в современных реалиях активной цифровизации общества, развития искусственного интеллекта, способность государства создавать, производить и распространять высокотехнологичные цифровые продукты становится одним из ключевых факторов влияния на каналы коммуникации и их содержание.

Представители социоцентричного подхода акцентируют внимание на государственном регулировании самой информационной сферы общества (содержания сообщений, достоверности, интерпретации, потоков информации, коммуникации между социальными субъектами и др.)

Так, В.Д. Попов определяет государственную информационную политику как политическую, правовую, экономическую, социально-культурную деятельность государства, которая направлена на обеспечение доступа к информации со стороны граждан⁴⁸. В аспекте властных отношений в обществе сущность государственной информационной политики составляет способность и ресурсную обеспеченность политических субъектов осуществлять воздействие на психику, сознание, и, как следствие, поведение людей в интересах гражданского общества и государства посредством информации⁴⁹. Определение ГИП В.Д. Попова является одним из классических, однако стоит отметить, что в современном виде цели ГИП не ограничиваются обеспечением доступа граждан к информации, но и включают ее интерпретацию и воздействие на механизмы восприятия информации – ценности, смыслы, нормы, представления и т.д. С этой точки зрения предпочтительнее выглядит второе определение ГИП В.Д. Попова, но как

⁴⁸ Попов В.Д. Информациология и информационная политика. М.: 2001. С. 38.

⁴⁹ Там же.

первое, так и второе определения являются нормативными, т.к. в процесс формирования государственной политики могут быть включены различные латентные и статусные акторы, которые стараются реализовать свои частные или ведомственные, а не общенациональные интересы. Потому реализация ГИП может быть направлена не только на обеспечение прав граждан, но и на поддержку власти политической элиты и господствующего класса. Справедливо отметить, что государственная информационная политика является настолько государственной, насколько отражает интересы государства и общества и именно с такой точки зрения может оцениваться ее эффективность, в том числе гражданским обществом. Однако такое определение не соответствует аналитическим целям работы, т.к. в его рамки затруднительно включить, например, ГИП некоторых иностранных государств в отношении России и часто собственных граждан.

Другой представитель социоцентричного направления – Ю.А. Нисневич концентрирует внимание на ее управленческих аспектах. В его понимании, государственной информационной политикой является вся совокупность государственных целей и задач в информационной сфере, стратегия и тактика их реализации, управленческая деятельность, формы и методы данного регулирования с целью устойчивого развития информационной сферы и общества и государства в целом⁵⁰. Данное определение акцентирует внимание только на управленческой стороне ГИП и исключает процесс целеполагания, который является одним из центральных элементов государственной политики как таковой (см. 1.1.).

В коллективной монографии В.Д. Байрамова, Л.В. Мрочко, В.Ф. Ницевича и О.А. Судоргина государственная информационная политика трактуется как «совокупность целенаправленных мер органов государственной власти, реализуемых в сотрудничестве с другими институтами политической системы, элементами гражданского общества и иными социальными субъектами в целях развития личности, развития и

⁵⁰ Нисневич Ю.А. Информация и власть. М.: Мысль, 2000. С. 11.

регулирования социума посредством информационных средств, а также развития и регулирования информационной и технической сферы жизнедеятельности общества и государства»⁵¹.

С.В. Коновченко и А.Г. Киселев дают определение государственной информационной политики как деятельности органов государства по реализации интересов общества и государства в информационно-коммуникационной сфере⁵².

А.А. Лихтин и А.А. Ковалев, анализируя современную российскую информационную политику, акцентируют внимание на то, что государственная информационная политика должна быть направлена исключительно на обеспечение безопасности государства, а также на агрегацию интересов госаппарата и структур гражданского общества, в силу существования и необходимости сохранения свободы слова⁵³.

Все три определения являются по большей части нормативными, они говорят скорее о желаемой, «должной» государственной информационной политике, нежели о реальной. Например, ГИП далеко не всех государств направлена на сохранение свободы слова и остается не ясным, каковы должны быть границы этой свободы. В данных дефинициях говорится об интересах общества и государства, но отсутствует упоминание особенностей процесса возникновения и согласования этих интересов, их возможная разнонаправленность. Несмотря на то, что в ряде определений говорится о включенности гражданских структур и других негосударственных акторов в процесс формирования и реализации ГИП, авторы упоминают только сотрудничество, в то время как не только внешние, но и внутренние по отношению государству субъекты могут конкурировать в процессе принятия решений, в том числе в рамках ГИП.

⁵¹ Ницевич В.Ф. Информационная политика в современном обществе / В.Ф. Ницевич, Л.В. Мрочко, О.А. Судоргин. М.: МГОУ, 2011. С. 122 – 123; Ковалев М.К. Социокультурное измерение государственной информационной политики // Гражданин. Выборы. Власть. 2022. № 3 (25). С. 176.

⁵² Коновченко С.В., Киселев А.Г. Информационная политика в России. М.: РАГС, 2004. С. 384.

⁵³ Лихтин А.А., Ковалев А.А. Теоретические аспекты понятия «информационная политика» и особенности ее реализации в современной российской общественно-политической реальности // Управленческое консультирование. 2017. № 1 (97). С. 34.

Согласно А.В. Мозолину, государственная информационная политика заключается в целенаправленном внедрении определенных смыслов и установок в сознание социальных групп в целях формирования и защиты позитивного образа отдельных органов власти и власти в целом, руководства страны, в частности, высшего руководителя государства⁵⁴. Представляется, что данное определение чрезмерно сужает функционал ГИП до поддержания позитивного образа политического режима. Безусловно, это одна из важных функций государственной информационной политики, однако далеко не единственная и не отражает ее многообразия.

Стоит отметить подход А.А. Стрельцова, который сначала дает определение информационной политики как таковой. Он интерпретирует ее в качестве универсального и безальтернативного механизма по выявлению приоритетов общества, поддержания представлений о существующих проблемах общественного развития и методах их разрешения, мировоззрения, ценностей, норм, установок субъектов политики среди остального населения. В частности, информационная политика представляет собой конкурентную борьбу политических субъектов в информационной сфере в целях приобретения поддержки общества относительно их мировоззренческих позиций, представлений об общественном благе и средствах его достижения, а также политических идеологических позиций⁵⁵. Государственной информационной политикой, согласно А.А. Стрельцову, является «основанная на праве, легитимном принуждении и необходимом ресурсном обеспечении деятельность в информационной сфере государственных органов и должностных лиц по выполнению основных функций государства и реализации идеологической программы субъектов, обладающих публичной властью»⁵⁶. Объектами государственной информационной политики являются общественное сознание и общественное мнение, предметом – формы, методы,

⁵⁴ Мозолин А. В. Информационная политика органов власти: результаты исследования. Екатеринбург, 2012. С. 6

⁵⁵ Стрельцов А.А. Государственная информационная политика: основы теории / под общ. ред. В. А. Садовниченко, В. П. Шерстюка. М.: Изд-во МЦНМО, 2010. С. 30.

⁵⁶ Там же. С. 33.

технологии воздействия государства на общественное сознание и общественное мнение с целью приобретения общественной поддержки существующего политического курса, сохранения или изменения статус-кво, а также средства по оказанию противодействия зарубежному информационному воздействию и воздействию нелегитимных и деструктивных политических сил⁵⁷.

Важно, что А.А. Стрельцов отмечает конкурентный характер формирования и реализации государственной информационной политики ее социокультурный уровень (мировоззрение, ценности, нормы). Однако данное определение не учитывает различие между реальными и декларируемыми идеологемами и целями ГИП. На наш взгляд, этой дефиниции ГИП также отражается только внешняя конкурентная среда информационной политики (с оппозиционными партиями, гражданскими структурами, другими государствами и пр.), но не содержит внутригосударственной конкуренции.

С.Г. Кара-Мурза предлагает несколько иное понимание государственной информационной политики. Он рассматривает ее с позиций социокультурного подхода и определяет государственную информационную политику как «особый срез культурной политики», т.к., по его мнению, любое сообщение является культурно нагруженным, в том числе уже потому, что передается на определенном языке, который является продуктом культуры. Совокупность таких сообщений и знаковых систем образует дискурс. Интерпретация и смысл информации зависит от конфигурации дискурса. Сущность государственной информационной политики, согласно С.Г. Кара-Мурзе, заключается в формировании дискурса в силу того, что «государство стремится завоевать господствующие высоты в *интерпретации* событий в быстро меняющемся обществе и мире»⁵⁸.

С.Г. Кара-Мурза отмечает чрезвычайно важную функцию государственной информационной политики – формирование дискурса и

⁵⁷ Там же. С 41 – 42.

⁵⁸ Кара-Мурза С.Г. Государственная информационная политика // Центр изучения кризисного общества [Электронный ресурс]. URL: <http://vif2ne.org:2009/nvz/forum/arhprint/342031> (дата обращения: 31.05.2025).

общего культурного пространства. Представляется, что это одна из центральных функций ГИП, т.к. социокультурный уровень является формообразующим для всего информационного пространства. Эффективная реализация данной функции избавляет государство от открытого и прямого «ручного управления» повесткой и содержанием сообщений. Однако представленное определение сложно назвать исчерпывающим, т.к. оно затрагивает только культурную и интерпретационную составляющую ГИП.

Однако объем научных трудов по исследованию ГИП не исчерпывается работами, которые используют данный термин как центральный. Исследования в рамках различных подходов фокусируются на отдельных измерениях ГИП и рассматривают ее с разных сторон.

В рамках институционального подхода ГИП рассматривается как набор формальных и неформальных норм, правил и стандартов и занимается регулированием информационных потоков⁵⁹.

Системный подход представляет государственную информационную политику как элемент более широкой социальной и политической системы, обеспечивающий её устойчивость, стабильность и интеграцию, и исследует взаимосвязи между СМИ, государственными органами, обществом и бизнесом как единую систему⁶⁰.

Коммуникационный подход акцентирует внимание на процессе взаимодействия и диалога государства и общества, в котором власть стремится наладить эффективную обратную связь и обеспечить доверие⁶¹.

Критический подход исходит из идеи, что ГИП – инструмент власти и доминирования политических элит, который используется для формирования и поддержания нужной идеологии и манипуляции общественным сознанием⁶².

Конструктивистский подход рассматривает государственную информационную политику как инструмент конструирования социальной

⁵⁹ *Dunleavy P.; Margetts H. Data science, artificial intelligence and the third wave of digital era governance // Public Policy and Administration. 2023. Т. 38*

⁶⁰ *Zhao, Y. Cyber Policy in China: A Systemic Analysis of State Control / Y. Zhao. — Springer, 2021.*

⁶¹ *Van Dijk J. The Network Society. 4-е изд. London : Sage, 2020. - 384 p.*

⁶² *Fuchs, C. Social Media: A Critical Introduction / C. Fuchs. — Sage Publications, 2017.*

реальности и формирования идентичности. С этой точки зрения государство конструирует социальные и политические смыслы через нарративы и формирование идентичности⁶³.

Современные научные подходы демонстрируют, что государственная информационная политика — это многоаспектный феномен, изучаемый с различных ракурсов.

Это обусловлено сложностью ГИП как объекта исследования. Перед специалистами неизбежно встает ряд сложных исследовательских вопросов: где начинается и где заканчивается государственная информационная политика, каковы ее границы, что является ее предметом, кто ее реализует. Действительно, в отличие от других государственных политик (промышленной, финансовой, социальной, образовательной, политикой в области здравоохранения и других), которые имеют более или менее очерченные границы своего ведения и реализуются преимущественно определенными органами государственной власти, ГИП имеет дело с информацией и коммуникацией, которые лежат в основе существования и функционирования общества. Они включают в себя чрезвычайно широкий круг элементов: технические средства коммуникации, каналы коммуникации, саму информацию, ценности, представления, установки и психологическое состояние населения, образ мышления, паттерны поведения, язык, культурные нормы, политические идеологии и многое другое. Субъектами ГИП по сути являются не отдельные ведомства или межведомственные комиссии, а все государственные органы и госслужащие, депутаты парламента, ЛОМы и другие. Одновременно они же являются и объектами ГИП как потребители информации и индивиды, включенные в общество и его культуру.

Другая проблема заключается в том, что государственная информационная политика реализуется государством, в смысле ее связи с властными отношениями в обществе и процессом принятия политических и

⁶³ *Wendt, A. Social Theory of International Politics / A. Wendt. — Cambridge University Press, 1999; Liu, X., & Stohl, M. The Role of Media in Shaping National Identity / X. Liu, M. Stohl. — International Communication Gazette, 2015. — Vol. 77, Issue 4. — P. 390–414.*

управленческих решений. Например, частная компания действует в информационном поле с относительно определенной целью максимизации прибыли, в том числе путем повышения узнаваемости бренда и формирования позитивного имиджа. Следуя нормативному подходу, можно сказать, что государство управляет информационной сферой для достижения и реализации общенациональных целей и интересов, безопасности и суверенитета государства. Однако это будет лишь частично верным, т.к. ГИП наследует «родовые» черты любой другой государственной политики: внутренняя и территориальная гетерогенность, влияние социальных групп, сетевых коалиций, структур гражданского общества, лиц принимающих решения и других политических акторов, которые зачастую реализуют собственные, а не общенациональные интересы и оказывают серьезное влияние на формирование целей и задач ГИП (см. 1.1). Поэтому затруднительно говорить и об универсальных целях и задачах государственной информационной политики, т.к. они зависят от политического режима, общественного и политического устройства, экономического уклада, влияния тех или иных властных группировок и множества других факторов.

Поэтому современные исследования все больше рассматривают государственную информационную политику как *policy-mix* регуляторных, технических и дискурсивных инструментов и включенностью в него широкого круга как государственных, так и негосударственных акторов⁶⁴. Не в последнюю очередь это вызвано развитием цифровых средств коммуникации (платформ и искусственного интеллекта), которое формирует системный сдвиг, влияющий на все социальное устройство⁶⁵, что делает информационную политику еще более комплексным и многоаспектным феноменом, включая в нее новые сферы регулирования.

⁶⁴ Rhodes, R. A. W. *The Governance of the Internet: Regulation and Governance in the Global Information Economy* / R. A. W. Rhodes. — Routledge, 2007; Dunlop, C. A., & Radaelli, C. M. *Policy Change and Learning: An Assessment of the Political Economy of Policy Instruments* / C. A. Dunlop, C. M. Radaelli. — Routledge, 2013.

⁶⁵ Van Dijck, J., Poell, T., & de Waal, M. *The Platform Society: Public Values in a Connective World* / J. Van Dijck, T. Poell, M. de Waal. — Oxford University Press, 2018; Zengler, T. *The Platform Society: How Platforms Are Shaping Our Lives* / T. Zengler. — Springer, 2021; Binns, A. *Platformization and Digital Economy* / A. Binns. — Springer, 2022.

В целом представляется, что все многообразие форм государственной информационной политики можно разделить на несколько уровней:

Технологический. Разработка, производство и внедрение технических средств коммуникации, защита информации, цифровизация, программное обеспечение и др.

Коммуникационный. Регулирование и управление каналами коммуникации (телевидение, информагентства, печать, радио, интернет-ресурсы, социальные сети). Может реализовываться путем собственности на СМИ или сотрудничества с владельцами медиа.

Информационный. Содержательное наполнение, то, что транслируется по различным каналам коммуникации. Может выражаться в контроле или влиянии на информационную повестку, борьбу с фейковыми новостями, тиражированием выгодных фактов и событий.

Интерпретационный. Интерпретация событий и фактов, продвижение своей позиции и мнения как верного.

Психологический. Психологические эффекты, которые оказывает (или предполагается, что окажет) транслируемая информация и ее интерпретации.

Концептуальный. Социально-политические концепты и программы, идеологемы, через призму которых в том числе трактуется смысл происходящих событий.

Социокультурный. Фундаментальные и основополагающие нормы, ценности и установки общества (см. 1.3).

На сегодняшний день в мире не существует государственного органа, который бы охватывал и реализовывал все многообразие государственной информационной политики. Напротив, различные ведомства, структуры, организации и отдельные лица реализуют собственные информационные стратегии, которые могут быть разнонаправлены или противоположны друг другу, либо действуют на нескольких уровнях ГИП или лишь отчасти на всех. Поэтому закономерен вопрос возможно ли в принципе говорить о государственной информационной политике как о цельном феномене?

Историческая ретроспектива показывает, что государство и правящий слой всегда старались оказывать влияние на умы и настроения населения, но это сводилось либо к деятельности на одном или нескольких уровнях, либо к нескоординированным или слабоскоординированным действиям на всех уровнях. Однако, чем ближе к современности, тем сильнее государство стремится оказывать влияние на информационную сферу. Представляется, что с развитием технических средств коммуникации и их использованием все вышеуказанные уровни оказались более тесно взаимосвязаны между собой соответственно и государство стало сильнее координировать действия на всех уровнях. Сегодня с наступлением цифровизации можно наблюдать как национальные государства стремятся обеспечить свой информационный суверенитет, а влияние на информационную сферу становится одним из ключевых ресурсов.

Сквозь призму современных подходов их логике смещения в policy-mix и исследования платформ и ИИ можно констатировать, что государственная информационная политика прошла путь от отраслевой политики регулирования СМИ и «связей с общественностью» к многоуровневой деятельности государства управлению информацией и всем обществом, а также к одному из центральных механизмов власти в условиях цифровизации. Эти условия (платформатизация, развитие ИИ) еще больше расширяют предмет ее ведения.

В контексте настоящей работы представляется достаточным определение государственной информационной политики через наиболее общее определение информационной политики, которая представляет собой «деятельность государства по артикуляции своих интересов в обществе посредством формирования, преобразования, хранения и передачи всех видов информации»⁶⁶. При этом деятельность государства в виде государственной

⁶⁶ Маноило А.В., Петренко А.И., Фролов Д.Б. Государственная информационная политика в условиях информационно-психологической войны. 3-е изд., стереотип. Горячая линия - Телеком Москва, 2017. С. 308.

информационной политики и его интересы являются результатом взаимодействия круга акторов, способных влиять на принятие решений.

Исходя из того, что основой государственной информационной политики является политическая коммуникация, а также для отражения конкурентной и потенциально конфликтной среды ее реализации, имеющееся определение государственной информационной политики следует дополнить современной трактовкой сущности политической коммуникации в современном обществе, которая звучит следующим образом. Политические коммуникации – это «системные процессы разнонаправленной конкурентной трансляции политического контента посредством использования информационно-коммуникационной инфраструктуры с целью формирования виртуального пространства ценностей, смыслов, идей, образов и представлений, касающихся восприятия политической реальности всеми взаимодействующими участниками информационно-коммуникационных отношений»⁶⁷. Стоит добавить, что со все большим развитием цифровых технологий деятельность ГИП распространяется за пределы «формирования смыслов» – на экономику, социальную структуру и весь управленческий процесс.

Таким образом, государственная информационная политика представляет собой деятельность государства «по артикуляции своих интересов в обществе посредством формирования, преобразования, хранения и передачи всех видов информации» в процессе современной политической коммуникации.

⁶⁷ Володенков С.В. Интернет-коммуникации в глобальном пространстве современного политического управления. Проспект Москва, 2018. С. 30; Ковалев М.К. Социокультурное измерение государственной информационной политики // Гражданин. Выборы. Власть. 2022. № 3 (25). С. 179.

1.3. Социокультурное измерение государственной информационной политики⁶⁸

Особым срезом государственной информационной политики является ее социокультурное измерение, которое представляет собой пересечение социокультурного пространства и информационной политики.

Чтобы определить содержание и границы социокультурного измерения информационной политики, необходимо определить содержание концепта «социокультурный», «социокультурное пространство» и т.п., так как данный термин отсутствует в словарях и энциклопедиях и не имеет достаточно точного и общепринятого определения⁶⁹.

Данная терминология чаще используется для обозначения определенного подхода к изучению социума, который называют *социокультурным анализом* или *культурно-аналитической социологией*. К этому направлению относят понимающую социологию М. Вебера⁷⁰, символический интеракционизм (в том числе теории социального конструирования реальности Т. Лукмана и П. Бергера⁷¹, И. Гофмана⁷²),

⁶⁸ При подготовке данного раздела диссертации использованы следующие публикации, выполненные автором лично или в соавторстве, в которых, согласно Положению о присуждении ученых степеней МГУ, отражены основные результаты, положения и выводы исследования:

Ковалев М.К. Социокультурное измерение государственной информационной политики // Гражданин. Выборы. Власть. 2022. № 3 (25). С. 176-185 (1,61 п.л.). ИФ РИНЦ – 0,44.

⁶⁹ Ремизова М.Н. Интерпретация понятия «социокультурное пространство» в классической социологии. Тамбов: Грамота. 2012. № 10. Ч. 1. С. 158.

⁷⁰ Вебер М. Протестантская этика и дух капитализма. Протестантские секты и дух капитализма // Вебер М. Избранные произведения. М.: Прогресс. 1990. – 808 с.

⁷¹ Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания. М.: Медиум, 1995. – 323 с.

⁷² Гофман Э. Ритуал взаимодействия: Очерки поведения лицом к лицу / Пер. с англ.; под ред. Н.Н. Богомоловой, Д.А. Леонтьева. М.: Смысл. 2009. – 319 с.

социальную антропологию Б. Малиновского⁷³, социальную феноменологию и когнитивную микросоциологию⁷⁴, структуралистский конструктивизм П. Бурдьё⁷⁵ и др. Данный подход базируется прежде всего на понимании человека как культурного существа, так как именно культура отделяет его от мира природы. Ю.М. Лотман пишет: «Своеобразие человека как культурного существа требует противопоставления его миру природы, понимаемой как внекультурное пространство»⁷⁶. При этом культура понимается в самом широком смысле, как все, о чем люди думают, делают, владеют, вся совокупность норм, ценностей, идей, убеждений, представлений и т.д. Если не углубляться в анализ различий авторских концепций, то «генеральная линия» социокультурного подхода заключается в понимании социальных фактов, структур, институтов не как объективных явлений внешней реальности, а как субъективных феноменов, формирующихся и существующих только посредством представлений, норм, идей, мнений индивидов в результате их взаимодействия, то есть посредством культуры. Культура, ее правила, нормы, ценности, представления, смыслы формируют мировоззрение людей, их восприятие социальной реальности, а, следовательно, и саму социальную реальность. В данном случае действует теорема Томаса, которая гласит, что ситуация реальна тогда, когда реальны ее последствия.⁷⁷ Кажущаяся объективность социальных явлений достигается за счет (часто бессознательного) активного принятия или пассивного признания элементов культуры⁷⁸. Л.Г. Ионин пишет: «Жесткие социальные факты являются не чем иным, как фактами культуры. При этом не возникает необходимости противопоставлять культуру и общество. <...> В любом эмпирическом явлении социальной жизни невозможно отделить "социальную часть" от

⁷³ Малиновский Б. Функциональный анализ // Антология исследований культуры. Т. 1. Интерпретации культуры. СПб. 1997. – С. 683 - 684.

⁷⁴ Ионин Л. Г. Социология культуры: Пособие для вузов. — М.: Изд-во ГУ ВШЭ. 2004. С. 92 – 98.

⁷⁵ Бурдьё П. Социология социального пространства / Пер. с франц.; отв. ред. перевода Н. А. Шматко. М.: Институт экспериментальной социологии; СПб.: Алетейя. 2007. – 288 с.

⁷⁶ Лотман Ю.М. Семиосфера: культура и взрыв. Внутри мыслящих миров. Статьи. Исследования. Заметки. СПб., 2000. С. 21.

⁷⁷ Merton R. Social Behavior and Personality. W. Tomas' Contribution in Social Theory. N.Y., 1951. P. 14.

⁷⁸ Ионин Л. Г. Социология культуры: Пособие для вузов. — М.: Изд-во ГУ ВШЭ. 2004. С. 193.

"культурной части"; здесь налицо, как выразился Тенбрук, "бесшовное соединение"»⁷⁹. Таким образом, социокультурный подход не просто ставит социум в зависимость от культуры, а отождествляет их. С позиции социокультурного подхода, общество является продуктом человеческого взаимодействия, деятельности индивидов, поэтому представляет собой искусственное явление, созданное людьми. Иными словами, общество – продукт культуры⁸⁰. В целом, термин «социокультурный» означает неразрывную связь социального и культурного, а также комплекс концепций и методов анализа социальных фактов и структур как субъективных элементов культуры.

В анализе ГИП социокультурный подход предоставляет важную оптику. Отмечая глубокую взаимосвязь культуры и общества, он фиксирует то влияние, которое оказывает культура (нормы, ценности, установки и др.) на социальные субъекты и их поведение. Такое влияние практически не видно и не осознаваемо индивидами. Однако, с нашей точки зрения, используя преимущества социокультурного подхода, не стоит игнорировать экономический фактор, общественное бытие, которое, если не определяет общественное сознание, то серьезно влияет на него. Поэтому в следующих главах уделяется внимание политэкономическим условиям ГИП.

Несмотря на это, именно социокультурный подход, на наш взгляд, дает ключ к пониманию этого неявного воздействия ГИП, суть которого заключается в нескольких аспектах. Первым аспектом взаимосвязи социокультурной сферы и информационной политики является пересечение социокультурного пространства с пространством коммуникаций.

С точки зрения социокультурного подхода коммуникация представляет собой «символический процесс, посредством которого создается, поддерживается, восстанавливается и трансформируется реальность». Реальность в данном случае понимается как социальная реальность и

⁷⁹ Там же. С. 69.

⁸⁰ Там же. С. 73.

социальность как таковая. Коммуникация служит средством воспроизводства или изменения этой реальности. С одной стороны, социум представляет собой результат интеракции индивидов в процессе коммуникации, с другой – коммуникация происходит исключительно в социокультурном пространстве, которое является пространством культурно-нормативно обусловленных отношений между индивидами и социальными группами, составляющими все многообразие социальных отношений⁸¹. Индивид в процессе социализации попадает в пространство уже готовых норм, правил, ценностей и социальных структур, которые усваивает в процессе коммуникации, перенимая общие социокультурные модели и коммуникативные практики. Иными словами, социокультурное пространство является формообразующим для коммуникативного (информационного) пространства.

Влияние культуры на процесс коммуникации, а также роль коммуникации в поддержании господствующих социальных правил и норм подробно разбирают теоретики «культурных исследований» («cultural studies»)⁸².

Представители «cultural studies» расширили понятие культуры. С их точки зрения, культура – это совокупность всех представлений, ценностей, норм, запретов и т.д., воплощаемых в конкретных социальных практиках и в конкретном стиле жизни индивида и социальных групп. Один из основоположников «культурных исследований» С. Холл сформулировал четыре отличительных принципа данного направления:

- отказ от признания прямого влияния медиа на реципиентов;
- понимание медиа и его содержания не как прозрачного и понятного всем, а как неопределенного сообщения, смысл которого зависит от интерпретации реципиентами;

⁸¹ См. *Rothenbuhler E. W.* Argument for a Durkheimian theory of the communicative. *Journal of Communication*, 43(3). 1993 P. 158—163; *Kрейг P.T.* Теория коммуникации как область знания // *Компаративистика-III: Альманах сравнительных социогуманитарных исследований*. СПб.: Социологическое сообщество, 2003. С. 56-58.

⁸² Там же.

- понимание аудитории не как пассивного потребителя контента, а как сопроизводителя коммуникационной продукции;
- признание медиа в качестве ключевого элемента, в процессе закрепления и циркуляции доминирующих стереотипов, репрезентаций и идеологических представлений⁸³.

С точки зрения С. Холла, главным процессом в коммуникации является процесс кодирования и декодирования сообщения. Процесс кодирования сообщения, (то, какой смысл закладывается в него) зависит от культуры источника сообщения. В процессе кодирования сообщения в него закладываются (сознательно или бессознательно) определенные культурные коды и дискурсивные смыслы, которые затем интерпретируются реципиентами уже с помощью присущей им культуры. Иными словами, процесс коммуникации представляет собой производство, трансляцию и потребление культурных кодов и дискурсивных смыслов, который формируется культурой. Именно от культуры источника и реципиента зависит форма передачи информации, каким образом информация интерпретируется, какой ей передается смысл. По сути, коммуникация является взаимодействием культур⁸⁴.

Таким образом, культура формирует все пространство коммуникаций, то какие сообщения транслируются и как они воспринимаются. Именно влияние на культуру или адаптация к ней дает возможность формирования общей рамки сообщений во всем пространстве коммуникаций.

Другим аспектом взаимосвязи социокультурного пространства и информационной политики является влияние воспроизводства и трансформаций социокультурной сферы на властные отношения в обществе. Поддержание или изменение фундаментальных норм, правил, ценностей и представлений становится основой власти правящих групп.

⁸³ Hall S. Introduction to Media Studies at the Centre // Culture, Media, Language / ed.by S.Hall, D.Hobson, A.Lowe, P.Willis Routledge, 2006. P.117-118.

⁸⁴ Hall S. Encoding / Decoding / S. Hall // Culture, Media and Language / ed. by S. Hall, D. Hobson, A. Lowe and P. Willis. – London: Anchor Brendon, 1980. P. 128-138.

В общественных науках данная проблематика наиболее полно описывается концепцией «культурной гегемонии» А. Грамши⁸⁵, «идеологических аппаратов государства» Л. Альтюссера⁸⁶, «символической власти» П. Бурдьё⁸⁷, «социологической пропаганды» Ж. Эллюля⁸⁸.

А. Грамши считал, что центральным элементом власти является контроль культуры, способность распространения и воспроизводства определенного типа мировоззрения и идеалов в общественном сознании. Данный феномен он называл «культурной гегемонией»⁸⁹. Настоящая власть правящего класса держится именно на культурной гегемонии. Власть государства, по мнению А. Грамши, – это «гегемония, облеченная в броню принуждения». Иными словами, ядром власти, ее основой является культурная гегемония, а не прямое насилие и принуждение. От поддержания или подрыва культурной гегемонии напрямую зависит сохранение или утрата власти правящего класса.

Примерно такой же логике рассуждения придерживается и Л. Альтюссер. Он вводит понятие «идеологические аппараты государства» – «фиксирующее в своем содержании инструменты проведения в жизнь господствующей идеологии»⁹⁰. При этом идеология понимается в самом широком смысле, как определенный тип мировоззрения или как вся совокупность идей, ценностей, представлений человека об окружающем мире, социуме, своем месте в обществе и мире в целом⁹¹. Л. Альтюссер подчеркивает, что *«ни один политический класс не может длительное время*

⁸⁵ Лестер Дж. Теория гегемонии Антонио Грамши и ее современное звучание [Электронный ресурс] URL: http://libelli.ru/magazine/99_1/lester.htm (дата обращения: 31.05.2025).

⁸⁶ Альтюссер Л. Идеология и идеологические аппараты государства (заметки для исследования) // Неприкосновенный запас. 2011. № 3 (77). URL: <https://magazines.gorky.media/nz/2011/3/ideologiya-i-ideologicheskie-apparaty-gosudarstva.html> (дата обращения: 31.05.2025).

⁸⁷ Бурдьё П. Социология социального пространства / Пер. с франц.; отв. ред. перевода Н. А. Шматко. М.: Институт экспериментальной социологии; СПб.: Алетейя. 2007. С. 87 – 96.

⁸⁸ Ellul J. Propaganda: the formation of men's attitudes. New York: Alfred A. Knopf, Inc., 1972. – 328 p.

⁸⁹ Лестер Дж. Теория гегемонии Антонио Грамши и ее современное звучание [Электронный ресурс] URL: http://libelli.ru/magazine/99_1/lester.htm (дата обращения: 31.05.2025).

⁹⁰ Альтюссер Л. Идеология и идеологические аппараты государства (заметки для исследования) // Неприкосновенный запас. 2011. № 3 (77). URL: <https://magazines.gorky.media/nz/2011/3/ideologiya-i-ideologicheskie-apparaty-gosudarstva.html> (дата обращения: 31.05.2025).

⁹¹ Кара-Мурза С.Г. Идеология и мать ее наука. М.: Алгоритм, 2002. С. 7.

удерживать государственную власть, не осуществляя при этом своего господствующего влияния на идеологические аппараты государства»⁹².

Также он выделяет несколько видов идеологических аппаратов государства: религия, система образования, семья, системы юстиции (законы), общественные и политические организации, профсоюзные организации, средства массовой информации, культура. Все эти идеологические аппараты соединяет в единую систему господствующая идеология. Власть господствующей идеологии состоит в том, что она конституирует индивида в субъект и обращается к нему как к субъекту, благодаря чему индивид может подчиняться и принимать свою подвластность «по собственной воле»⁹³.

Другой теорией, раскрывающей социокультурную природу власти, является концепция символической власти П. Бурдьё. Он определяет символическую власть как «власть конструировать реальность, устанавливая *гносеологический* порядок: непосредственное мироощущение (и в особенности – чувство социального мира)»⁹⁴. В терминологии П. Бурдьё символическая власть – это власть над габитусом. Она выполняет «политическую функцию средства навязывания или легитимации господства (символического насилия)»⁹⁵. «Разные классы и их фракции включены в собственно символическую борьбу за навязывание определения социального мира»⁹⁶. Такая власть стремится «навязать восприятие установленного порядка как естественного»⁹⁷. Важной сущностной чертой символической власти является то, что она невидима, «позволяет получить эквивалент того, что достигается силой (физической или экономической), приводит «к реальным последствиям без видимых затрат энергии».

⁹² Там же.

⁹³ Там же.

⁹⁴ Бурдьё П. Социология социального пространства / Пер. с франц.; отв. ред. перевода Н. А. Шматко. М.: Институт экспериментальной социологии; СПб.: Алетейя. 2007. С. 89.

⁹⁵ Там же. С. 92.

⁹⁶ Там же.

⁹⁷ Там же. С. 94.

Наконец, стоит отметить концепцию «социологической пропаганды» Ж. Эллюля⁹⁸. Он выделял два вида пропаганды – политическую и социологическую. Политическая пропаганда – это классическая вертикальная пропаганда с помощью традиционных СМИ и других средств массовой коммуникации. Социологическая пропаганда незаметна, т.к. распространяется с помощью горизонтальных коммуникаций через общественные структуры. Ж. Эллюль пишет, что социологическая пропаганда является противоположностью политической. Их отличие заключается в том, что политическая пропаганда распространяется посредством масс-медиа, воздействует напрямую, в то время как социологическая пропаганда распространяется посредством социальных, политических, экономических и культурных структур, которые формируют общий контур и условия для проникновения установок и представлений господствующей идеологии в индивидуальное и массовое сознание. Социологическая пропаганда – это общий стиль жизни, атмосфера, социальный контекст, оказывающий влияние на всех.

Уже в XX веке данные теории обозначили «культурную гегемонию» как ядро, стержень механизма власти. Сквозь их призму мы можем увидеть, насколько серьезное влияние ГИП оказывает на осуществление, устойчивость властных отношений и всего социального порядка, в частности национальную безопасность. С развитием информационно-коммуникационных технологий, увеличением возможностей сбора, обработки и хранения данных, выявления предпочтений аудитории это обстоятельство кажется прослеживается еще более отчетливо. Отсюда – более интенсивное внутри- и межгосударственное противоборство именно в этой сфере, новое поколение войн и др.

Таким образом, социокультурная сфера оказывает значительное влияние на жизнедеятельность общества (сохранение или трансформация социального порядка, основных общественных институтов), процесс коммуникации (восприятие, осмысление и интерпретация информации), властные отношения

⁹⁸ Ellul J. Propaganda: the formation of men's attitudes. New York: Alfred A. Knopf, Inc., 1972. – 328 p.

(устойчивость политического режима, легитимности властных институтов, усиление, сохранение или утрата власти субъектов политики).

Исходя из всей совокупности аспектов взаимосвязи социокультурной сферы и информационной политики, можно определить социокультурное измерение информационной политики как сферу деятельности субъектов по артикуляции своих интересов в обществе путем воздействия (или противодействия воздействию) на фундаментальные нормы, правила, ценности, смыслы, представления общественного сознания посредством формирования, преобразования, хранения и передачи всех видов информации в процессе коммуникации. Социокультурное измерение информационной политики является пространством конкуренции субъектов политики за сохранение или изменение в определенном направлении основополагающих общественных ценностно-нормативных, мировоззренческих конструктов. Социокультурное измерение государственной информационной политики представляет собой деятельность государства по артикуляции своих интересов в обществе путем воздействия (или противодействия воздействию) на фундаментальные нормы, правила, ценности, смыслы, представления общественного сознания посредством формирования, преобразования, хранения и передачи всех видов информации в процессе коммуникации.

1.4. Государственная информационная политика в системе обеспечения национальной безопасности⁹⁹

В настоящее время место государственной информационной политики в обеспечении национальной безопасности определяется, в первую очередь, возникновением и развитием новых форм и технологий осуществления власти, а также международной конкуренции и противоборства.

Первым шагом в определении государственной политики как инструмента обеспечения национальной безопасности является концептуализация самого термина «национальная безопасность», понимание которого менялось с течением времени, что отражалось в реальной практике государств.

Понятие национальной безопасности нашло свое отражение в стратегических документах США еще в 1947 году. В отечественной традиции данное оно было отражено в законе «О безопасности» в 1992 году. Нацбезопасность определялась как состояние защищенности национальных интересов от внутренних и внешних угроз¹⁰⁰. Такой подход к пониманию национальной безопасности в отечественной политической науке сохранился и закрепился в 2000-х годах. Например, А.В. Возжеников считал ее состоянием защищенности «жизненно важных интересов личности, общества

⁹⁹ При подготовке данного раздела диссертации использованы следующие публикации, выполненные автором лично или в соавторстве, в которых, согласно Положению о присуждении ученых степеней МГУ, отражены основные результаты, положения и выводы исследования:

Ковалев М.К. Государственная информационная политика в системе обеспечения национальной безопасности // Вопросы политологии. 2023. Т. 13, № 1 (89). С. 166-172 (1,03 п.л.). ИФ РИНЦ – 0,33.

¹⁰⁰ Российская Федерация. Законы. О безопасности: Стратегии национальной безопасности Российской Федерации: Федеральный закон от 5 марта 1992 года N 2446-I (утратил силу).

и государства во всех сферах их жизнедеятельности от внутренних и внешних опасностей и угроз, характеризующееся таким положением страны, при котором обеспечивается ее целостность и внутренняя стабильность, суверенное развитие, возможность выступать самостоятельным и полноправным субъектом международных отношений»¹⁰¹.

Однако с изменением международной и внутривнутриполитической обстановки началось переосмысление категории национальной безопасности. А.И. Поздняков предложил рассматривать нацбезопасность как защищенность национальной культуры (ценностей, норм, установок и т.д.) от значимого ущерба¹⁰². О.А. Бельков рассматривает нацбезопасность условия жизнедеятельности и тенденции развития нации, которые гарантируют ее свободное, независимое функционирование при сохранении фундаментальных институтов и ценностей¹⁰³. Представители системно-философского подхода трактуют национальную безопасность как сохранение состояния целостности, устойчивости и стабильности общества как социальной системы при деструктивных воздействиях на нее.

Автор концепции «мягкой» и «умной» силы Дж. Най справедливо обращает внимание на социокультурный фактор обеспечения национальной безопасности: «Если ведущая держава исповедует ценности, которым хотят следовать другие, лидерство обходится ей дешевле»¹⁰⁴. Однако стоит отметить, что формирование позитивного имиджа страны на международной арене и распространение ценностей в немалой степени зависит от ресурсной обеспеченности, экономической развитости и внутренней социальной структуры государства.

¹⁰¹ Возжеников Л.В. Парадигма национальной безопасности реформирующейся России. 2000. М.: ЭДАС ПАК. С. 45.

¹⁰² Поздняков А.И. Сравнительный анализ основных методологических подходов к построению теории национальной безопасности // Национальные интересы: приоритеты и безопасность. 2013. № 21(210). С. 46-53.

¹⁰³ Бельков О.А. Понятийно-категориальный аппарат концепции национальной безопасности // Безопасность: информационный сборник. 2004. № 3. С. 91-94.

¹⁰⁴ Nye J.S. Soft Power: The Means to Success in World Politics. 2005. N.Y.: Public Affairs. P. 5.

Современная теория национальной безопасности выдвигает принцип «безопасность через устойчивое развитие». Он предполагает комплексный подход к обеспечению безопасности, который включает в себя не только укрепление военной обороноспособности, но и рост экономики и благосостояния граждан, сокращение социального неравенства, повышение внутривнутриполитической стабильности, межнационального и межконфессионального согласия¹⁰⁵.

Таким образом прослеживается неуклонное расширение понятия национальной безопасности, включение в него «мирных» сфер жизни общества. С одной стороны, причина этого видится в осознании сущности и условий безопасности личности, общества и государства. С другой – в возникновении и идентификации более системных и многосоставных угроз, объектами которых становятся не отдельные личности или сферы общества, а все оно целиком.

Также современные взгляды на обеспечение национальной безопасности акцентируют внимание на социально-экономических факторах, политических (внутриполитическая стабильность), субъективных (чувство защищенности самими гражданами), социокультурных (стабильность институтов, норм, ценностей и т.д., а также формирование привлекательного имиджа страны на международной арене). В силу того, что сохранение внутривнутриполитической стабильности является косвенной сферой государственной информационной политики, а последние две группы факторов напрямую входят в ведение ГИП, ее значимость в обеспечении национальной безопасности увеличивается.

Например, широкое распространение получают концепции *societal resilience* (общественная устойчивость) и *cognitive security* (когнитивная безопасность). Первая исходит из идеи о неизбежности угроз и шоков и об

¹⁰⁵ Назаров В.П. Стратегическое планирование как важнейший фактор повышения эффективности государственного управления // Власть. № 12. 2013. С. 4-11.

организации общества таким образом, чтобы оно умело «поглощать», адаптироваться и трансформироваться при шоках любого происхождения. Для этого формируется физическая и экономическая «подушка безопасности», защищаются критические функции, мобилизуется все общество. Таким образом, создается «запас прочности», который позволяет не избегать угроз, а успешно проходить через кризисные ситуации и становиться сильнее, а система безопасности распространяется на все сферы общества¹⁰⁶.

Когнитивная безопасность – комплекс мер, защищающих внимание, память, эмоции и доверие граждан от манипуляций (дезинформация, дипфейки, микротаргетинг, ИИ-атаки). Он также включает «метавойну» – тотальную борьбу за контроль нарративов¹⁰⁷.

Обе концепции призваны взаимодополнять и усиливать друг друга: инфраструктура выдерживает удар, а информационная сфера не раскалывает общество, обеспечивая согласованное восстановление.

Было бы чрезмерно категорично утверждать, что государственная информационная политика в сфере обеспечения национальной безопасности является новым политико-управленческим феноменом. Во все времена государство так или иначе в разной степени регулировало информационную сферу общества с целью сохранения своего суверенитета и существующего политического порядка. Яркими примерами служат религиозные гонения на протестантов в католических странах, деятельность инквизиции, упразднение патриаршества и создание Священного Синода Петром I, цензура в отношении печати в XIX веке, «охота на ведьм» в США, глушение сигнала радиостанции «Голос Америки» на территории СССР и другое. Данный список можно продолжать. Однако на современном этапе можно говорить о росте значения

¹⁰⁶ Sizeland E. Resilience first: Strengthening individuals, securing the United States, and protecting the free world. Washington, DC: Atlantic Council, 2025. - 38 p.; RAND Corporation. Strengthening societal resilience/ Santa Monica: RAND, 2024. - 24 p.

¹⁰⁷ Headquarters Supreme Allied Commander Transformation. NATO Cognitive Warfare Concept. Norfolk: NATO ACT, 2024. — 32 p.; Moleka P. Metawar and the Future of Cognitive Sovereignty: Rethinking National Security Beyond Cyberspace [Электронный ресурс] // Preprints.org. 2025. URL: <https://www.preprints.org/manuscript/202506.2053/v1> (дата обращения: 20.04.2025).

государственной информационной политики в сфере обеспечения национальной безопасности и выделении ее в отдельную самостоятельную отрасль.

Место государственной информационной политики в обеспечении национальной безопасности определяется, в первую очередь, возникновением новых форм международной конкуренции и противоборства. Совершенствование вооружений, развитие информационных технологий и военной мысли привело к изменению характера современной войны. Теоретическое осмысление новых форм и методов борьбы происходило постепенно. Точкой отсчета можно считать введение понятий «иррегулярная война» и «ассиметричная война»¹⁰⁸.

Термин «ассиметричная война» изначально обозначал войну слабого против сильного, однако к концу 90-х годов XX века приобрел более широкое значение и стал трактоваться как конфликт, в ходе которого используются институциональные слабости противника, психологическое давление, подрыв его воли, политического влияния и власти, способности к сопротивлению¹⁰⁹. Для ассиметричной войны характерно использование нетрадиционных методов противоборства – пропаганды, подрывной деятельности, использования «партизанских» вооруженных формирований, коллаборационистской части политической элиты¹¹⁰.

«Иррегулярной войной» является вооруженное противостояние между национальными государствами и негосударственными структурами за легитимность и влияние на определенное население. Методы ведения «иррегулярной войны» являются ассиметричными, однако в ней также могут применяться традиционные военные средства с целью подрыва мощи, военного потенциала и возможностей противника¹¹¹. Иррегулярная война

¹⁰⁸ Там же. С. 167.

¹⁰⁹ *Steven Metz et Douglas V. Johnson II. Asymmetry and U.S. military Strategy: Definition, background and Strategic Concepts.* 2001. – 26 p.

¹¹⁰ Там же.

¹¹¹ U.S. Joint Chiefs of Staff, Joint Publication 3-0: Joint Operations, Washington, D.C., 2008. P. GL-16.

включает в себя политические, дипломатические, психологические, экономические и другие средства противостояния¹¹².

Справедливо будет отметить, что иррегулярные и ассиметричные методы противостояния также использовались на протяжении всей истории вооруженных конфликтов, однако оставались преимущественно на периферии. Расширение практики их применения, все более часто встречающееся сочетание традиционных и иррегулярных методов ведения войны привели к выделению иррегулярных и ассиметричных войн в качестве новой разновидности конфликтов¹¹³.

Логичным продолжением стало появление концепции «войны четвертого поколения». В 1989 году американские военные теоретики, в числе которых были У. Линд, К. Найтингэйл, Дж. Шмитт, Дж. Саттон, Г. Уилсон опубликовали статью, в которой попытались сформулировать наиболее общие черты войны нового типа. Среди особенностей войны нового поколения авторы в частности отмечали, что полем боя станет все общество целиком; целью войны станет не физическое (внешнее) уничтожение противника, а его «внутреннее» сокрушение, разрушение культуры, психологический подрыв населения и его доверия к правительству, поддержки войны; медийно-информационное вмешательство станет преобладающим оперативным и стратегическим оружием; одним из главных инструментов станет информационно-психологическое воздействие через СМИ для изменения общественного мнения. Авторы подчеркивают: «Телевизионные новости могут стать более мощным оружием, чем бронетанковые дивизии»¹¹⁴.

Следующим этапом стало введение и распространение термина «гибридная война», который изначально использовался для обозначения конфликтов, которые нельзя было с полной уверенностью отнести ни к

¹¹² «Гибридные войны» в хаотизирующемся мире XXI века / Под редакцией П.А. Цыганкова / В. А. Ачкасов, В. К. Белозёров, А. В. Будаев и др. Издательство Московского университета Москва, 2015. С. 16.

¹¹³ Там же. С. 13 – 19.

¹¹⁴ У. Линд, К. Найтингэйл, Дж. Шмитт, Дж. Саттон, Г. Уилсон Меняющееся лицо войны: четвертое поколение [Электронный ресурс] // Военное обозрение, 07.01.2013. URL: <https://topwar.ru/22781-menyaayuscheesya-lico-voyny-chetvertoe-pokolenie.html> (дата обращения: 31.05.2025).

традиционным войнам, ни к иррегулярным¹¹⁵. Понятие «гибридной войны» было введено для обозначения высокого уровня (более высокого, чем в иррегулярной войне) комбинирования различных форм и методов ведения войны, их организации и глубокого синтеза в виде технологий («цветные революции», попытка смены политического режима в Венесуэле) и специальных операций («Панамское досье», «дело Скрипалей» и др.), а также повышения значимости так называемых «неинтервенционных» мер, которые представляют собой «составляющие насильственного контроля, не относящиеся к применению собственно вооруженных сил»¹¹⁶ для прямой интервенции и осуществления физического насилия. Примерами неинтервенционных мер являются экономические санкции, демонстрация силы, перекрытие финансовых потоков, «мягкая сила», информационно-психологические операции и т.д.

Увеличение роли неинтервенционных средств ведения современных конфликтов отмечается и представителями высшего военного руководства Российской Федерации. Начальник Генерального штаба В.В. Герасимов пишет: «Акцент используемых методов противоборства смещается в сторону широкого применения политических, экономических, информационных, гуманитарных и других невоенных мер, реализуемых с задействованием протестного потенциала населения. Все это дополняется военными мерами скрытого характера, в том числе реализацией мероприятий информационного противоборства и действиями сил специальных операций. К открытому применению силы зачастую под видом миротворческой деятельности и кризисного урегулирования переходят только на каком-то этапе...»¹¹⁷.

¹¹⁵ Коньшев В.Н. Парфенов Р.В. Гибридные войны: между мифом и реальностью. Мировая экономика и международные отношения, 2019, т. 63, № 12. С. 56.

¹¹⁶ Стригунов К.С., Манойло А.В. Фундаментальный механизм и законы неклассической войны // *Гражданин. Выборы. Власть*. 2019. Т. 4. С. 159 – 160.

¹¹⁷ Герасимов В.В. Ценность науки в предвидении. [Электронный ресурс] // Военно-промышленный курьер, 26.02.2013. URL: https://vpk.name/news/85159_cennost_nauki_v_predvidenii.html (дата обращения: 27.02.2020); Ковалев М.К. Государственная информационная политика в системе обеспечения национальной безопасности // *Вопросы политологии*. 2023. Т. 13, № 1 (89). С. 169.

Важнейшей составляющей «гибридной войны» является информационная война – «политический конфликт с целью разрешения противоречий по поводу власти и управления, в котором столкновение сторон осуществляется в форме информационно-психологических операций с применением информационного оружия»¹¹⁸. Информационная война так же, как и государственная информационная политика существовала всегда, однако данное понятие отражает не только ее наличие, но и ее трансформацию из второстепенного, поддерживающего элемента боевых действий в полноценное самостоятельное пространство военно-политической борьбы. В том числе в силу этой трансформации стало возможным говорить о возникновении нового поколения войн.

Один из ведущих исследователей международных отношений П.А. Цыганков пишет, что отличительной чертой «гибридной войны» является применение (помимо прямой физической силы) возможностей современных информационно-коммуникационных технологий. Использование таких возможностей становится новым средством ведения войны в виде дезинформации, искажения фактов, целенаправленного распространения «фейковых новостей» посредством современных каналов коммуникации, «вбросов» (контролируемых утечек информации) с целью оказания психологического, эмоционального эффекта, дезориентации, потери воли к сопротивлению¹¹⁹. Данные технологии не меняют сути и цели войны (подчинение противника), более того часть из них применяется с древнейших времен, однако масштаб их применения и современные возможности ИКТ качественно меняют ее форму настолько, что становится правомерно утверждать, что трансформация ассиметричной и иррегулярной войны в гибридную происходит тогда, когда «центр тяжести» применяемых средств военной борьбы смещается в информационно-коммуникационную сферу с

¹¹⁸ Стригунов К.С., Манойло А.В. Фундаментальный механизм и законы неклассической войны // *Гражданин. Выборы. Власть*. 2019. Т. 4. С. 160 – 161.

¹¹⁹ «Гибридные войны» в хаотизирующемся мире XXI века / Под редакцией П.А. Цыганкова / В. А. Ачкасов, В. К. Белозёров, А. В. Будаев и др. Издательство Московского университета Москва, 2015. С. 22.

использованием возможностей современных информационно-коммуникационных технологий¹²⁰. Другими словами, масштабное использование информационно-психологических методов и технологий вместе с другими «ненасильственными» (то есть исключая, либо ограничивающих прямое физическое военное насилие прежде всего регулярных вооруженных сил) становится фундаментальной причиной возникновения войны нового типа. Она отличается тем, что охватывает все общество и все его сферы, а также все информационно-коммуникационное пространство – традиционные и «новые» СМИ, технические средства коммуникации, социокультурную сферу общества, в частности, образование, культурную индустрию, общественные некоммерческие и политические организации. Новый характер войны стирает грань между состоянием войны и мира, размывает линию фронта, затрудняет идентификацию тех или иных действий как агрессивных и враждебных. Она распространяется на политическую, экономическую, социальную, культурную сферы жизни общества, т.к. мишенью «гибридной войны» является вся организация общественной жизни, ментальная сфера общества. Иными словами, неотъемлемым и центральным элементом «гибридной войны» является «консциентальная война»¹²¹. Таким образом, именно информационная составляющая является одним из формирующих элементов современной войны и определяет место государственной информационной политики как центрального элемента национальной безопасности.

Информационная война ведется в форме информационных операций, которые, в свою очередь, также являются результатом и составной частью государственной информационной политики в сфере обеспечения национальной безопасности.

Таким образом, можно сделать ряд выводов относительно характера современной войны:

¹²⁰ Там же.

¹²¹ Там же. С. 22-23.

Во-первых, это расширение границ и сфер ведения боевых действий. Ранее войну можно было относительно четко определить с началом и завершением ведения вооруженной борьбы регулярными, а позднее и иррегулярными формированиями. Война объявлялась (дипломатической нотой) и завершалась (заключением мирного договора) в том числе формально главами государств и их послами. Теперь же границы войны становятся размыты, она ведется в масштабах всего общества одновременно: в политической, экономической, военной, научно-технической, информационной, психологической, культурной и других сферах жизни общества. Война ведется без объявления и охватывает все общество целиком, «линия фронта» проходит на производстве, в системе управления, инфраструктуре, СМИ, киберпространстве и т.д. Это стало возможным в силу применения невоенных средств ведения войны. Они применялись и ранее, однако в современных конфликтах их значение возросло, а эффект сравнялся, а зачастую и превосходит, применение прямого физического (военного) насилия.

Во-вторых, современная война стала представлять собой более сложное комбинирование различных форм и средств ведения борьбы. Например, военное насилие призвано не только нанести прямой ущерб людским и материальным ресурсам противника, но также деморализовать население, армию, военно-политическую элиту. Это удары по символически важным объектам инфраструктуры (Крымский мост), удары беспилотниками вглубь территории, внесудебные расправы над пленными, обстрелы гражданских объектов, электростанций и т.д. Экономические санкции накладываются не только для нанесения прямого ущерба экономике, но также для вызова недовольства населения или склонения крупного национального капитала к коллаборационизму. Экономические санкции как правило также сопровождаются масштабными информационными кампаниями с целью дискредитации и отчуждения от международного сообщества конкретной страны. Примеров и комбинаций множество. Вместе с тем информационное

воздействие может вызвать вполне физические, осязаемые последствия: общественный раскол; рост суицидов, бедности, насилия, преступности; государственный переворот; гражданскую войну; паралич системы управления; отделение территорий; заключение международных сделок на выгодных для противника условиях и др.

В-третьих, важнейшей сферой войны становится ее человеческое измерение, которое включает в себя эмоционально-психологическую среду, когнитивную сферу, культуру, социальную среду. Одной из главных целей войны становится воздействие на сознание и эмоции человека, «борьба за умы», для того чтобы добиться необходимого поведения. Эта форма противоборства также существовала всегда, однако ее значение и удельный вес в войнах нового поколения значительно возрастают.

Например, вводится концепция «когнитивной войны», которая рассматривает мышление человека и социальных групп как самостоятельный театр военных действий. Ее цель – «доминирование над сознанием» (*mind dominance*): изменение восприятия, памяти, эмоций, доверия и решений противника до того, как он осознает факт атаки¹²².

Таким образом, суть войны остается неизменной – подчинение противника своей воле, но ее формы, методы и границы претерпевают значительные трансформации, что ведет к потребности изменения системы нацбезопасности. Современная война сдвигается в сторону расширения поля боя до всех общественных сфер; сложного комбинирования военных и информационных средств, а также сложного комбинирования непосредственно информационных средств; приоритета когнитивного нападения и безопасности.

В этих условиях государственная информационная политика в сфере национальной безопасности становится одним из главных инструментов защиты национальных интересов.

¹²² Claverie B., du Cluzel F. The Cognitive Warfare Concept. Norfolk (VA): NATO Innovation Hub, 2023. - 11 p.

В силу возникновения войн нового типа и информационных войн, ведущихся в форме информационных операций, возрастанию значения неинтервенционных (невоенных) средств управления политическими конфликтами, трансформации информационной сферы в самостоятельное пространство ведения боевых действий государственная информационная политика на современном этапе смещается с периферии в центр системы обеспечения национальной безопасности.

Выводы по Главе I

1. Государственная информационная политика является одной из отраслей государственной политики. Как и другим государственным политикам ей присущи, с одной стороны, управленческая формальность и иерархичность, с другой – территориальная и внутриадминистративная гетерогенность, влияние множества факторов от включенности в процесс выработки целей и принятия решений групп интересов, сетевых коалиций и др. до индивидуальных особенностей субъектов политики. Различные подходы политической науки акцентируют внимание на отдельных аспектах ГИП, однако современные исследования все больше рассматривают ее как *policy-mix* регуляторных, технологических и дискурсивных инструментов. Современные условия развития платформ и ИИ еще больше расширяют сферу ведения ГИП. Таким образом, государственная информационная политика эволюционировала от отраслевой политики регулирования СМИ и «связей с общественностью» до многоуровневой деятельности государства по управлению информацией и всем обществом, а также одного из центральных механизмов власти.

3. Все многообразие ГИП можно разделить на несколько уровней: технологический, коммуникационный, информационный, интерпретационный, психологический, концептуальный, социокультурный. Государственная информационная политика является относительно системной и скоординированной деятельностью государства на всех этих уровнях по артикуляции своих интересов путем всех типов воздействия (формирования, преобразования, хранения, передачи) на все виды

информации. При этом интересы государства формируются в процессе взаимодействия акторов влияющих на принятие политических решений. Кроме того, современная ГИП действует в конкурентной среде политических субъектов с использованием возможностей современных информационно-коммуникационных технологий с целью изменения, сохранения или формирования виртуальных норм, правил, ценностей, смыслов, представлений, образов, установок и др., посредством которых происходит формирование политической реальности.

4. Особое значение имеет социокультурное измерение государственной информационной политики, т.к. социокультурная сфера формирует социальный порядок, пространство коммуникаций и властные отношения в обществе. Социокультурное измерение ГИП представляет собой пространство конкуренции субъектов политики (одним из которых является государство) посредством сохранения или трансформации фундаментальных общественных правил, норм, ценностей и представлений в целях реализации своих интересов. Именно оно за счет воздействия на культурные нормы, ценности и представления оказывает серьезное влияние на мировоззрение и фундаментальное восприятие социальной реальности, а следовательно, во многом саму социальную реальность. Социокультурное измерение государственной информационной политики является центральным элементом механизма власти.

5. Развитие информационно-коммуникационных, а также теории национальной безопасности и ведения войн привели и к изменению практики государств в этих сферах, возникновению войн нового поколения и новых угроз безопасности. Современные концепции национальной безопасности и войн существенно расширяют эти понятия и включают в сферу безопасности и войны всю систему общества. Суть войн осталась неизменной (подчинение противника своей воле), но ее форма существенно поменялась. Границы войны стали крайне размыты, в нее оказалось включено все общество на макро- и микроуровне. Также средства войны (военные, политические,

экономические, информационные и др.) стали еще более сложными и комбинированными и имеют целью не столько нанесение прямого физического ущерба, сколько слом воли противника к сопротивлению. Трансформация современных конфликтов в направлении расширения сферы противостояния до уровня всего общества в целом; сложного комбинирования военных и информационных средств, а также сложного комбинирования самих форм, методов и технологий информационной борьбы; приоритета воздействия на сознание, эмоции и культуру противника формирует потребность в государственной информационной политике как в одном из центральных механизмов обеспечения и реализации национальных интересов. ГИП становится одним из ключевых компонентов контура национальной безопасности и отвечает за когнитивную устойчивость общества и цифровой суверенитет. ГИП воздействует на технические средства коммуникации, информационные потоки, культурные нормы, тем самым нейтрализуя информационные и когнитивные угрозы и укрепляя способность общества противостоять им.

Глава 2. Условия реализации государственной информационной политики Российской Федерации

2.1. Глобальные условия реализации государственной информационной политики¹²³

Условия, в которых функционирует государственная информационная политика Российской Федерации, образуют непосредственную среду ее формирования и реализации. Взаимодействие государственной информационной политики Российской Федерации (ГИП РФ) с условиями внешней среды можно представить в виде следующей схемы (Приложение 1).

Общими условиями реализации государственной информационной политики РФ является совокупность глобальных факторов и мегатрендов динамики современного общества в целом. Они оказывают влияние непосредственно на систему ГИП РФ, а также на специальные условия (внешние и внутренние).

Внешние условия реализации ГИП РФ представляют собой совокупность факторов внешнеполитической среды – структура системы

¹²³ При подготовке данного раздела диссертации использованы следующие публикации, выполненные автором лично или в соавторстве, в которых, согласно Положению о присуждении ученых степеней МГУ, отражены основные результаты, положения и выводы исследования:

Ковалев М.К. Условия реализации государственной информационной политики: глобальные тренды // Гражданин. Выбор. Власть. 2023. № 2 (28). С. 93-105 (2,31 п.л.). ИФ РИНЦ – 0,44.

международных отношений, деятельность государств и негосударственных акторов мировой политики, динамика развития государств и регионов мира и др.

Внутренние условия реализации ГИП РФ – группа факторов внутривнутриполитической среды Российской Федерации – состояние общественного сознания и общественного мнения социальных групп, внутривнутриполитическая конъюнктура, социальная структура российского общества, динамика экономического развития, состояние внутреннего информационно-коммуникационного пространства и др.

В силу тесной взаимосвязи и взаимовлияния внешних и внутренних факторов в современных условиях глобализации, особенно свободного движения информации в глобальном масштабе, граница между внешними и внутренними условиями размывается, их векторы воздействия пересекаются и оказывают совокупное влияние на ГИП РФ. Исходя из того, что Российская Федерация является открытым обществом, встроенным в систему международных отношений, на практике затруднительно отнести какой-либо фактор к исключительно внешним или внутренним условиям, поэтому, в данном случае, они разделены сугубо в аналитических целях. В свою очередь ГИП РФ оказывает обратное воздействие на условия своего функционирования.

Общие условия ГИП РФ составляют макротенденции эволюции современного общества. В научной среде существует довольно большое число точек зрения на состояние современного общества, его особенностей и структуры. Одним из срезов этой дискуссии является диспозиция «модерн – постмодерн».

Постмодернистские теоретики настаивают на том, что в обществе модерна произошли настолько колоссальные изменения, что оно перешло в качественно новое состояние – эпоху постмодерна. Основными его признаками является распад основополагающих структур модерна – классической рациональности, единообразия и стандартизации, принципа

экономической полезности, ориентации на массовое материальное производство, классовой структуры общества, веры в социальный прогресс и др. Постмодерн представляет собой тотальную неопределенность, отсутствие линейных целенаправленных изменений, радикальный плюрализм.

Одной из главных черт постмодерна является кризис метанарративов – больших проектов, объяснительных систем, претендующих на универсальность¹²⁴, что обуславливает раздробленность и изменчивость социокультурной сферы.

Таким же раздробленным является общество и с точки зрения Ж. Делеза. Он утверждает, что оно перешло от «общества дисциплины» к «обществу контроля», для которого характерна фрагментация, отсутствие обозримых долго- и среднесрочных перспектив, постоянные кардинальные нелинейные изменения¹²⁵. Ж. Делез вместе с Ф. Гваттари вводят понятие «ризомы», описывают современный мир как множественный, неупорядоченный, способный развиваться в любых направлениях и принимать различные конфигурации¹²⁶. Даже индивид, с позиции Ж. Делеза, лишается устойчивых качеств, расщепляется и превращается в «дивида», встраивающегося в постоянные изменения¹²⁷.

З. Бауман также говорит о «ненаправленности перемен» современного мира. Он характеризует состояние современного общества как *interregnum* – перерыв между ломкой старого порядка и возникновением нового, старое уже не работает, а новое еще не народилось, состояние неуверенности, неопределенности будущего¹²⁸.

¹²⁴ Лиотар Ж.-Ф. Состояние постмодерна. М.: Институт экспериментальной психологии; СПб.: Алетейя, 1998. – 160 с.

¹²⁵ Делез Ж. Post scriptum к обществам контроля. 04.08.2010. [Электронный ресурс]. URL: <https://textarchive.ru/c-2061131.html> (дата обращения: 31.05.2025).

¹²⁶ Делез Ж., Гваттари Ф. Ризомы // Философия эпохи постмодерна: Сб. переводов и рефератов. Минск: Красико - Принт, 1996. С. 136-160.

¹²⁷ Делез Ж. Post scriptum к обществам контроля. 04.08.2010. [Электронный ресурс]. URL: <https://textarchive.ru/c-2061131.html> (дата обращения: 31.05.2025).

¹²⁸ Бауман З. Текучая современность: взгляд из 2011 года [Электронный ресурс]. URL: <http://polit.ru/article/2011/05/06/bauman/> (дата обращения: 05.11.2022).

3. Бауман выделяет следующие его характеристики: плюрализм культур, распространяющийся на все сферы жизни и все ее проявления; постоянные изменения, отсутствие устойчивости и предсказуемости; отсутствие властных универсалий; гегемония СМИ и их продукции; исчезновение основной реальности, ее размывание в пространстве символов, из-за чего все социальное пространство начинают определять символы¹²⁹.

Сегодняшний мир стремительно меняется. В нем наблюдаются серьезные трансформации в политике, экономике, технологиях и культуре. Он становится все более неупорядоченным и турбулентным. Однако масштабные глобальные кризисы происходили и до этого, но не приводили к кардинальной «смене эпох». Ценность постмодернистского взгляда на социальные трансформации современности видится в том, что они подчеркивают их глубину, что в свою очередь ставит вопрос о действительном наступлении серьезного глобального кризиса и радикальном преобразовании фундаментальных институтов современного общества. В частности, для ГИП это означает кардинальное изменение условий ее функционирования, причем условий специфических, трудно прогнозируемых и крайне рискогенных.

Оппонентами постмодернизма выступают сторонники трактовки современного общества как «развитого модерна». Они утверждают, что изменения, происходящие в современном обществе связаны не с упадком модерна, а с его «успехом», который связан с развитием капиталистических отношений.

Ф. Уэбстер выделяет ряд признаков современного капитализма: ведущая роль транснациональных корпораций, усиление конкуренции и ее глобальный масштаб, снижение суверенитета национальных государств, глобализация – выстраивание всего мира в соответствии с моделью западного общества и его универсальными ценностями¹³⁰. Он также говорит о массивном проникновении «цивилизации бизнеса», рыночных отношений во все сферы

¹²⁹ Bauman Z. *Intimations of Postmodernity*. London: Routledge, 1992. – 232 p.

¹³⁰ Уэбстер Ф. *Теории информационного общества*. – М.: Аспект Пресс, 2004. С. 382.

жизни, в том числе в те, которые раньше были свободны от них¹³¹. Согласно, Ф. Уэбстеру мир и все сферы общества все более подчиняются общим принципам и логике капитализма и рынка, а информатизация только ускоряет этот процесс, т.к. «глобальный капитализм нуждается в рекламе, информационных технологиях, корпоративном планировании и эффективном маркетинге»¹³².

Дж. Ритцер придерживается близкой к Ф. Уэбстеру точке зрения и тесно связывает происходящие трансформации с процессом «макдональдизации» общества, основными принципами которой являются:

- *Эффективность*. Ускорение ритма жизни привело к стремлению к максимизации эффективности и продуктивности. Стремление сделать как можно больше в минимальный промежуток времени.
- *Предсказуемость* – рационально обусловленное желание заранее и точно знать результат предпринимаемых действий в любом месте в любое время.
- *Упор на количественные показатели (калькулируемость)*. Качественные показатели отходят на второй план. Основной акцент делается на производстве как можно большего количества продукции в минимально короткий срок. Отсюда и оценка любых социальных практик с позиции количественных показателей.
- *Контроль*. Автоматизация путем внедрения новых технологий и сведения к минимуму «человеческого фактора». Минимизация человеческой деятельности до простых операций и следования инструкциям¹³³.

Таким образом, в основе современного общества лежит не разнообразие и расщепленность, а единые принципы «макдональдизации» – новой рациональности «развитого капитализма», которая «добивается все большего

¹³¹ Там же. С. 383.

¹³² Там же. С. 384.

¹³³ Ритцер Дж. Макдональдизация общества / Пер. с англ. А.В. Лазарева; вступ. Статья Т.А. Дмитриева. М.: Издательская и консалтинговая группа «Праксис». 2011. – 592 с..

доминирования в самых разных сферах жизни американского общества и остального мира»¹³⁴.

В современном мире во всех сферах (экономике, политике, культуре) успешно доминируют принципы капитализма и рынка. По нашему мнению, с одной стороны, «постмодернистские» признаки современного общества интегрируются в общую логику капитализма и не противоречат ей, с другой – являются косвенными признаками новой стадии его развития и вместе с ней упадком фундаментальных общественных институтов и их кризисом.

Современные турбулентные изменения стараются объяснить с помощью понятий «polycrisis» и «общество риска». Polycrisis – ситуация, в которой несколько крупных кризисов в разных, но взаимосвязанных системах (экономика, климат, геополитика, здоровье, технологии и т.д.) не просто совпадают по времени, а каузально переплетаются так, что их совокупный ущерб и динамика превышают сумму эффектов каждого по отдельности; взаимодействия создают нелинейные каскады, синхронизацию и новые «чрезвычайные» состояния системы. Теория «общества риска» утверждает, что современное индустриально-технологическое развитие всё больше производит риски (особенно глобальные, «производимые» самим модерном), которые перераспределяются социально иначе, чем богатство; управление ими становится центральной политической осью, а знание/незнание о рисках — ключевым фактором власти и социального конфликта¹³⁵.

Несмотря на значительные расхождения трактовок и результатов социологического анализа современного общества общепризнанным фактом является его информатизация и цифровизация, которая ведет к ряду существенных социальных трансформаций:

- Информация становится одним из ключевых ресурсов, оказывающих влияние на экономические, политические, социальные и культурные отношения

¹³⁴ Там же. С. 63.

¹³⁵ Beck, U. Risk Society: Towards a New Modernity / U. Beck. Sage Publications, 1992. — 264 с.; Raschke, J. The Global Polycrisis: Framing the New World Disorder / J. Raschke. Polity, 2022. — 256 с.

- В силу развития средств коммуникации происходит движение больших объемов информации в глобальном масштабе, что ведет, по выражению М. Маклюэна, к превращению мира в «глобальную деревню»¹³⁶
- Возможность мгновенной коммуникации между ее субъектами в силу отсутствия пространственно-временных ограничений, привела к инверсии пространства и времени.
- Погружение социальных процессов в «гиперреальность» и формирование «культуры реальной виртуальности» - полное погружение реальности в виртуальные образы, виртуальное пространство¹³⁷. Виртуальное теряет связь с реальным и заменяет его.
- Горизонтальные коммуникации начинают преобладать над вертикальными, вследствие чего формируются сетевые структуры, вытесняющие традиционные иерархические.
- Одним из парадоксов информатизации является то, что с увеличением социальных контактов через виртуальные сети, общество становится более атомизированным, т.к. индивиды сами выбирают контент и замыкаются в своих «информационных капсулах»¹³⁸.
- Большие объемы информации приводят к информационной перегрузке. Горизонтальные коммуникации и информационная перегрузка способствуют формированию «клипового мышления».
- Формирование идентичности и социализация происходят через сетевые коммуникации в киберпространстве (киберсоциализация)¹³⁹.
- Распространение сетевых коммуникаций с помощью, которых каждый пользователь может являться производителем контента приводит к тому, что содержание контента (информация) несколько отходит на второй

¹³⁶ Маклюэн М. Понимание медиа: Внешнее расширение человека / Пер. с англ. В. Николаева. М.: Гиперборей, 2007. – 464 с.

¹³⁷ Кастельс М. Информационная эпоха: экономика, общество и культура / Пер. с англ. под науч. ред. О. И. Шкаратана. М.: ГУ ВШЭ, 2000. С. 351-353.

¹³⁸ Володенков С.В., Артамонова Ю.Д. Информационные капсулы как структурный компонент современной политической Интернет-коммуникации // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2020. Т. 53, № 1. С. 188–196.

план и более важным ресурсом становятся коммуникативные возможности субъектов, контроль над площадками сетевой коммуникации, собственность на средства коммуникации¹⁴⁰.

Данные тенденции можно считать свершившимся фактом, однако дальнейшая цифровизация ведет к новым процессам платформатизации и все большего развития ИИ¹⁴¹. Коммуникация и другие сферы все больше подчиняются платформенной логике, в которой алгоритмы рекомендаций формируют повестку, из-за чего «редакторская власть» уходит коду, делая его, по мнению некоторых исследователей, новым политическим актором. Посредством установления повестки алгоритмы также формируют фрейм интерпретации происходящих событий, а также создают параллельные медиасистемы, еще больше закрывая аудиторию в «информационных капсулах». Если «классические» социальные сети делали аудиторию и сообщества главными производителями контента, то теперь это место занял алгоритм и ИИ, которые определяют новый порядок коммуникации.

Однако, мы не склонны придерживаться позиции о том, что информатизация общества радикально меняет его структуру и суть общественных отношений. Информационно-коммуникационные технологии являются инструментом, используемым социальными субъектами. Более того, направления и формы развития ИКТ определяется действующей системой общественных отношений.

Признавая высокую значимость теоретических разработок и результатов социологического анализа, а также серьезных трансформаций, связанных с цифровизацией общества, стоит отметить, что несмотря на кажущееся разнообразие мнений, субкультур и быстрых изменений в социальной структуре в основе современного общества по-прежнему преимущественно лежит неолиберальная идеология («универсальные» ценности, принципы «макдональдизации») и социально-экономические отношения

¹⁴⁰ Володенков С.В. Интернет-коммуникации в глобальном пространстве современного политического управления. Проспект Москва, 2018. С. 90.

¹⁴¹

капиталистического типа. Причины глубоких трансформаций лежат в плоскости экономики, политики и социальной структуры.

Спад мировой экономики в «ковидный» 2020 год и высокая вероятность усиления глобальной экономической рецессии, возрастание противоречий между государствами и появление новых конфликтов актуализируют риск возникновения состояния «*interregnum*».

С начала 2020 года основные индексы фондовых рынков продемонстрировали падение или турбулентность. 16 марта 2020 года на Нью-Йоркской бирже они упали более чем на 10%¹⁴². Это рекордное падение со времен «черного понедельника» 1987 года. В начале апреля того же года индекс потребительских настроений США понизился до рекордного уровня и составил 71 пункт¹⁴³. В первой половине 2020 года, по сообщениям МВФ, инвесторы вывели с рынков развивающихся стран около \$83 млрд¹⁴⁴. МВФ также спрогнозировал отрицательный рост мировой экономики в 2020 году¹⁴⁵. Согласно экспертному прогнозу Bank of America предполагалось, что мировой ВВП снизится на 2,7%¹⁴⁶, что является существенно высокой цифрой для мировой экономики. В действительности реальный мировой ВВП в 2020 году по данным Всемирного банка упал на 3,2%¹⁴⁷. Несмотря на «постковидный» отскок в экономике в 2021 году (+5,9%), уже в 2022 году среднемировые темпы роста снизились в 2 раза, до 2,9%. В 2023 году Всемирный банк зафиксировал еще большее замедление темпов роста мировой экономики (2,6%), в 2024 году рост составил 2,7%. В 2025-2026 годах прогнозируется такой же рост мировой экономики (2,7%), однако этого оказывается

¹⁴² Обвал на фондовых рынках в мире 16 марта. Что важно знать [Электронный ресурс] // РБК. URL: <https://www.rbc.ru/economics/16/03/2020/5e6f754b9a7947849ff11734> (дата обращения 05.03.2022).

¹⁴³ U.S. Consumer Sentiment plummeted in April by most on record [Электронный ресурс] // Bloomberg. URL: <https://www.bloomberg.com/news/articles/2020-04-09/u-s-consumer-sentiment-plummeted-in-april-by-most-on-record> (дата обращения 05.03.2022).

¹⁴⁴ МВФ: рецессия мировой экономики в 2020-м будет хуже кризиса 2008 года [Электронный ресурс] // Коммерсантъ. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/4300023> (дата обращения 05.03.2022).

¹⁴⁵ Там же.

¹⁴⁶ Bank of America спрогнозировал падение мирового ВВП на 2,7% в 2020 году [Электронный ресурс] // «Интерфакс». URL: <https://www.interfax.ru/business/702197> (дата обращения 05.03.2022).

¹⁴⁷ Global Economic Prospects (January 2023). A Second Year of Sharply Slowing Growth [Электронный ресурс] // The World Bank. URL: <https://www.worldbank.org/en/publication/global-economic-prospects> (дата обращения: 29.01.2023).

недостаточно, чтобы компенсировать шоки предыдущих лет. Сохраняются риски эскалации геополитической напряженности и высокой инфляции. При этом внешние шоки могут привести к снижению роста или падению мирового ВВП. Эксперты отмечают высокую инфляцию и низкие темпы роста экономики, а также серьезное замедление экономического роста Китая. Известный экономист Нуриэль Рубини считает, что в ближайшие годы мир неизбежно ждет затяжная, глубокая рецессия вкупе с финансовым кризисом¹⁴⁸. Несмотря на некоторое замедление падения мировой экономики, ситуация в ней продолжает оставаться тяжелой.

Ряд исследователей считают такое состояние мировой экономики не случайным и связывают его с процессом «деглобализации», который является результатом накопленных противоречий с 70-х годов прошлого века¹⁴⁹. Это понятие трактуется как стагнация или ослабление системы международного разделения труда, интенсивности торговых и финансовых потоков, направленных на формирование глобальной экономики как целостной системы¹⁵⁰. Сторонники концепции утверждают, что процесс деглобализации связан со снижением с кризиса 2008-2009 гг. среднегодовых темпов роста объёмов международной торговли в процентах к ВВП; снижением соотношения прямых иностранных инвестиций к мировому ВВП после всплесков в 2000 г. и 2007 г.; снижением соотношения суммарных глобальных потоков товаров, услуг и капитала к мировому ВВП после 2007 г.; увеличением доли чистого национального производства в мировом ВВП на 2% к 2017 г. относительно уровня 2007 г.; стагнацией объёмов международного кредита после 2007 г.; ростом количества принятых государствами протекционистских мер, регулирующих внешнюю торговлю,

¹⁴⁸ The Unavoidable Crash [Электронный ресурс] // Project Syndicate. URL: <https://www.project-syndicate.org/commentary/stagflationary-economic-financial-and-debt-crisis-by-nouriel-roubini-2022-12> (дата обращения: 29.01.2023).

¹⁴⁹ «Деглобализация: кризис неолиберализма и движение к новому миропорядку». [Электронный ресурс] // «Научная лаборатория современной политэкономии». URL: https://www.researchgate.net/publication/350878182_DEGLOBALIZACIA_KRIZIS_NEOLIBERALIZMA_I_DVI_ZENIE_K_NOVOMU_MIROPORADKU (дата обращения: 29.01.2023)

¹⁵⁰ Там же

иностранные инвестиции и миграцию; кризисом региональной интеграции на примере НАФТА, ЕС и ЕАЭС.

В январе 2023 тема деглобализации стала одной из центральных на Всемирном экономическом форуме в Давосе¹⁵¹. В докладе МВФ приуроченном к мероприятию говорится о том, что мир находится на пороге геоэкономической фрагментации. Отсчет деглобализации авторы ведут с момента мирового финансового кризиса 2008–2009 годов и относят к этому процессу «Брексит», торговые войны США и Китая, а также ограничения, введенные в период пандемии и после начала специальной военной операции РФ на Украине. В докладе указывается, что пока в мировой торговле не так много признаков фрагментации, однако количество мер протекционизма продолжает расти. В 2025 году тренд деглобализации подтверждается высокими торговыми пошлинами, вводимыми президентом США Д. Трампом и концентрацией на собственной экономике.

Оппоненты концепции деглобализации указывают на то, что ее тенденция не столь выражена, однако признают противоречия в мировой экономике и то, что начался новый передел мира. Китай создает собственную периферию в Азии и Африке и бросает вызов гегемонии США.

На наш взгляд, в мировой экономике присутствует тренд деглобализации, но также процессы экономической турбулентности и накопления противоречий носят глубокий и системный характер, который не может не привести к таким же глубоким и масштабным трансформациям мировой экономической системы и миропорядка.

Настолько масштабный экономический кризис отразится на социальной, политической и культурной сферах и может актуализировать дисбалансы и противоречия современного общества.

В докладе Edelman Trust Barometer 2025 отмечается растущий кризис доверия. 61% людей испытывают умеренное или сильное недовольство. Они

¹⁵¹ Разъединиться, чтобы объединиться. Участники Давоса обсуждают деглобализацию [Электронный ресурс] // Коммерсантъ. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/5773626?tg> (дата обращения: 29.01.2023).

считают, что правительство и бизнес усложняют их жизнь, обслуживают узкие интересы, а богатые несправедливо извлекают выгоду из сложившейся системы. Массовое недовольство подрывает доверие к основным институтам – государству, бизнесу, СМИ и НКО; усиливается политическая поляризация. Исследование выявило резкий поворот в общественных настроениях: все больше растет поддержка агрессивных действий как способа решения социальных проблем. Около 40% опрошенных одобряют такие формы враждебного активизма, как нападения в интернете, преднамеренное распространение дезинформации, угрозы или насилие, а также повреждение частной или общественной собственности. Это мнение наиболее распространено среди молодежи 18–34 лет, из которых 53% одобряют хотя бы одну из этих форм¹⁵².

Об идущих серьезных трансформациях свидетельствует также появление «черных лебедей» в политическом пространстве «развитых» стран – ядра глобального капиталистического общества модерна.

Одним из них является победа Д. Трампа на президентских выборах в США и «правый бунт» в Европе, которые резко противопоставляют себя неолиберальному политико-идеологическому проекту и политическому истеблишменту, требуя изменения статус-кво существующей глобальной политики и более широкого доступа к ресурсам. Несмотря на то, что правый популизм предлагает ситуативные решения, его повестка серьёзно подрывает неолиберальный дискурс, а его относительный успех свидетельствует о нарастании противоречий между элитой и обществом западных стран. Попытка трансформации и противодействие ей со стороны нынешнего истеблишмента составляют сегодня основную линию политического раскола.

Кроме того, в 2020-2021 гг. по США прокатилась волна масштабных расовых протестов с применением насилия, мародерством и захватом зданий, а в 2021 году уже противоположным «лагерем» американского общества был временно захвачен Капитолий. Сами представители американского

¹⁵² Edelman Trust Institute. 2025 Edelman Trust Barometer: Global Report: отчет. Chicago: Edelman, 2025. 78 p.

истеблишмента охарактеризовали штурм парламента как государственную измену, попытку государственного переворота и бунт¹⁵³.

В Великобритании за последние четыре года сменилось 3 премьер-министра. Предпоследняя из них, Лиз Трасс, продержалась на своем посту чуть более месяца, самый короткий срок в истории страны. Соединенное королевство сталкивается с серьезными экономическими вызовами, решение которых пока не найдено¹⁵⁴.

Экономика Китая сильно замедляет свой рост. В 2023 году он составил 5,2%¹⁵⁵. В самом Китае произошли крупнейшие с 1989 года протесты. Кроме того, в стране растет безработица и неравенство¹⁵⁶. Согласно прогнозам Всемирного банка в 2024 году ВВП Китая снизится до 4,5%¹⁵⁷.

В целом в мире нарастает турбулентность: протесты в Белоруссии, обострение отношений США и Ирана, Brexit, захват власти в Афганистане движением «Талибан», протесты в Гонконге, обострение «тайваньского вопроса», «торговая война» США и Китая, специальная операция на Украине и другое¹⁵⁸.

Такие турбулентные процессы создают серьезные вызовы для глобальных институтов современного неолиберального общества модерна и свидетельствуют о том, что старые рецепты перестают работать, что может привести к глубинным трансформациям современного общества.

Возможные серьезные социальные изменения могут носить травматический характер, что дает основания рассматривать современное общество как потенциальное «общество травмы».

Рассматривать социальные изменения как травму было предложено польским социологом П. Штомпкой, который называл ее «культурной

¹⁵³ Там же.

¹⁵⁴ Там же.

¹⁵⁵ Global Economic Prospects (January 2023). A Second Year of Sharply Slowing Growth [Электронный ресурс] // The World Bank. URL: <https://www.vsemirnyjbank.org/ru/publication/global-economic-prospects> (дата обращения: 13.04.2023).

¹⁵⁶ Там же.

¹⁵⁷ Там же.

¹⁵⁸ Там же.

травмой»¹⁵⁹ и определял как стресс резких социальных изменений, достигшему уровня культуры и вызвавшему раскол, дезорганизацию, дезориентацию общества, кризис идентичности¹⁶⁰. «Травма появляется, когда происходит раскол, смещение, дезорганизация в упорядоченном, само собой разумеющемся мире. <...> Ценности теряют ценность, требуют неосуществимых целей, нормы предписывают непригодное поведение, жесты и слова обозначают нечто, отличное от прежних значений. Верования отвергаются, вера подрывается, доверие исчезает, харизма терпит крах, идолы рушатся»¹⁶¹.

Ж.Т. Тощенко определяет общества травмы как «результат длительной неопределенной, турбулентной трансформации, характеризующейся деформацией экономических, социальных, политических и духовно-культурных отношений»¹⁶². Основными характеристиками таких обществ являются отсутствие целей стратегического развития, хаотичность действий, деструктивные социальные процессы, латентные или открытые социальные конфликты и противоречия, в том числе в информационном пространстве¹⁶³.

В силу вышеописанных тенденций, представляется, что в современном обществе нарастают глубокие системные противоречия и дисбалансы, в силу чего действующие институты перестают работать, а ответы на новые вызовы не найдены. Это ведет к травматичным изменениям в обществе, дезорганизации и хаотизации всей социальной жизни. В контексте рассмотрения государственной информационной политики важно отметить, что состояние травмы приводит к слому культурных норм, дезориентации людей. В таких условиях ГИП становится одним из ключевых инструментов преодоления кризиса.

В целом, можно сделать вывод о том, что в глобальном масштабе современное общество в основе своей является капиталистическим обществом

¹⁵⁹ См. *Штомпка П.* Социальное изменение как травма // Социологические исследования. 2001. № 1. С. 6 – 16.

¹⁶⁰ Там же.

¹⁶¹ Там же. С. 11..

¹⁶² *Тощенко Ж.Т.* Общества травмы и их характеристика // Гуманитарий Юга России. 2020. Том. 9. № 1. С. 39.

¹⁶³ Там же. С. 39 – 40.

«позднего модерна», основанного на «универсальных» ценностях и принципах либерализма. Информатизация и цифровизация ведут к значительным трансформациям социальной структуры, но не меняет фундаментальные основы капитализма. События последних лет свидетельствуют о потенциальных глубинных изменениях общества модерна, что приведет к переходному состоянию «interregnum» и «общества травмы», состоянию турбулентности, неопределенности, дезорганизации. Это проявляется и на социокультурном уровне, что кратно увеличивает и интенсифицирует информационные риски и угрозы.

2.2. Новые вызовы и угрозы национальной безопасности Российской Федерации в информационной сфере

В настоящее время технологический прогресс средств коммуникации и продолжающееся формирование «цифрового общества» сделали информационно-коммуникационное пространство одним из ключевых измерений политической конкуренции за власть и ресурсы, которая осуществляется в данном пространстве в форме информационного противоборства. Эволюция технических средств коммуникации; форм, методов и технологий информационного противоборства; а также глобальные мегатренды, ведущие к кризису и состоянию «общества травмы», привели к возникновению новых вызовов и угроз национальной безопасности в информационной сфере.

Возникновение новых вызовов и угроз связано с изменениями международной политической конъюнктуры и трансформацией системы международных отношений. В последние годы наблюдается стремительный рост турбулентности, международной напряженности и социальных конфликтов по всему миру. В среде турбулентных процессов можно выделить несколько тенденций.

Влияние пандемии COVID-19, которая стала не только причиной новых потрясений, но и обострила имеющиеся противоречия и дисбалансы (неэффективность оптимизированной системы здравоохранения, общественная поляризация, социальное неравенство, разрыв между развитыми и развивающимися странами и др.) Пандемия не привела к укреплению международного сотрудничества, напротив началась «гонка за

вакциной», введение ограничений на ввоз медикаментов и вакцин, взаимные обвинения и др.

Также растет интенсивность внутренних социальных противоречий и конфликтов в развитых странах. Одним из главных примеров служат расовые протесты в США в 2020 году, которые вспыхнули после гибели афроамериканца Джорджа Флойда при задержании полицией. Протесты носили не только масштабный по численности и территории характер, но и переросли в столкновения с полицией, погромы и мародерство. Волнения вскрыли брожение и общественный раскол в умах американцев. За год после протестов в США снесли более 300 памятников историческим личностям, взгляды которых считаются расистскими, штат Миссисипи убрал со своего герба знамя конфедератов, были сняты с показа ряд фильмов, содержащих «расовые предрассудки» и т.д.¹⁶⁴ В обществе развернулась широкая дискуссия о системном расизме с резкими выпадами противоборствующих сторон. Протесты вскрыли не только раскол в общественном сознании, но и в социальной структуре. За время пандемии США столкнулись, как и многие страны, с экономическими трудностями и безработицей, в то время как 650 богатейших американцев увеличили свое состояние на 1 трлн. долларов. Еще в 2019 году среди самых важных проблем американцы отмечали низкие зарплаты, отсутствие медобслуживания, плохие жилищные условия, повышение стоимости образования и различия в правилах, действующих для богатых и бедных¹⁶⁵. Следствием этих проблем, а также трудностей функционирования политических институтов США стали неоднозначные результаты президентских выборов, которые не признали сторонники Трампа и сам экс-президент. Недовольство вылилось в протесты с последующим захватом Капитолия, что назвали «попыткой государственного переворота»¹⁶⁶.

¹⁶⁴ Год спустя. Что изменилось в Америке после убийства Джорджа Флойда [Электронный ресурс] // ТАСС. URL: <https://tass.ru/opinions/11458187> (дата обращения: 25.03.2023).

¹⁶⁵ Там же.

¹⁶⁶ Капитолий еще будет [Электронный ресурс] // Коммерсант. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/5758305> (дата обращения: 25.03.2023).

В странах Запада в 2022 году, по данным базы политических конфликтов ACLED, протестные акции собрали в 3 раза больше участников, чем в предыдущем году. В 2023 году тенденция к расширению протестной активности сохранилась: к 1 февраля на улицы вышли 4,1 млн. человек, что в 12 раз больше по сравнению с январем 2022-го и превышает число протестующих в Европе и Северной Америке за все первое полугодие 2021-го. На общем фоне особо выделились протестные акции во Франции, Англии и Испании. В последней в 2022 году протестовало 334 человека на 10 000 испанцев (1 место в Европе)¹⁶⁷. Во Франции 31 января началась общенациональная забастовка против пенсионной реформы. 19 января в ней приняли участие 1,12 млн. (по данным полиции) до 2 млн. французов (по данным профсоюзов). 7 февраля акции протеста сопровождались беспорядками¹⁶⁸. В Англии протесты бюджетных работников стали самыми массовыми за последние 10 лет. В акциях приняло участие около 500 тыс. человек, они стали вторыми по численности в Европе на март 2023 года. Причина протестов – несопоставимые с высокими ценами низкие зарплаты рабочих госсектора¹⁶⁹. Несмотря на снижение количества демонстраций, 2024 год стал рекордным по вмешательству полиции и арестам¹⁷⁰.

Нестабильность нарастает и в странах «периферии» и «полупериферии». С 2020 по 2022 годы масштабные протесты прошли в Венесуэле, Боливии, Беларуси, России, Казахстане, Молдавии, Бразилии, Аргентине, Мексике, Турции и других странах. Самые масштабные акции состоялись в Мьянме, Судане, на Шри-Ланке. Ряд протестов сопровождались столкновениями с полицией, мародерством, массовыми беспорядками. На Гаити, в Пакистане, Конго, Кении было десятки убитых, в Казахстане погибло почти 260 человек.

¹⁶⁷ ACLED Year in Review. Global Disorder in 2022 [Электронный ресурс] // ACLED. URL: <https://acleddata.com/2023/01/31/global-disorder-2022-the-year-in-review/> (дата обращения: 25.03.2023).

¹⁶⁸ Хроника протестов во Франции из-за пенсионной реформы [Электронный ресурс] // РБК. URL: <https://www.rbc.ru/photoreport/26/03/2023/641d78569a794756ff4cab85> (дата обращения: 25.03.2023).

¹⁶⁹ В Великобритании прошли крупнейшие протесты со времен Маргарет Тэтчер [Электронный ресурс] // РБК. URL: <https://www.rbc.ru/politics/01/02/2023/63da53fb9a7947ee92ed05b7> (дата обращения: 25.03.2023).

¹⁷⁰ ACLED (Armed Conflict Location & Event Data Project). ACLED 2024: Trends in Conflict, Political Violence, and Protest / ACLED. — 2024.

В целом, протестная активность в последние годы растет по всему миру. В докладе фонда Friedrich-Ebert-Stiftung (FES) отмечается, что с ноября 2021 года по ноябрь 2022 года произошел глобальный всплеск протестов в разных регионах и различных типах политических режимов, в странах с высокими, средними и низкими доходами населения. В некоторых странах эти протесты переросли в более крупные национальные политические кризисы, сопровождавшиеся значительным насилием и требованиями политических перемен. «Волна протестов сигнализирует о неспособности глобальной экономики обеспечить людей основными товарами, в которых они нуждаются, по ценам, которые они могут себе позволить», – констатируют исследователи FES.

Кризис глобальной экономической и политической системы проявляется и в росте вооруженных конфликтов и политического насилия. В 2024 году зафиксирован рост политического насилия на 25% и на 30% возросло число жертв. Каждый восьмой житель планеты живет в радиусе менее или равном 5 км от очага насилия¹⁷¹.

Важным фактором роста глобальной нестабильности становится борьба США и Китая за мировое лидерство. В 2017 году КНР обогнала Соединенные Штаты по размеру ВВП. В мировой экономике доля ВВП Китая с 1990 года по 2022 год увеличилась с 3,8% до 18,6% соответственно. КНР в ряде сфер тяжелой и легкой промышленности, расширяя свой экспорт, большую часть в структуре которого составляют товары обрабатывающей промышленности, при этом самая большая доля у технологичных машин и оборудования – 47,8%¹⁷². Вызов Китая США за лидерство в мир-системе демонстрирует и его экспансионистская политика по созданию собственной периферии для переноса производства, поставки дешевой рабочей силы и ресурсов из ряда стран Латинской Америки, Африки и Азии с совокупным населением в 1 млрд.

¹⁷¹ Там же.

¹⁷² «Деглобализация: кризис неолиберализма и движение к новому миропорядку». [Электронный ресурс] // «Научная лаборатория современной политической экономии». URL: https://www.researchgate.net/publication/350878182_DEGLOBALIZACIA_KRIZIS_NEOLIBERALIZMA_I_DVI_ZENIE_K_NOVOMU_MIROPORADKU (дата обращения: 29.01.2023)

человек. Поднебесная также вкладывает значительные ресурсы в инфраструктурные проекты, для установления контроля над торговыми путями и созданием выгодных условий для китайского капитала в других странах. Примерами служат проекты «Один пояс и один путь», программа «Помощь в обмен на ресурсы», действующая в отношении стран Африки. Еще в 2009 году Китай вышел на первое место среди торговых партнеров Африки, а его прямые инвестиции в континент продолжают расти. Такую же политику Пекин проводит и в отношении стран Латинской Америки, которые считаются «задним двором» Вашингтона. Кроме того, Поднебесная вкладывается и в развитые страны, на что США отвечают ограничениями в отношении китайских компаний¹⁷³. Однако последние годы экономический рост Китая демонстрирует отрицательную динамику и продолжает снижаться. Это обстоятельство скорее обостряет отношения между двумя странами, нежели подталкивает их к сотрудничеству. США, в свою очередь, признали, что Китай является их стратегическим соперником. В 2017 году КНР была названа угрозой безопасности¹⁷⁴. Соединенные Штаты отвечают экспортными ограничениями и финансовыми санкциями. В американском политическом истеблишменте сложился двухпартийный консенсус на стратегическое противостояние с Пекином. С приходом администрации Дж. Байдена противостояние лишь усилилось. В 2021 году создается альянс AUKUS (Австралия, Великобритания, США), направленный на сдерживание Китая в Индо-Тихоокеанском регионе. В рамках этого соглашения Австралия впервые получит возможность строительства атомных подводных лодок¹⁷⁵. Также после восстановления в 2017 году Д. Трампом Четырёхстороннего диалога по безопасности (QUAD) – Австралия, Индия, США, Япония, в 2021 году был взят курс на его активное укрепление. Странами-участниками диалога

¹⁷³ Там же.

¹⁷⁴ National Security Strategy 2017 // The White House. 2017. URL: <http://nssarchive.us/national-security-strategy-2017/> (дата обращения: 30.03.2023).

¹⁷⁵ Перспективы внешней политики США в отношении Китая: значение для России: доклад No 83 / 2022 / [Л. М. Соколышник, Ю. С. Соколышник, Э. З. Галимуллин, А. В. Бондаренко; под ред. Е. О. Карпинской, Ю. С. Соколышник, С. М. Гавриловой]; Российский совет по международным делам (РСМД). — М.: НП РСМД, 2022. С. 11.

ответственность за нестабильность в Индо-Тихоокеанском регионе возлагается на Китай, в 2021 году они провели совместные учения в Бенгальском заливе, для отработки «совместного отпора китайской угрозе». В следующем 2022 году был создан альянс «I2 – U2», также направленный против Китая. В него пошли США, Индия, ОАЭ и Израиль¹⁷⁶.

«Информационный фронт» также становится сферой усиления конфронтации Китая и США. Возрастает борьба американских и китайских IT-корпораций, торговые санкции как правило сопровождаются информационными кампаниями и попытками дискредитации друг друга обеими сторонами. Власти США публично поддержали протесты в Гонконге, а после вступления в силу Закона о национальной безопасности страны AUKUS обвинили Китай в исчезновении независимых СМИ в городе¹⁷⁷. Также в феврале 2022 года члены Четырехстороннего диалога по безопасности призвали объединиться против «авторитарных» режимов России, Китая и КНДР¹⁷⁸. Соединенные Штаты активно обвиняют КНР в «геноциде и преступлениях против человечности» в Синьцзян-Уйгурском автономном районе и на других китайских территориях¹⁷⁹. В 2022 году обострилась ситуация и вокруг Тайваня, который демонстративно посетила Нэнси Пелоси¹⁸⁰.

В совокупности эти тенденции говорят о глубоком переустройстве миропорядка, росте противостояния и демонстрируют насколько неразрешимыми являются противоречия между двумя мировыми экономическими центрами. В Стратегии национальной безопасности США признается: «Мир переживает переломной этап. <...> Мы находимся в разгаре

¹⁷⁶ Там же. С. 12.

¹⁷⁷ Сенат США единогласно поддержал протестующих в Гонконге [Электронный ресурс] // Ведомости. URL: <https://www.vedomosti.ru/politics/articles/2019/11/20/816730-ssha-podderzhal-protestuyuschih-gonkonge> (дата обращения: 25.03.2023).

¹⁷⁸ QUAD. Еще один альянс против Китая [Электронный ресурс] // TRTRussian. URL: <https://www.trtrussian.com/mnenie/quad-eshe-odin-alyans-protiv-kitaya-7025495> (дата обращения: 25.03.2023).

¹⁷⁹ США обвинили Китай в геноциде уйгуров [Электронный ресурс] // Ведомости. URL: <https://www.vedomosti.ru/politics/news/2021/01/19/854677-ssha-obvinili-kitai-v-genotside-uyurov> (дата обращения: 25.03.2023).

¹⁸⁰ Нэнси Пелоси посетила Тайвань [Электронный ресурс] // Lenta.ru. URL: https://lenta.ru/brief/2022/08/02/pelosi_taiwan/ (дата обращения: 25.03.2023).

<...> соперничества за формирование будущего международного порядка»¹⁸¹. В Стратегии национальной безопасности Российской Федерации также отмечается: «Современный мир переживает период трансформации. Увеличение количества центров мирового экономического и политического развития, укрепление позиций новых глобальных и региональных стран-лидеров приводят к изменению структуры мирового порядка, формированию новых архитектуры, правил и принципов мироустройства»¹⁸². В документе говорится и о стремлении стран Запада сохранить свою гегемонию, кризисе современных моделей и инструментов экономического развития, обострении внутривнутриполитических проблем, усилении межгосударственных противоречий, ослаблении влияния международных институтов и снижением эффективности системы глобальной безопасности¹⁸³.

Учитывая формы и методы управления современными политическими конфликтами (см. 1.4), такая ситуация ведет к значительному усилению информационного противоборства. Стороны используют СМИ, цифровые ресурсы, методы пропаганды и манипуляции общественным мнением, технологии смены политических режимов и другие формы информационной борьбы.

На фоне новой турбулентности в информационном пространстве возникают новые вызовы и угрозы: технологические, институциональные, коммуникационные, когнитивно-социокультурные.

К институциональным угрозам относится монополизация глобального цифрового рынка. Уже продолжительное время он контролируется крупными ИТ-компаниями, однако развитие платформ и создание цифровых и технологических экосистем еще больше углубили этот процесс. Так Google контролирует около 93,7% мобильного трафика; Meta* (*признана

¹⁸¹ National Security Strategy of the United States of America, 2022 // The White House, October 12, 2022 URL: <https://www.whitehouse.gov/wp-content/uploads/2022/10/Biden-Harris-Administrations-National-Security-Strategy-10.2022.pdf> (дата обращения: 15.02.2023)

¹⁸² Российская Федерация. Законы. О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации: Указ Президента Российской Федерации от 2 июля 2021 года N 400.

¹⁸³ Там же.

экстремистской организацией в РФ) – около 60% мирового трафика в социальных сетях; Amazon, Walmart и Apple составляют 50% рынка электронной коммерции; Google и Apple контролируют около 100% мобильных операционных систем; Meta и Google занимают более половины рынка цифровой рекламы; Microsoft, Google и Amazon лидируют в области ИИ и чипов для его работы¹⁸⁴. Из этого видно, что ряд компаний занимают лидирующие позиции сразу по нескольким направлениям, что концентрирует все рычаги управления цифровым пространством в руках всего нескольких корпораций.

Такое положение не только обостряет конфликт между государством и Big Tech, но и между странами, с которыми данные корпорации не аффилированы, вынуждая их создавать собственные национальные технологические и цифровые экосистемы и вводить новые регуляторные меры и стандарты работы Big Tech. Данные государства все больше переходят к стратегии «цифрового суверенитета», стараясь ограничить власть глобальных монополий.

Другой институциональной угрозой становится концепция когнитивных войн, проводимая центрами StratCom. Они используют информационные технологии для манипуляции общественным мнением и воздействия на восприятие. На Западе такими центрами являются EU StratCom Task Force, US StratCom (Командование стратегических операций США), отдельные структуры Министерства обороны Великобритании и другие. Такие центры занимаются высокотехнологичным мониторингом (в реальном времени), выявлением и тестированием угроз, координацией усилий различных ведомств, проведением тактических и стратегических информационно-психологических операций. Сегодня такие центры переходят от «классических» технологий дезинформации и психологических операций к

¹⁸⁴ Pew Research Center. Digital Transformation and Big Tech's Role in Global Influence. [Электронный ресурс] 2023. URL: <https://www.pewresearch.org> (дата обращения: 02.05.2025).

использованию ИИ, сетевой пропаганде и контролю информационных потоков через платформы.

Новые технологические вызовы и угрозы возникают в области борьбы за «information chokepoints» – «узкие места», через которые проходит непропорционально большая доля мирового трафика или вычислительных ресурсов: подводные кабели, дата-центры, орбитальные спутниковые сети и др. Такие узлы являются «воротами» крупных платформ, контроль над ними позволяет мониторить, фильтровать, замедлять или отключать данные для противника и одновременно взимать «ренту» за доступ. Государства и Big Tech активно борются за chokepoints как средство контроля.

Коммуникационными угрозами становятся deepfake-кампании и сетевая пропаганда. Возможность генерации deepfake-контента, с одной стороны, достигает своей цели – дезинформации аудитории и каскада ложной информации, с другой – подрывают доверие не только к классическим, но и к сетевым каналам коммуникации. Результатом становится неинформированность, дезинформированность аудитории. Люди не понимают, какой информации доверять и поэтому остаются вовсе без нее, не принимая ни один источник как достоверный. Кроме того, ИИ позволяет создавать правдоподобные аккаунты ботов, которые действуют по принципу «сетевой пропаганды» и создают «информационный каскад» – сверхбыстрое распространение информации, а также видимость массовой поддержки определенного мнения. Человек думает, что большинство разделяет именно эту точку зрения и сам начинает придерживаться ее, либо боится высказывать свое мнение и столкнуться с осуждением «подавляющего» большинства, что вытесняет альтернативные мнения из информационной повестки.

Современными когнитивно-социокультурными угрозами становятся «разрыв доверия» (trust-gap), ценностная и политико-идеологическая поляризация и увеличение потенциала воздействия «мягкой силы». Современная «мягкая сила» получила новые быстрые и дешевые каналы распространения продукции масс-культуры в виде онлайн-кинотеатров

(Netflix, Amediateka), музыкальных сервисов (AppleMusic, Google Play Music, Spotify), компьютерных игр, образовательных онлайн-курсов, научно-популярных Интернет-ресурсов и т.д. В целом, продукты масс-культуры, имеющие преимущественно западное происхождение пользуются в мире большой популярностью и в некоторых случаях служат трафаретом для национальных продуктов культуры. В настоящее время современные сетевые каналы коммуникации предоставляют возможность распространения продукции западной культурной индустрии, из чего можно сделать вывод об увеличении значения ценностно-мировоззренческого противостояния в политической конкуренции.

Чтобы определить наиболее значимые новые риски и угрозы в настоящем исследовании был использован метод кросс-импакт-матрицы. Первым этапом стало определение «веса» угроз. Данный показатель рассчитывался как среднее двух индексов от 0 до 1 – «распространенности» угрозы (насколько широко угроза уже происходит в мире) + «ущерба» (насколько сильно она бьет по институтам, экономике и обществу). Для этого использовались данные из открытых источников – опубликованной статистики и докладов международных аналитических центров.

Разрыв доверия (trust gap). Согласно данным 2025 года он составил 13% между высоко- и низкодоходными группами («бедные» в среднем доверяют основным институтам на 13% меньше, чем «богатые»). При этом, в отдельных странах этот показатель достигает 21-24%. Таким образом, первый субиндекс разрыва доверия равен $13/(13+24)/2 = 0,74$. Кроме того, разрыв доверия между теми, кто испытывает «сильное» и «умеренное недовольство» (61%) и остальными составил в среднем 30%¹⁸⁵. В результате $30/40$ (верхняя граница по странам) = 0,75. Интегральный индекс распространенности угрозы составил $P = (0,75+0,75)/2 = 0,75$. «Ущерб» угрозы оценивался также по нескольким показателям. Так 70% считает, что политические лидеры «намеренно вводят в заблуждение» + 61% испытывающих «сильное или

¹⁸⁵ Edelman Trust Institute. 2025 Edelman Trust Barometer: Global Report: отчет. Chicago: Edelman, 2025. 78 p.

умеренное недовольство» + 40% поддерживающих насильственный активизм¹⁸⁶. Для данных показателей были взяты «разумные» границы ущерба: 90% считают, что политики лгут; 8 из 10 испытывают недовольство; раскол общества на поддерживающих и не поддерживающих насилия ровно напополам (50%). В результате $Y = 70/90 + 60/80 + 40/50 = 0,77$. Вес угрозы при этом равен $B = (0,75+0,77)/2 = 0,76$.

Ценностная поляризация. Согласно данным World Values Survey средний рост ценностной дисперсии по миру составил +20%¹⁸⁷. В то же время по отдельным пунктам она достигла 28-30%, что рассматривается как «макросдвиг»¹⁸⁸. Таким образом, распространенность ценностной поляризации составила $P = 0,2/0,28 = 0,72$. В качестве показателя косвенного ущерба был взят процент тех, кто затрудняется отличить правду от лжи в сети. Такое решение принято исходя из того, что разделяемые ценности конструируют социальную реальность и влияют на восприятие информации (см. 1.3). Этот показатель составил 73-77%¹⁸⁹, исходя из чего «ущерб» угрозы равен $Y = 0,77$, а вес угрозы $B = (0,72+0,77)/2 = 0,75$.

Политико-идеологическая поляризация. Распространенность измерялась процентом людей, которые чувствуют раскол «элита – общество» (67%)¹⁹⁰. Отнормированная величина – $P = 0,67$. Ущерб оценивался долей людей, которые считают, что политики не заботятся об их интересах (74%)¹⁹¹ и 50% показатель «токсичной поляризации» в «развитых» странах¹⁹². Таким образом $Y = (0,74+0,5)/2 = 0,62$. Вес угрозы составил $B = (0,67+0,62)/2 = 0,65$.

¹⁸⁶ Там же.

¹⁸⁷ World Values Survey Association. World Values Survey, Wave 7 (2017–2022): Dataset and Documentation. Release v6.0: [данные и метод. описание]. Stockholm: WVSA, 2024. 214 p.

¹⁸⁸ Там же.

¹⁸⁹ The Guardian. Social media overtakes TV as main source of news in US, analysis finds [Электронный ресурс]. 17 June 2025. URL: https://www.theguardian.com/media/2025/jun/17/social-media-overtakes-tv-as-main-source-of-news-in-us-analysis-finds?utm_source=chatgpt.com (дата обращения: 20.06.2025).

¹⁹⁰ Ipsos. Populism in 2024: Ipsos Populism Survey [электронный ресурс]. Paris: Ipsos, February 14, 2024.

¹⁹¹ Pew Research Center. Representative Democracy Remains a Popular Ideal, but People Around the World Are Critical of How It's Working [Электронный ресурс]. 28 February 2024. URL: <https://www.pewresearch.org/global/2024/02/28/representative-democracy-remains-a-popular-ideal-but-people-around-the-world-are-critical-of-how-its-working/> (дата обращения: 20.06.2025).

¹⁹² V-Dem Institute. Democracy Report 2025: 25 Years of Autocratization – Democracy Trumped? Gothenburg (Швеция): University of Gothenburg: V-Dem Institute, March 2025 – 64 p.

Монополия Big Tech. Выше приведены данные о монополизации цифрового рынка со стороны ведущих технологических корпораций. По разным сегментам в среднем она составила 70-80%¹⁹³. Таким образом распространенность угрозы $P = 80/100 = 0,8$. Как было отмечено ранее особенность монополизации цифрового рынка заключается в том, что несколько компаний контролируют значительную долю в разных его сегментах, поэтому оценка ущерба произведена, исходя из доли всего цифрового рынка, который может быть «выключен» решением одной платформы. Этот показатель составил 70%¹⁹⁴, следовательно, $U = 70/100 = 0,7$. Вес угрозы: $B = (0,8+0,7) = 0,75$.

Дипфейки. С 2022 по 2023 годы распространенность дипфейков сети резко выросла – в среднем в 10 раз, а максимально в 12 раз¹⁹⁵. Таким образом, $P = 10/12 = 0,82$. Ущерб угрозы дипфейков оценивался с помощью материальных потерь из-за запуска ложной дипфейк-информации. В 2024 году в среднем он оценивался в 500 млн дол. и достигал 680 млн дол.¹⁹⁶ Адекватный верхний «потолок» ущерба был взят в размере 750 млн дол. Соответственно, индекс ущерба угрозы дипфейков составил $U = 0,5/0,75 = 0,66$. Интегральный вес угрозы составил $B = (0,82+0,66)/2 = 0,74$.

Сетевая пропаганда. Глобальный мониторинг зафиксировал тот факт, что 20% активности в социальных сетях приходится на ботов¹⁹⁷, по другим данным она достигла 32%¹⁹⁸, однако не только в соцсетях, но и во всем интернет-трафике. Для нормирования показателей зафиксированному максимуму был присвоен индекс в 0,28. Так, распространенность угрозы равна

¹⁹³ Pew Research Center. Digital Transformation and Big Tech's Role in Global Influence. [Электронный ресурс] 2023. URL: <https://www.pewresearch.org> (дата обращения: 02.05.2025).

¹⁹⁴ Там же.

¹⁹⁵ Security.org. Deepfakes Guide and Statistics. [Электронный ресурс]. 26 September 2024. URL: https://www.security.org/resources/deepfake-statistics/?utm_source=chatgpt.com (дата обращения: 20.06.2025).

¹⁹⁶ Eftsure. Deepfake statistics (2025): 25 new facts for CFOs. [Электронный ресурс]. 29 May 2025. Режим доступа: https://www.eftsure.com/statistics/deepfake-statistics/?utm_source=chatgpt.com (дата обращения: 20.06.2025)

¹⁹⁷ Ng L. H. X., Carley K. M. A global comparison of social media bot and human characteristics. [Электронный ресурс]. Scientific Reports 15 (31 March 2025). URL: https://www.nature.com/articles/s41598-025-96372-1?utm_source=chatgpt.com (дата обращения: 20.06.2025).

¹⁹⁸ Imperva Threat Research. 2024 Bad Bot Report. [Электронный ресурс]. Imperva, April 2024. URL: <https://www.imperva.com/resources/resource-library/reports/2024-bad-bot-report/> (дата обращения: 20.06.2025).

$P = 0,2/0,28 = 0,7$. Ущерб угрозы оценивался с помощью показателя процента людей, которые (не)могут отличить ботов от реальных людей в сети. По разным оценкам он колеблется от 40% до 60%¹⁹⁹, что в результате дает 50% вероятность для среднестатистического человека отличить бота от реального пользователя в сети, поэтому $Y = (0,4+0,6)/2 = 0,5$. Интегральный индекс веса угрозы составил $B = (0,7+0,5)/2 = 0,65$.

Information chokepoints. Для расчета распространенности угрозы использована статистика интернет-отключений: 296 отключений в 54 странах²⁰⁰. В расчете не использовалась статистика контроля, ограничений и отключений chokepoints со стороны Big Tech, т.к. монополизация этой отрасли выведена в отдельную угрозу. В результате распространенность по странам составила $54/195 = 0,28$; интенсивность отключений $296/300$ (максимум за последние годы) = 0,99. Таким образом, коэффициент распространенности угрозы составил $P = (0,28+0,99)/2 = 0,64$. Ущерб угрозы оценивался количеством пользователей, оказавшихся отключенными от точек доступа. Он составил 648,4 млн человек из 5,5 млрд пользователей сети²⁰¹. Однако для присвоения коэффициента был взят «катастрофический максимум» в 20%, когда каждый пятый житель планеты оказывается отключенным от глобальной сети. В результате ущерб составил $Y = 0,12/0,20 = 0,6$. Таким образом интегральный вес угрозы: $B = (0,64 + 0,6)/2 = 0,62$.

Деятельность центров StratCom. На сегодняшний день более 40 государств мира имеют формализованные StratCom структуры, в результате две трети глобального информационного пространства охвачены доктринами действий «стратегических коммуникаций» ($P = 0,65$). Гораздо сложнее оказалось оценить прямой ущерб от действий таких доктрин. В открытом

¹⁹⁹ Chein J. M.; Martinez S. A.; Barone A. R. Human intelligence can safeguard against artificial intelligence: individual differences in the discernment of human from AI texts [Электронный ресурс] // Scientific Reports. — 2024. Vol. 14. Article No. 25989. URL: <https://www.nature.com/articles/s41598-024-76218-y> (дата обращения: 20.06.2025).

²⁰⁰ Access Now & #KeepItOn coalition. Shrinking Democracy, Growing Violence: Internet Shutdowns in 2023. Access Now (Brooklyn, NY), May 2024.

²⁰¹ DataReportal / Kepios / We Are Social / Meltwater. Digital 2025: Global Digital Overview Report. [Электронный ресурс]. DataReportal, 2025. URL: https://datareportal.com/global-digital-overview?utm_source=chatgpt.com (дата обращения: 20.06.2025).

доступе не прямой индекс метрики ущерба операций центров StratCom, а государства не раскрывают «истинный» ущерб. Однако косвенный индекс «государственной дезинформации» показывает средний рост в 0,6 пункта (0,15) по шкале от 0 до 4²⁰². Для расчета ущерба к этому показателю был добавлен максимум в 74% людей, которые считают, что политики транслируют ложную информацию (следствие подрыва доверия)²⁰³. Таким образом ущерб составил $Y = (0,15 + 0,74) / 2 = 0,45$. Следовательно, вес угрозы равен $B = (0,65 + 0,45) / 2 = 0,55$.

Клиповое мышление и «инфоперегрузка». В среднем современные люди проводят перед монитором 6,4 часа в день²⁰⁴. При этом «реалистичный минимум» - 3 часа, а средний максимум – 8 часов. Пересчет по минимуму-максимуму дает распространенность $P = 0,58$. Ущерб оценивался процентом людей, которые говорят об усталости от переизбытка информации – 50%²⁰⁵: $Y = 50 / 100 = 0,5$. Таким образом, вес угрозы составляет $B = (0,58 + 0,50) / 2 = 0,54$.

На основании полученных «весов» (распространенность и ущерб) наиболее существенными угрозами безопасности, оказалась тройка – «разрыв доверия», ценностная поляризация, монополизация Big Tech. Совсем немногим менее (ниже уровня статистической погрешности) значимой оказалась угроза дипфейков. Угрозами «второго ранга» стали сетевая пропаганда, борьба за информационные chokepoints и политическая поляризация. Наименее «опасными» из представленных вызовов и угроз

²⁰² V-Dem Institute. Democracy Report 2025: 25 Years of Autocratization – Democracy Trumped? Gothenburg (Швеция): University of Gothenburg: V-Dem Institute, March 2025 – 64 p.

²⁰³ Pew Research Center. Representative Democracy Remains a Popular Ideal, but People Around the World Are Critical of How It's Working [Электронный ресурс]. 28 February 2024. URL: <https://www.pewresearch.org/global/2024/02/28/representative-democracy-remains-a-popular-ideal-but-people-around-the-world-are-critical-of-how-its-working/> (дата обращения: 20.06.2025).

²⁰⁴ Regula. The Deepfake Trends 2024. [Электронный ресурс]. Deepfake Fraud Costs the Financial Sector an Average of \$600 000 for Each Company, Regula's Survey Reveals. Business Wire, 31 October 2024. URL: https://www.businesswire.com/news/home/20241031656724/en/Deepfake-Fraud-Costs-the-Financial-Sector-an-Average-of-%24600000-for-Each-Company-Regulas-Survey-Reveals?utm_source=chatgpt.com (дата обращения: 20.06.2025)

²⁰⁵ Reuters Institute for the Study of Journalism. Digital News Report 2025. [Электронный ресурс]. Social media overtakes TV as main source of news in US, analysis finds. The Guardian, 17 June 2025. URL: https://www.theguardian.com/media/2025/jun/17/social-media-overtakes-tv-as-main-source-of-news-in-us-analysis-finds?utm_source=chatgpt.com (дата обращения: 20.06.2025).

оказались деятельность StratCom-центров и клиповое мышление/«информационная перегрузка». (Приложение 2)

Для уточнения опасности угроз в более широком контексте была составлена кросс-импакт-матрица взаимосвязи угроз (Приложение 3). Каждой паре угроз присвоены коэффициенты корреляции (усиление или ослабление друг друга). Они были также присвоены на основании открытых источников. 0,35-0,55 – слабая взаимосвязь; 0,55 – 0,7 – средняя; $\geq 0,7$ – сильная системная взаимосвязь.

Наибольшая взаимосвязь с другими угрозами установлена у сетевой пропаганды. Ее связь оказалась сильной с «разрывом доверия», который значительно усиливает ее эффект; дипфейками, которые распространяются посредством сети и структурно тесно взаимосвязаны; стратегическими коммуникациями, одним из главных инструментов которых она является; монополизацией Big Tech, т.к. компании являются владельцами сети. Почти «сильной» (0,65-0,66) оказалась взаимосвязь с ценностной и политико-идеологической поляризацией, которые усиливают технологию сетевой пропаганды.

Сильно взаимосвязаны с другими угрозами разрыв доверия и ценностная поляризация. Помимо сильной системной связи между собой данные угрозы в разной степени взаимосвязаны с политической поляризацией, дипфейками, стратегическими коммуникациями (одновременно как среда «заземления» технологий и как цель вредоносных коммуникаций) и клиповым мышлением.

Институциональным и коммуникационно-технологическим «фоном», связанным с многими угрозами примерно на среднем уровне, стали монополизация Big Tech, стратегические коммуникации, дипфейки и политическая поляризация. Прямой и сильной взаимосвязи с многими другими угрозами не обнаружено у борьбы за информационные «узкие места» и клипового мышления.

На завершающем этапе рассчитан интегральный риск («вес» × «корреляция») и на его основе произведено ранжирование угроз (Приложение 4). Анализ показал, что угрозами первого приоритета являются именно когнитивно-социокультурные угрозы – «разрыв доверия» (trust-gap), ценностная поляризация, а также институциональная угроза монополизации Big Tech; угрозами второго приоритета – коммуникационные (deepfake и сетевая пропаганда). Совокупное и взаимосвязанное влияние этих угроз (турбулентные социокультурные процессы + новые технологии управления общественным мнением + концентрация цифровых ресурсов) становятся главным вызовом безопасности в информационной сфере. Угроза политической поляризации оказалась «ниже», что пока говорит об относительной устойчивости политических систем, однако данный риск остается высоким. Неожиданно низкий «результат» показала угроза со стороны центров стратегических коммуникаций, что связано скорее с недостатком строго эмпирически измеряемой информации о «враждебных» действиях в информационном поле, нежели с низким риском данной угрозы. Существенный риск, согласно результатам анализа, представляют также клиповое мышление и борьба за информационные chokepoints.

С продолжением развития цифровой платформ и технологий воздействия на массовое сознание, новые вызовы и угрозы будут актуализироваться. В целях нейтрализации данных угроз необходима выработка новых форм и методов противодействия.

2.3. Характеристики российского общества как непосредственной среды и объекта государственной информационной политики Российской Федерации.

Современное состояние российского общества, особенно на его социокультурном уровне является непосредственной средой реализации государственной информационной политики Российской Федерации. Рассматривая его, стоит учитывать тот факт, что в конце XX века наше общество претерпело масштабные потрясения в связи с распадом Советского Союза, который был связан с фундаментальными общественными трансформациями основных институтов, ценностей, норм и правил.

Настолько резкие и неожиданные изменения стали причиной деструктивных социальных процессов – дезинтеграции, аномии, кризиса идентичности, ценностного раскола и т.д. Социолог Л.Г. Ионин в связи с этим отмечает, что распад моностилистической советской культуры привел к распаду целостной картины мира, которая формировалась десятилетиями, что стало причиной массовой дезориентации, утрате идентичности на индивидуальном и групповом уровне и на уровне всего общества. Социальное пространство и его нормы настолько резко изменились, что перестали быть понятными, предсказуемыми и знакомыми, перестали совпадать с все еще внутренне присущими обществу ценностями, что привело к травматичному диссонансу в индивидуальном и групповом сознании²⁰⁶. Согласно

²⁰⁶ Ионин Л.Г. Идентификация и инсценировка (к теории социокультурных изменений) // Социологические исследования. 1995. № 4. С. 3.

классификации П. Штомпки, такое состояние представляет собой культурную травму – резкие, стрессовые социальные изменения, различные социальные катаклизмы (война, экономический кризис, стихийные бедствия, резкое изменение политической системы, кардинальное изменение модели общественного развития и др.), который достигает уровня культуры, саморефлексируется в ней, вызывает дезориентацию общества, культурно-ценностный раскол, дезорганизацию, кризис идентичности²⁰⁷. В силу того, что культура является наименее подвижной сферой общества, эффект культурной травмы может носить долгосрочный и труднопреодолимый характер. В 2000-е годы социологи продолжали оценивать ситуацию как кризисную. Одними из ключевых характеристик российского общества в то время стали anomia и дезинтеграция. З.Т. Голенкова и Е.Д. Игитханян пишут о коренных изменениях структуры общества, к которым привели трансформационные процессы. Они стали причиной того, что социальном пространстве российского общества начали преобладать интенсивные процессы дезинтеграции, произошло размывание идентичностей, социальных статусов, и, как следствие, привело к аномии²⁰⁸. В 2004 году В.В. Кривошеев также выделяет такие характеристики российского общества как дисфункциональность и дезорганизацию фундаментальных социальных институтов в России, что привело к высокому уровню девиантного и деликвентного поведения²⁰⁹. Ю.А. Александровский акцентирует внимание на психологических последствиях резких социальных трансформаций и негативных социальных процессах. Он утверждает, что личные переживания и негативный социальный опыт каждого индивида, сформировали общее общественное неблагополучие. Переосмысление всего стиля жизни, крушение устоявшихся и понятных всем идеалов и авторитетов привели к социальной напряженности, тревоге, кризису идентичности, чувство

²⁰⁷ Штомпка П. Социальное изменение как травма // Социологические исследования. 2001. № 1. С. 10.

²⁰⁸ Голенкова З.Т., Игитханян Е.Д. Процессы интеграции и дезинтеграции в социальной структуре российского общества // Социологические исследования. 1999. № 9. С. 23.

²⁰⁹ Кривошеев В.В. Особенности аномии современного российского общества // Социологические исследования. 2004. № 3. С. 93.

опустошенности, неудовлетворенности, депрессии²¹⁰. В 2011 году эксперты Института социологии РАН фиксируют высокий уровень недовольства, связанный с тем, что реальность не совпадает с культурными нормами и представлениями, распространенными среди всех социальных слоев российского общества²¹¹. Таким образом, резкие социальные трансформации, которые привели к деструктивным социальным процессам в том числе на социокультурном уровне и поэтому создали долгосрочный эффект.

В контексте информационной политики и информационной безопасности рассмотрим актуальные особенности российского общественного сознания, общественного мнения, а также медиапотребления россиян.

Основу общественного сознания составляют ценностно-нормативные системы россиян. Базовыми ценностями, сильно выделяющимися на фоне остальных, были социальная справедливость (34% респондентов) и сильная держава (27%)²¹². Однако согласно данным осени 2018 года на второе место в рейтинге наиболее важных ценностей вышла ценность демократии, свободы и прав человека²¹³. В итоге сформировалась триада основополагающих ценностей – социальная справедливость, демократия, свобода и права человека, сильная держава. Другие данные также свидетельствуют о росте ценности свободы, самостоятельности и прав человека²¹⁴. Также по данным проекта «Ценностная солидаризация и общественное доверие в России» жизненные ценности россиян составляли «здоровье собственное и близких», «семейное счастье, дети», «материальный достаток» (42%), «безопасность своя и близких» (40%), «свобода и независимость (38%)»²¹⁵. «Полученные данные свидетельствуют, что

²¹⁰ Александровский Ю.А. Социальные катаклизмы и психическое здоровье // Социологические исследования. 2010, № 4. С. 101.

²¹¹ Двадцать лет реформ глазами россиян: опыт многолетних социологических замеров / Под ред. М.К. Горшкова, Р. Крумма, В.В. Петухова. М.: Весь Мир, 2011. С. 66-67.

²¹² Петухов В.В. Динамика социальных настроений россиян и формирование запроса на перемены // Социологические исследования. 2018. № 11. С. 48.

²¹³ Информационно-аналитическое резюме по итогам общероссийского социологического исследования ФНИСЦ РАН «Российское общество осенью 2018-го: тревоги и надежды» / комп. верст.: Григорьева Е. И., Ситдилов И. М. М.: ФНИСЦ РАН. 22.04.2019. С. 25.

²¹⁴ Информационно-аналитический бюллетень (ИНАБ). Российское общество в условиях пандемии: год спустя (опыт социологической диагностики). 2021. № 2. С. 48-49.

²¹⁵ Ценностная солидаризация и общественное доверие в России / Проект исследовательской группы «ЦИРКОН». URL: <http://doverie.zircon.tilda.ws/zennosti>

для большинства населения неудовлетворенными остаются самые фундаментальные потребности – потребность в безопасности, принятии и любви. В любом обществе эти базовые потребности и есть тот самый фундамент, на котором формируется общественное доверие. Для расширения базы социального доверия, необходимо, чтобы как можно больше людей ощущали свою безопасность и значимость для близких. Если этого не хватает, то доверительные отношения в обществе не формируются в достаточной степени»²¹⁶. Главными политическими ценностями российского общества являются мир, порядок, безопасность, законность, суверенитет, патриотизм, свобода, справедливость²¹⁷.

Несмотря на определенность и устойчивость набора базовых ценностей их содержание остается неясным и дифференцированным. Это видно на примере одной из важнейших, по мнению россиян, ценности как социальная справедливость. В то время как одна часть общества (41%) понимает справедливость как отсутствие чрезмерных неравенств в доходах и условиях жизни, другая (59%) видит справедливость в равенстве возможностей²¹⁸. Также справедливость трактуется одними группами как обеспечение прав человека, демократия, свобода личности, другими как сильная власть, порядок, традиционные ценности²¹⁹. О ценностной неопределенности говорит также отсутствие целостного образа будущего в общественном сознании россиян²²⁰. Он крайне размыт и не определен. Кроме того, исследователи отмечают высокий уровень внутренней противоречивости трансформации общественного сознания²²¹.

²¹⁶ Там же.

²¹⁷ Селезнева А.В. Динамика изменения политических ценностей в постсоветской России // *Среднерусский вестник общественных наук*. 2015. № 1. С. 81.

²¹⁸ Информационно-аналитическое резюме по итогам общероссийского социологического исследования ФНИСЦ РАН «Российское общество после президентских выборов - 2018: запрос на перемены» / комп. верст. Григорьева Е. И., Ситдилов И. М. М.: ФНИСЦ РАН. 22.05.2018. С. 23.

²¹⁹ Мареева С.В. Ценностная палитра современного российского общества // *Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены*. 2015. №4. С. 61

²²⁰ Ученые записки ФНИСЦ РАН: материалы заседания Учёного совета (Москва, 27 февраля 2019 г.). Выпуск второй. М.: ФНИСЦ РАН, 2019. С. 12

²²¹ Седова Н. Н. Динамика смысловых установок россиян и консолидационного потенциала общества // *Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены*. 2023. № 5. С. 303.

Из результатов социологических мониторингов можно сделать вывод о ценностной рассогласованности и ценностной дифференциации российского общества.

По всей же совокупности данных исследователи фиксируют наличие различных ценностно-мировоззренческих групп. Например, выделяют модернистов (ориентация на современные ценности массовой культуры – 28%), традиционалистов (традиционные ценности – 26%), промежуточный тип (сохранение ориентации на традиционалистские ценности, с одной стороны, и утрата механизмов социальных связей, характерных для традиционного общества, а также ориентация на ценности массового потребления, с другой – 41%)²²². Из этого делается вывод о ценностной неопределенности большинства россиян. Также общество разделяют по мировоззренческим типам на активный тип (декларируемые ценностные ориентации на инициативность и предприимчивость, внутренний локус-контроль, готовность к жизненным переменам – 40%), инертный (внешний локус-контроль, ценностные ориентации на устойчивость и неизменное воспроизводство – 37%), смешанный – 23%²²³. На основе данных социологического мониторинга Института социологии (ФНИСЦ) РАН за октябрь 2015 года и апрель 2018 года были выделены три страты российского общества «по жизненным шансам и рискам» - верхняя (19,6%), средняя (29,4%) и нижняя (50,9%)²²⁴. При этом их мировоззренческие особенности значительно отличаются. Для верхней страты российского общества характерны долгосрочное планирование жизни, нонконформизм, личная активность, внутренний локус-контроль, низкая солидарность с более неблагополучными группами общества, стигматизация бедных, вера в меритократический характер российского государства, более оптимистичные

²²² Марева С.В. Ценностная палитра современного российского общества // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2015. №4. С. 54-55.

²²³ Там же. С. 57.

²²⁴ Тихонова Н.Е. Особенности идентичностей и мировоззрения основных страт современного российского общества // Мир России. 2020. Т. 29. № 1. С. 11.

оценки ситуации в стране, запрос на рывок в сфере науки и технологий²²⁵. Особенности двух других страт составляют отсутствие долгосрочных планов, конформизм, внешний локус-контроль, отрицательная оценка сложившихся неравенств и пессимистичный прогноз как своей личной жизни, так и развития общества в целом²²⁶. Кроме того, в силу эффективного самовоспроизводства верхней страты, которая резко выделяется на фоне двух других, способствует увеличению разрыва между ними²²⁷. В 2022 году ситуация мало изменилась²²⁸.

В ценностно-политическом отношении российское общество разделяется на этатистов-державников, либералов и центристов²²⁹. По другой классификации, на демократов, социалистов, рыночников, державников²³⁰. При этом абсолютное большинство последовательно не придерживается той или иной позиции²³¹. Характерной чертой этих групп является отсутствие точек соприкосновения по базовым вопросам, а некоторое согласие по второстепенным проблемам демонстрирует скорее внутреннюю противоречивость, неясность ценностно-нормативных систем. По мнению В.И. Пантина, в современной России существуют три политико-идеологических направления, которые слабо соотносятся между собой и противоречат друг другу, их репрезентация осуществляется в обществе его различными стратами, с противоположными культурно-цивилизационными и ценностными ориентациями — государственническое, либерально-западническое, региональная традиционалистское²³².

²²⁵ Там же. С. 25 – 26.

²²⁶ Там же.

²²⁷ Там же. С. 19.

²²⁸ Общество неравных возможностей: социальная структура современной России / Н.Е. Тихонова, С.В. Мареева, В.А. Аникин, Ю.П. Лежнина, А.В. Каравай, Е.Д. Слободенюк. Под ред. Н.Е. Тихоновой. М.: Издательство «Весь Мир», 2022. – 424 с.

²²⁹ *Мареева С.В.* Ценностная палитра современного российского общества // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2015. №4. С. 54-55.

²³⁰ *Бызов Л.Г.* Ценностная эволюция «путинского консенсуса» в первый год последнего президентского срока // Общественные науки и современность. 2019. № 4. С. 51.

²³¹ *Мареева С.В.* Ценностная палитра современного российского общества // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2015. №4. С. 57.

²³² *Пантин В.И.* Российское общество в начале XX и начала XXI вв.: проблемы и риски // Социологические исследования. 2019. Том 10. № -16. С. 126-127.

Таким образом, в российском обществе сосуществуют несколько параллельных ценностно-нормативных систем. Между социальными группами существует ценностная рассогласованность, а большинство общества находится в состоянии ценностно-нормативной неопределенности. Различие в ценностях и политических взглядах является нормальным для полистилистической культуры, но в случае России речь идет о неопределенности и отсутствии согласия относительно фундаментальных принципов, норм и правил жизнеустройства.

Другой характеристикой общественного сознания являются идентичности россиян.

Согласно результатам мониторингового исследования ФНИСЦ (ИС РАН) первое место в рейтинге идентичностей занимает гражданская идентичность – 51%, второе – этническая – 20%, третье – региональная – 17%. Граждан Российской Федерации, согласно опросам, объединяет прежде всего государство (66%), территория (54%), общий язык (49%), общие исторические события (47%), элементы культуры (36%)²³³. Выбор государства и территории в качестве главного основания идентификации дает специалистам основание определять российскую идентичность как *гражданско-государственную*²³⁴. Однако это же обстоятельство заставляет говорить о незавершенности процесса формирования *национальной* объединяющей идентичности на прочных основаниях²³⁵. Об этом свидетельствует и низкий уровень идентификации с общей культурой и историей. Более того, как объединяющая респондентами озвучивается лишь праздничная культура (общие праздники), а не общие традиции, нормы, ценности²³⁶.

Также представители верхней страты общества «по жизненным шансам и рискам» в значительной степени ощущают свою принадлежность к

²³³ Дробизева Л.М. Консолидирующая идентичность в общероссийском, региональном и этническом измерениях // Перспективы. Электронный журнал. 2018. №3(15). С. 13.

²³⁴ Там же. С. 18.

²³⁵ Селезнева А.В. Ценностные основания российской национально-государственной идентичности // Вестник Российской нации. 2017. № 4. С. 82.

²³⁶ Дробизева Л.М. Консолидирующая идентичность в общероссийском, региональном и этническом измерениях // Перспективы. Электронный журнал. 2018. №3(15). С. 18.

различным социальным группам, в то время как средняя и нижняя испытывают кризис идентичности. В целом, «россияне интуитивно ощущают свою принадлежность к определенному классу в рамках их вертикальной иерархии, но на вербальном уровне это место у них еще не отрефлексировано»²³⁷.

Исследователи также отмечали ряд проблем в процессе формирования национально-государственной идентичности.

Во-первых, чрезмерная актуализация образа «врага» для мобилизации и сплочения населения перед внешними вызовами носит краткосрочный характер. В отсутствие позитивных объединяющих смыслов и ценностей это может привести к дезориентации и деградации общества, провоцированию внутренних конфликтов. Во-вторых, объединяющие ценности, создающие современную российскую идентичность, носят универсальный характер. Их эффект является также краткосрочным, подходящим для переходного периода. Для создания прочной идентичности необходим идеологический и цивилизационный ценностный фундамент. В-третьих, в современном массовом сознании отсутствует понятный и осязаемый образ будущего, что создает проблемы на пути формирования долговременной национально-государственной идентичности²³⁸.

В целом, можно сказать, что на данный момент национальная идентичность находится в стадии формирования и не имеет стабильных и долговременных оснований.

Еще одной характеристикой современного состояния российского общества являются актуальные особенности и тенденции развития общественного мнения.

Социологические исследования выявили ряд негативных тенденций в социальном и психологическом самочувствии граждан России.

²³⁷ Общество неравных возможностей: социальная структура современной России / Н.Е. Тихонова, С.В. Мареева, В.А. Аникин, Ю.П. Лежнина, А.В. Каравай, Е.Д. Слободенюк. Под ред. Н.Е. Тихоновой. М.: Издательство «Весь Мир», 2022. С. 266.

²³⁸ Селезнева А.В. Ценностные основания российской национально-государственной идентичности // *Вестник Российской нации*. 2017. № 4. С. 91.

Ухудшение оценок восприятия нынешней ситуации в стране. 70% опрошенных оценили ситуацию в стране как «напряженную, кризисную»²³⁹. Кроме того, увеличился процент тех, кто считает, что положение дел в стране катастрофическое. Такие настроения превысили наиболее показатели кризисных лет (2014-2017)²⁴⁰ и стали самыми высокими с 2011 года. Также впервые доля тех, кто оценивал ситуацию как нормальную оказалась ниже процента «катастрофистов». 89% россиян отмечали рост напряженности в обществе, это на 30% больше, чем в 2020 году²⁴¹. Данная тенденция говорит об усилении тревожности и неопределенности в массовом сознании россиян. Негативно граждане оценивали и курс экономических реформ. Только 20% из них считают, что они отвечают интересам большинства, 60% придерживались противоположного мнения²⁴². Россиян также тревожил рост противоречий в обществе, в первую очередь между бедными и богатыми, низшими и высшими классами, народом и властью.²⁴³

Негативное отношение к общественно политической системе. Желание граждан реформ в российской политике оставалось стабильно высоким на протяжении 90-х и 00-х годов. В 2021 году за политические реформы выступало 47%. Однако в этом же году произошел всплеск радикального взгляда. Доля сторонников кардинальных перемен в политике увеличилась почти вдвое с 18% до 34%. В целом почти 90% наших сограждан выступали за трансформацию отечественной политической системы. В 2023 году отечественная политическая система удовлетворяла лишь 9%²⁴⁴. Это свидетельствует о том, что у россиян присутствует

²³⁹ Российское общество и вызовы времени. Книга шестая / ФНИСЦ РАН, Институт социологии. Под ред. М.К. Горшкова и Н.Е. Тихоновой. М.: Издательство «Весь Мир», 2022. С. 19.

²⁴⁰ Информационно-аналитическое резюме по итогам общероссийского социологического исследования ФНИСЦ РАН «Российское общество осенью 2018-го: тревоги и надежды» / комп. верст.: Григорьева Е. И., Ситдилов И. М. М.: ФНИСЦ РАН. 22.04.2019. С. 4-9.

²⁴¹ Российское общество и вызовы времени. Книга шестая / ФНИСЦ РАН, Институт социологии. Под ред. М.К. Горшкова и Н.Е. Тихоновой. М.: Издательство «Весь Мир», 2022. С. 22.

²⁴² Левашов В.К. Тридцать лет и момент истины российских трансформаций // Россия реформирующаяся: ежегодник: вып. 20 / Отв. ред. М. К. Горшков; ФНИСЦ РАН. М.: Новый Хронограф, 2022. С. 58.

²⁴³ Тихонова Н.Е., Дудин И.В. Основные противоречия российского общества в восприятии населения страны: сравнительная значимость, динамика, факторы // Социологическая наука и социальная практика. 2023. Т. 11, № 2. С. 6–24.

²⁴⁴ Там же. С. 62.

внутреннее недовольство сложившейся системой в политике, которое актуализируется с ростом объективных трудностей внутри страны. Кроме того, высокий процент граждан (45%) не доверяют ни одной системной парламентской партии, еще 5% затруднились ответить на этот вопрос²⁴⁵.

Также сохраняется *высокий уровень политической отчужденности россиян*. 73% считали, что «Людям у власти нет никакого дела до простых людей», а 78%, что большинство соотечественников не могут никак повлиять на политические процессы²⁴⁶. Около трех четвертей россиян в большинстве своем считали, что нет смысла голосовать на выборах, их интересы не учитываются при формировании политики, не считали себя сторонниками какой-либо партии, не видят смысла объединяться с другими, думают, что людям нельзя доверять²⁴⁷. 60% совсем не интересуются (20%) или мало интересуются (40%) политикой, 33% - интересуются в некоторой степени²⁴⁸. С одной стороны, отстраненность граждан от политики позволяет принимать необходимые решения без излишнего давления со стороны общественного мнения. С другой – в кризисные периоды происходит вовлечение широких масс в политику, начинается их политизация, которая при отсутствии устойчивого политического сознания может пойти по непредсказуемым траекториям и привести к политическому расколу в обществе. Кроме того, среди россиян сохраняется высокий запрос на участие в политике и влияние на принятие решений. Возникает противоречие между желаемым и действительным, что может стать причиной потенциального недовольства действующим режимом.

²⁴⁵ Там же. С. 60.

²⁴⁶ Там же. С. 64.

²⁴⁷ Патрушев С.В., Жаворонков А.В., Мирясова О.А., Недяк И.Л., Павлова Т.В., Филиппова Л.Е. Трансформация политического, социального и гражданского в условиях господства: российский случай // Россия реформирующаяся: ежегодник: вып. 19 / Отв. ред. М. К. Горшков; ФНИСЦ РАН. М.: Новый Хронограф, 2021. С. 147.

²⁴⁸ Патрушев С.В., Жаворонков А.В., Мирясова О.А., Недяк И.Л., Островская Ю.Е., Павлова Т.В., Притворова Д.Е., Филиппова Л.Е. Социальные акторы и конституирование политического пространства в России: к анализу стратегий изменений // Россия реформирующаяся: ежегодник: вып. 20 / Отв. ред. М. К. Горшков; ФНИСЦ РАН. М.: Новый Хронограф, 2022. С. 242

Также возрастают критические и снижаются позитивные оценки власти²⁴⁹. Граждане отмечают необходимость преобразования всей властно-управленческой вертикали. Выросло и критичное отношение к проводимой внутренней политике. Людей беспокоят социально-экономические проблемы, коррупция и другие. По всем параметрам эффективности органов власти, у граждан превалирует серьезная обеспокоенность в диапазоне 43-58%²⁵⁰. Около 80% выступают за кардинальную смену существующего политического порядка²⁵¹. Большинство россиян считают, что власть выражает интересы высших чиновников, корпораций, крупных собственников, политиков и силовиков²⁵².

Немаловажным фактором остается *сохранение низкого уровня доверия общественным институтам и структурам*. Исключение составляют лишь семья и друзья.

Ухудшение оценки перспектив развития России в будущем. 76% граждан считают, что «страну ждут трудные времена». Это самая большая доля пессимистичных оценок ближайшего будущего за последние 10 лет. Лишь 14% верят, что «страна будет развиваться успешно»²⁵³. Большинство не чувствует уверенности в завтрашнем дне²⁵⁴.

Ухудшение психологического самочувствия. В 2022 году произошло сокращение благоприятных оценок духовно-психологической атмосферы в стране и увеличилась доля негативных. Эмоциональный подъем испытывало только 4% респондентов (самый низкий показатель за последние 22 года). В

²⁴⁹ Мерзляков А.А. Оценка состояния отечественной системы управления: итоги социологического мониторинга // Россия реформирующаяся: ежегодник: вып. 20 / Отв. ред. М. К. Горшков; ФНИСЦ РАН. М.: Новый Хронограф, 2022. С. 86.

²⁵⁰ Там же. С. 97.

²⁵¹ Патрушев С.В., Жаворонков А.В., Мирясова О.А., Недяк И.Л., Островская Ю.Е., Павлова Т.В., Притворова Д.Е., Филиппова Л.Е. Социальные акторы и конституирование политического пространства в России: к анализу стратегий изменений // Россия реформирующаяся: ежегодник: вып. 20 / Отв. ред. М. К. Горшков; ФНИСЦ РАН. М.: Новый Хронограф, 2022. С. 245.

²⁵² Там же. С. 248.

²⁵³ Российское общество и вызовы времени. Книга шестая / ФНИСЦ РАН, Институт социологии. Под ред. М.К. Горшкова и Н.Е. Тихоновой. Москва: Издательство «Весь Мир», 2022. С. 30.

²⁵⁴ Как живешь, Россия? Экспресс-информация. 53 этап социологического мониторинга, июнь 2023 года: [бюллетень] / В. К. Левашов, Н. М. Великая, И. С. Шушпанова [и др.]; отв. ред. В. К. Левашов; ФНИСЦ РАН. М.: ФНИСЦ РАН, 2023. С. 59.

целом, количество позитивно настроенных граждан сократилось с 50% до 28%. 72% испытывают негативные чувства, из них 51% - тревогу, 13% - раздраженность, агрессию и озлобленность (самый высокий показатель с 2000 года) и 8 – апатию и подавленность. Еще хуже россияне оценивали и социально-психологическое состояние окружающих (17% - позитивно, 83% - негативно)²⁵⁵.

Неудовлетворенный запрос на социальную справедливость. Эта ценность остается одной из ведущих для россиян. В то же время неравенство населения страны в доходах остается глубоким. Растет группа с нисходящей динамикой своего социального положения²⁵⁶. Кроме того, 47% (1 место среди образов будущего) хотели бы жить в стране, где обеспечивается социальная справедливость²⁵⁷. В то же время большинство соотечественников не считают распределение ресурсов в России и свое положение в обществе и материальный достаток справедливым. Наши соотечественники также считают, что в обществе не обеспечено равенство всех граждан перед законом²⁵⁸.

После начала специальной военной операции на Украине ситуация несколько улучшилась. Общество в некоторой степени консолидировалось, возросло доверие к государственным институтам как на федеральном, так и на региональном уровне, увеличилось число сторонников действующей политической системы, курса экономических реформ, вырос рейтинг доверия президенту, улучшилась оценка обеспеченности норм жизни и другие показатели. Однако при более детальном рассмотрении, и сравнивая нынешнее положение с «Крымским консенсусом» 2014 года, ситуация

²⁵⁵ Российское общество и вызовы времени. Книга шестая / ФНИСЦ РАН, Институт социологии. Под ред. М.К. Горшкова и Н.Е. Тихоновой. Москва: Издательство «Весь Мир», 2022. С. 56.

²⁵⁶ Общество неравных возможностей: социальная структура современной России / Н.Е. Тихонова, С.В. Мареева, В.А. Аникин, Ю.П. Лежнина, А.В. Каравай, Е.Д. Слободенюк. Под ред. Н.Е. Тихоновой. М.: Издательство «Весь Мир», 2022. С. 87-93.

²⁵⁷ Российское общество и вызовы времени. Книга шестая / ФНИСЦ РАН, Институт социологии. Под ред. М.К. Горшкова и Н.Е. Тихоновой. Москва: Издательство «Весь Мир», 2022. С. 232.

²⁵⁸ Общество неравных возможностей: социальная структура современной России / Н.Е. Тихонова, С.В. Мареева, В.А. Аникин, Ю.П. Лежнина, А.В. Каравай, Е.Д. Слободенюк. Под ред. Н.Е. Тихоновой. М.: Издательство «Весь Мир», 2022. С. 87-93.

представляется не столь однозначной. Показатели массовых умонастроений, оценки внутренних и внешних событий, динамики экономических процессов заметно ниже, чем в 2014 и 2016 годах. В обществе стала складываться негативная неопределенность. Также продолжает сохраняться противостояние сторонников и противников существующего политического режима. 40% граждан встревожены внутренними проблемами (инфляцией, безработицей, некачественной медициной и др.), не удовлетворены своим материальным положением, которое остается для россиян крайне значимым. Социологические данные свидетельствуют об отчетливом недовольстве россиян взаимодействием с социумом и основными общественными институтами. Кроме того, на общем фоне сильно выделяется возрастная группа 18-25 лет. Уровень критики и недовольства в ней значительно выше, чем в остальных слоях населения и кратно выше, чем в 2014 и 2016 годах. Ниже среднего и позитивные оценки нынешней ситуации в среде 25-35 лет²⁵⁹.

Таким образом, можно утверждать, что массовое сознание находится в негативном состоянии и постепенно ухудшается.

В контексте анализа российского общества как среды и объекта реализации государственной информационной политики в сфере национальной безопасности стоит также рассмотреть особенности эволюции коммуникативных практик россиян.

Первой особенностью является неуклонное и активное увеличение Интернет-аудитории (74%) и постепенное снижение аудитории телевидения²⁶⁰.

Вторым трендом стало планомерное увеличение пользователей социальных сетей, а также резкое увеличение пользователей мессенджеров – с 10% до 41% за 2 года (2016-2018). Произошел так называемый «поворот к мессенджерам»²⁶¹.

²⁵⁹ Там же. С. 251-260.

²⁶⁰ Задорин И.В., Сапонова А.В. Динамика основных коммуникативных практик россиян // Коммуникация. Медиа. Дизайн. 2019. Т.4. №3. С. 52.

²⁶¹ Там же. С. 56.

Третьей тенденцией, выделяемой исследователями коммуникаций, является снижение доверия к традиционным каналам коммуникации (телевидение, радио, пресса), перераспределение аудитории в пользу онлайн-источников информации, а также фрагментация медиапространства в силу того, что самостоятельный выбор контента пользователями приводит к их распределению по «нишевым медиа»²⁶².

Россияне не доверяют традиционным СМИ как в печатном варианте и ТВ, так и в Интернете. 47% не доверяют ни одному источнику информации²⁶³, что говорит о низкой информированности россиян, отсутствии у них достоверного источника информации, которому они верят.

Данные тренды свидетельствуют о том, что мы находимся в переходном периоде радикальной смены моделей коммуникации людей.

В целом, государственная информационная политика в сфере национальной безопасности сталкивается с серьезными вызовами и внутри страны, которые заключаются в непреодоленных последствиях культурной травмы, а также ряде негативных социальных процессов в общественном сознании и социальном самочувствии граждан.

²⁶² Там же. С. 60-63.

²⁶³ Российское общество и вызовы времени. Книга шестая / ФНИСЦ РАН, Институт социологии. Под ред. М.К. Горшкова и Н.Е. Тихоновой. Москва: Издательство «Весь Мир», 2022. С. 127.

2.4. Тенденции взаимосвязи государственной информационной политики Российской Федерации и информационного пространства в условиях глобальных вызовов и угроз²⁶⁴

Выделение глобальных трендов динамики социального и информационного пространства, новых вызовов и угроз, актуальных характеристик российского социума позволяют сделать ряд выводов об особенностях взаимосвязи государственной информационной политики и условий ее реализации.

Как уже было отмечено, современное общество несмотря на проявления «постмодерна», на которых акцентирует внимание ряд исследователей, находится в настоящий момент на стадии «позднего модерна» или «развитого модерна»²⁶⁵. При этом на современном этапе своего развития модерн генерирует множество кризисов в подсистемах, которые накладываются друг на друга. Это формирует кластер глобальных рисков, совокупное воздействие которых превышает сумму действия каждого отдельного кризиса. Это приводит к глубоким трансформациям общества в глобальном масштабе и актуализирует состояние «общества травмы».

Это создает специфические условия функционирования ГИП в крайне рискогенной и быстро меняющейся среде, формируя потребность в создании

²⁶⁴ При подготовке данного раздела диссертации использованы следующие публикации, выполненные автором лично или в соавторстве, в которых, согласно Положению о присуждении ученых степеней МГУ, отражены основные результаты, положения и выводы исследования:

Ковалев М.К. Условия реализации государственной информационной политики: глобальные тренды // Гражданин. Выборы. Власть. 2023. № 2 (28). С. 93-105 (2,31 п.л.). ИФ РИНЦ – 0,44.

²⁶⁵ *Giddens A.* The consequences of modernity. Cambridge: Polity Press, 1990. – 188 p.

постоянной, скоординированной и ресурснообеспеченной системы непрерывного мониторинга, проверки и прогнозирования новых угроз.

Другая группа характеристик связана с информатизацией современного общества. Увеличение объема информационно-коммуникационных технологий, на которых завязано большинство объектов (в том числе критических объектов) инфраструктуры, ведет к тому, что инновационное развитие ИКТ становится одним из ключевых определяющих факторов устойчивого развития и конкурентоспособности государства. Данное обстоятельство становится серьезным вызовом, для стран без развитой высокотехнологичной промышленности и IT-сектора. Для ликвидации технологического разрыва требуются большие ресурсы и время. Выход видится в заимствовании технологий из-за рубежа и создании на их основе более современных разработок, создании благоприятных условий развития науки, инвестиций и специалистов, что представляется затруднительным в условиях охраны наиболее современных разработок и деглобализации с ее ростом торговых ограничений.

Также, возможность мгновенного и экстерриториального движения информации в глобальном масштабе ведет к усилению глобализационных процессов и, следовательно, ее отрицательных эффектов, описанных выше. Данный фактор приводит к беспрецедентному ускорению социальных процессов, вследствие чего возрастают и трудно просчитываются риски. Это создает потребность быстрого реагирования на угрозы, которое может быть обеспечено тесным взаимодействием органов государственной власти, а также созданием системы сбора и обработки информации с целью мониторинга угроз.

Погружение социальных процессов в виртуальную реальность, углубление атомизации общества («информационные капсулы», информационная перегрузка) приводит к увеличению манипулятивных возможностей политических акторов (в том числе иностранных государств, корпораций, экстремистских и террористических организаций). Данное

обстоятельство создает «крен» в сторону третьего «лица власти» – манипулирования и политического управления общественным сознанием и общественным мнением²⁶⁶.

Сетевые структуры вытеснили традиционные иерархии и социальные группы, которые заменяют сетевые сообщества. Одной из традиционных иерархий является национальное государство, испытывающее на себе давление сетевых сообществ, а усложнение структуры общества в виде замены классических социальных групп разнородными сетевыми сообществами усложняет и процесс управления, что создает потребность в более гибких формах управления со стороны государства взамен классических – силовых и директивных.

Преобладание горизонтальных коммуникаций над вертикальными также предоставляет возможности различным субъектам политики (таким, как террористические организации, иностранные государства, транснациональные корпорации) оказывать информационное влияние на целевые аудитории с целью вмешательства во внутренние дела и нанесения ущерба личности, обществу и государству²⁶⁷.

В силу информатизации общества влияние традиционных агентов социализации постепенно снижается и повышается роль новых – электронных СМИ и социальных медиа. В результате возникает феномен киберсоциализации, которой является «социализация личности в киберпространстве – как процесс качественных изменений структуры самосознания личности, происходящий под влиянием и в результате использования им современных информационных и компьютерных технологий в контексте жизнедеятельности»²⁶⁸. Вследствие чего серьезное

²⁶⁶ *Lukes S. Power: A Radical View. Basingstoke and London: Macmillan, 2005. – 192 p.; Ковалев М.К. Условия реализации государственной информационной политики: глобальные тренды // Гражданин. Выборы. Власть. 2023. № 2 (28). С. 102.*

²⁶⁷ Там же.

²⁶⁸ *Плешаков В.А. Киберсоциализация: социальное развитие и социальное воспитание современного человека // Вестник КГУ им. Н.А. Некрасова. 2010. Т. 16. №2. С. 15.*

влияние на процесс социализации оказывают агенты-владельцы виртуальных средств коммуникации.

Системы современного общества (экономика, культура, политика, социальная структура) все больше выстраиваются согласно платформенной логике, в которой алгоритмы и искусственный интеллект (как «операционная система» платформ») оказывают решающее влияние потребление, контент, фреймы восприятия, повседневные практики и др. В этих условиях перед ГИП возникает необходимость в адаптации через поиск новых регуляторных и управленческих практик.

Турбулентные экономические и социально-политические процессы в мире, «деглобализация» свидетельствуют об эрозии глобальных неолиберальных институтов, глубоких системных изменениях и потенциальном кризисе капиталистического общества модерна и возможности вхождения в состояние «*interregnum*»²⁶⁹ и «общества травмы», что будет означать глобальный кризис фундаментальных институтов современного общества и генерирование множества рисков и угроз (иррациональность, кризис идентичности, разрушение социальных структур и иерархий, рост влияния радикальных политических организаций, экстремистских и террористических организаций, религиозных сект, чрезмерная фрагментация и атомизация общества, рост насилия и преступности, обострение этноконфессиональных трений, центробежные тенденции и другое). Такие угрозы в социокультурной и информационной сфере имеют осязаемые, «физические» последствия – дезорганизация общества, рост насилия, социальных конфликтов и прочее. Кроме того, кризис и хаотизация норм, ценностей, представлений, раскол в общественном сознании, дезориентация и др. серьезно затрудняют реализацию социально-экономических мер выхода из кризиса и политической стабилизации. Поэтому ГИП становится одним из ключевых инструментов преодоления

²⁶⁹ Бауман З. Текущая модерность: взгляд из 2011 года [Электронный ресурс]. URL: <http://polit.ru/article/2011/05/06/bauman/> (дата обращения: 05.11.2022).

турбулентных процессов и обеспечения национальной безопасности от возрастающих угроз.

С одной стороны, глобальный кризис представляет угрозу и сильнее всего ударит по развивающимся странам и странам полупериферии. С другой – данные процессы будут означать кризис неолиберальной идеологии, глобальных институтов, подрыв гегемонии глобальных СМИ и IT-корпораций, а также серьезные проблемы в самих странах ядра. Такое состояние открывает «окно возможностей» для субъектов политики, стремящихся к изменению «правил игры» и текущего статус-кво. Достижение таких целей будет во многом зависеть от продуманной и эффективной государственной информационной политики.

Государственная информационная политика настоящего и ближайшего будущего функционирует в условиях формирования новой архитектуры международных отношений. В борьбе за новый миропорядок ведущие центры силы используют современные методы информационного противоборства, что предполагает расширение и усиление национальной системы информационной безопасности. Новые технологии стратегических коммуникаций в связке с монополизацией Big Tech несут одну из наиболее серьезных угроз национальной безопасности.

Также происходят структурные изменения информационно-коммуникационного пространства. С одной стороны, продолжается его глобализация и монополизация, с другой – оно становится все более поляризованным и фрагментированным, причем фрагментация усиливается не только за счет деления на национальные и региональные сегменты, но и на уровне локальных сетевых сообществ. Новая структура информационного пространства предполагает и другие методы управления, причем на всех уровнях – глобальном, национальном и локальном.

В данном случае возможно выделить несколько сценариев дальнейшего развития глобального цифрового пространства:

- *Полное доминирование западных платформ и Big Tech.* Уже сегодня они контролируют значительную долю глобального цифрового рынка в разных его сегментах, что может привести к дальнейшей концентрации ресурсов. Слияние Big Tech с государством может завершить формирование «цифрового капитализма» и окончательно закрепить власть цифровых центров доминирования в глобальном масштабе. В этом случае суверенитет и влияние национальных государств (в классическом понимании этих терминов) будет ограничено, а центр власти локализован в новом истеблишменте Big Tech и «развитых» государств. Это уже происходит в западных странах, однако, учитывая рост новых технологических центров и деятельности государств в направлении обеспечения регулирования и прозрачности функционирования платформ, такой сценарий представляется маловероятным.

- *Фрагментация цифрового пространства на отдельные автономные сегменты.* Деглобализация и фрагментация цифрового пространства, а также влияние монополий Big Tech, приводят к тому, что государства начинают развивать собственные национальные платформы и технологические системы, позволяющие национальным сегментам функционировать автономно («цифровой суверенитет»). Данная тенденция может привести к распаду глобального цифрового пространства с отсутствующими или сильно ограниченными связями между сегментами.

- *«Гибридный» сценарий* представляет собой установление баланса между сохранением влияния глобальных монополий Big Tech и их ограничением как в национальных сегментах, так и регуляторным давлением в «развитых» странах.

- *Формирование нового «баланса сил» между обществом, государством и Big Tech в цифровой среде.* Такой сценарий предполагает переформатирование информационного пространства на принципиально иных основаниях – переход части платформенных и цифровых ресурсов в общественную собственность и управление, установление гражданского

контроля над деятельностью государства и Big Tech в цифровой среде. На международном уровне – многополярный баланс сил и формирование системы коллективной информационной безопасности.

В совокупности платформатизация, монополизация Big Tech и технологии стратегических коммуникаций ставят перед ГИП задачу развития национальных платформ, автономно функционирующих цифровых технологий и развития сетевых коммуникаций.

В настоящее время происходит снижение эффективности классических каналов коммуникации, в том числе в Интернете. Аудитория все меньше доверяет крупным СМИ и блогерам и больше – небольшим источникам информации. Для успешного воздействия на аудиторию современная ГИП должна пользоваться более разветвленной сетью более мелких каналов коммуникации.

Среди новых вызовов и угроз национальной безопасности в информационной сфере наиболее рискогенными являются когнитивно-социокультурные вызовы и угрозы (кризис доверия, ценностная поляризация, политико-идеологическая поляризация). Они повышают эффективность и облегчают воздействие современных форм и методов воздействия на общественное мнение с использованием технологий стратегических коммуникаций. Такие формы и методы «заземляются» на уже поляризованном и уязвимом обществе. Это обстоятельство определяет первым приоритетом ГИП – меры по когнитивно-социокультурной защите. Новые коммуникационные и технологические угрозы также формируют потребность в своевременном выявлении фейков, противодействию сетевой пропаганде, создание собственной цифровой инфраструктуры и обеспечение «цифрового суверенитета».

Специфика состояния российского общества как усиливает существующие риски, так и обнаруживает перспективные «точки роста», такие как интеграцию общества вокруг фундаментальных ценностей россиян.

В целом, на современном этапе эрозия глобальных институтов, рост рискогенности, международная турбулентность, изменения информационного пространства, возникновение новых вызовов и угроз создают потребность в трансформации не только российской, но и мировой практики государственной информационной политики.

Выводы по Главе II

1. Современный мир представляет собой глобальное общество «развитого модерна», в котором доминируют принципы капитализма и неолиберальной идеологии. Однако тенденции последних двух десятилетий свидетельствуют о глубоких изменениях фундаментальных социальных институтов современности эрозии глобальных неолиберальных институтов, усилении турбулентности и движению к глобальному кризису. Кроме того, развитие платформ, алгоритмов и ИИ формируют новую среду коммуникации и устанавливают новые правила, в которых именно код является одним из центральных узлов сети, а аудитория все больше фрагментируется. Совокупность этих факторов актуализирует состояние «interregnum» - прекращение работы старых институтов и несформированность новых. Настолько глубокие социально-экономические изменения проявляются и на социокультурном уровне, приводя к возникновению «общества травмы» в глобальном масштабе – дезориентации и дезорганизации общества; кризису норм, ценностей и идентичностей; культурному расколу; утрате образа будущего.

2. Для ГИП РФ такое состояние глобальных условий создает как значительные риски, так и широкие возможности для изменения статус-кво. Среди рисков можно выделить глубокий экономический, социокультурный и политический кризис, резкое падение уровня жизни граждан, повышение социальной напряженности и конфликтности, кризис легитимности, аномию и дезинтеграцию общества, социальные протесты, повышение уровня

насилия и т.д., среди возможностей – повышение конкурентоспособности РФ в информационной сфере, расширение международного информационного влияния, возможность перехвата глобальной повестки дня, сокращение ресурсов конкурентов, недружественных государств и «актеров вне суверенитета», изменение баланса сил в информационной сфере, продвижение альтернативной модели миропорядка, возможность технологического прорыва в сфере ИКТ, формирование системы коллективной международной информационной безопасности и др.

3. Новая турбулентность проявляется в экономических кризисах, деглобализации, обострении социально-экономической и политической напряженности, росте вооруженных конфликтов и политического насилия, борьбы за новый мировой порядок между ведущими державами. На этом фоне возникают институциональные, технологические, коммуникационные и когнитивно-социокультурные угрозы в информационной сфере. Наиболее существенными из них являются когнитивно-социокультурные угрозы. Они усиливают действие современных форм и методов воздействия на массовое сознание, что формирует потребность в мерах государственной информационной политики, которые бы способствовали обеспечению безопасности именно на когнитивно-социокультурном уровне. Однако, институциональные (монополизация цифрового сектора, стратегические коммуникации), коммуникационные (дипфейки, сетевая пропаганда) и технологические угрозы также остаются актуальными, что обуславливает как меры по мониторингу и противодействию новым технологиям влияния на общественное сознание, так и создание и развитие национальных технологий и платформ.

4. На внутреннем контуре также существуют значительные риски и угрозы информационной безопасности. Пережив распад Советского Союза, российское общество полностью не преодолело последствия этой культурной травмы, что проявляется в ценностной рассогласованности, размежевании, неопределенности; незавершенности процесса формирования национально-

государственной идентичности; негативных тенденциях социально-психологического самочувствия граждан, таких как ухудшение восприятия ситуации в стране, негативное отношение к политической системе, высокий уровень политической отчужденности, оценка перемен как перемен к худшему, ухудшение оценки перспектив развития России в будущем, негативное психологическое самочувствие, неудовлетворенный запрос на социальную справедливость, неопределенный образ будущего. Таким образом, российское общество вступает в глобальный социокультурный кризис, не преодолев, последствия предыдущей культурной травмы с противоречивым состоянием общественного сознания, что значительно интенсифицирует внутренние риски и угрозы информационной безопасности. «Точкой роста» в этой ситуации может стать объединении российского общества вокруг фундаментальных ценностей, разделяемых большинством граждан.

Глава 3. Формирование, реализация и перспективы государственной информационной политики Российской Федерации в обеспечении национальной безопасности

3.1. Концептуальные основы формирования государственной информационной политики Российской Федерации

Основными документами, составляющими фундамент концептуальных основ государственной информационной политики в сфере обеспечения национальной безопасности Российской Федерации, являются Стратегия национальной безопасности Российской Федерации²⁷⁰, Военная доктрина Российской Федерации²⁷¹, Концепция внешней политики Российской Федерации²⁷², Доктрина информационной безопасности Российской Федерации²⁷³, Основы государственной политики Российской Федерации в области международной информационной безопасности²⁷⁴.

²⁷⁰ Российская Федерация. Законы. О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации: Указ Президента Российской Федерации от 2 июля 2021 года N 400.

²⁷¹ Российская Федерация. Законы. Военная доктрина Российской Федерации (утв. Президентом Российской Федерации 25 декабря 2014 года N Пр-2976).

²⁷² Российская Федерация. Законы. Концепция внешней политики Российской Федерации: Указ Президента Российской Федерации от 31 марта 2023 года N 229.

²⁷³ Российская Федерация. Законы. Об утверждении Доктрины информационной безопасности Российской Федерации: Указ Президента Российской Федерации от 5 декабря 2016 года N 646.

²⁷⁴ Российская Федерация. Законы. Об утверждении Основ государственной политики Российской Федерации в области международной информационной безопасности: Указ Президента Российской Федерации от 12 апреля 2021 года N 213.

Фундаментальным документом, на который ориентируются другие перечисленные нормативно-правовые акты является Стратегия национальной безопасности Российской Федерации, принятая 12 апреля 2021 года²⁷⁵. В документе сохранилось прежнее определение национальной безопасности, которая трактуется как состояние защищенности личности, общества и государства, которое обеспечивает конституционные права и свободы граждан РФ, суверенитет, территориальную целостность и устойчивое социально-экономическое развитие Российской Федерации²⁷⁶. В новой редакции Стратегии, в разделе об общих положениях особо подчеркивается роль сохранения фундаментальных ценностей и принципов российского общества, социально-экономического развития, повышения благосостояния народа, защите прав и достоинства граждан, укрепление основ социального государства²⁷⁷. Таким образом, с первых страниц документа в гораздо большей степени концентрируется внимание на невоенных и несиловых аспектах национальной безопасности, они оказываются сильнее вплетены в общую систему ее обеспечения. Это расширяет круг вопросов, относящихся к сфере нацбезопасности, что соответствует последним теоретическим трендам (см. 1.4). Новая Стратегия в достаточной степени отражает и важные глобальные тенденции (см. 2.1, 2.2), такие как обострение борьбы за новый мировой порядок, диспропорции в развитии государств, рост социального неравенства, кризис моделей и инструментов экономического развития, усиление транснациональных корпораций, обострение внутривнутриполитических проблем²⁷⁸, рецессия мировых экономических лидеров, неустойчивость валютно-финансовой системы и др.²⁷⁹ Отдельно стоит выделить то, что в действующей редакции документа отражено понимание необходимости морального

²⁷⁵ Российская Федерация. Законы. О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации: Указ Президента Российской Федерации от 2 июля 2021 года N 400.

²⁷⁶ Там же. П. 5.

²⁷⁷ Там же. П. 1.

²⁷⁸ Там же. П. 6-8

²⁷⁹ Там же. П. 16.

лидерства и формирования привлекательного образа будущего мироустройства²⁸⁰.

В новой Стратегии гораздо большее внимание уделяется информационной безопасности. Вопросы ее обеспечения не только теперь выделены в отдельный раздел, внимание на них отдельно и объемно акцентируется и в вводных частях документа²⁸¹.

В отличие от предыдущей редакции больший акцент делается на угрозах информационной безопасности в цифровом пространстве. Важнейшим изменением стало появление пункта о монополизации информационного пространства транснациональными корпорациями и проведение ими политики цензуры и блокировок²⁸². В то время как отсутствие такого пункта в предыдущей Стратегии было одним из ее недостатков. Знаковыми также являются задачи развития системы прогнозирования, выявления и предупреждения угроз информационной безопасности, определения их источников и оперативной ликвидации данных угроз, а также развития сил и средств информационного противодействия²⁸³. Эти пункты особенно актуальны в условиях возрастания вызовов и угроз со сложной структурой в информационной сфере, для противодействия которым требуется формирование единой государственной системы информационной безопасности.

В отдельный раздел в действующей Стратегии теперь также выделена защита традиционных российских духовно-нравственных ценностей, культуры и исторической памяти. Этот факт говорит о более серьезном внимании к социокультурному измерению информационной безопасности, что было мало обозначено в предыдущей редакции документа. В разделе отражено понимание угроз разрушения культурных норм, разрыва между поколениями, агрессивного национализма, ксенофобии, религиозного

²⁸⁰ Там же. П. 19.

²⁸¹ Там же. П. 17-20.

²⁸² Там же. П. 53.

²⁸³ Там же. П. 57

экстремизма, фальсификации истории и другие²⁸⁴. Раздел играет особую роль ввиду фундаментального значения социокультурной сферы в формировании информационного пространства (см. 1.3.).

В целом, в новой Стратегии национальной безопасности Российской Федерации отражены основные тенденции и угрозы в информационной безопасности, однако присутствует и ряд «белых пятен». В частности, в разделе, посвященном обороне страны, говорится об изменении характера современных войн²⁸⁵, однако не поясняется, в чем заключается это изменение и какие, в связи с этим, ставятся задачи. Предположительно, это может быть раскрыто в новой Военной доктрине, действующая редакция которой была принята почти 9 лет назад. Часть пунктов раздела о государственной и общественной безопасности несколько дублируют раздел об информационной безопасности²⁸⁶. В силу того, что вопросы информационной безопасности находятся на стыке различных сфер государственной политики, представляется целесообразным их более детальное пояснение и перенос в раздел информационной безопасности. Кроме того, в стратегии отсутствует отражение того факта, что информационное пространство является не просто пространством конкуренции и противоборства, но и ведения полноценной перманентной войны.

Военная Доктрина Российской Федерации в частях, касающихся информационной безопасности, дублирует положения предыдущей редакции Стратегии национальной безопасности РФ и Доктрины информационной безопасности. Преимущественно внимание уделяется технологическим аспектам информационной безопасности, однако отмечается возрастающая роль непрямых и асимметричных военных действий²⁸⁷. В Доктрине коммуникативные аспекты информационной безопасности, как и в Стратегии нацбезопасности, остаются скорее на периферии, нежели в центре внимания.

²⁸⁴ Там же. П. 84-93.

²⁸⁵ Там же. П. 40.

²⁸⁶ Там же. П. 41-47.

²⁸⁷ Российская Федерация. Законы. Военная доктрина Российской Федерации (утв. Президентом Российской Федерации 25 декабря 2014 года N Пр-2976)

В 2023 году была принята новая Концепция внешней политики Российской Федерации²⁸⁸. Как и Стратегия национальной безопасности документ отражает важные тенденции трансформации системы международных отношений, среди которых кризис экономической глобализации, обострение борьбы между прежними лидерами в лице стран Запада и новыми центрами влияния и другие²⁸⁹.

Значимое место в Концепции заняли вопросы государственной информационной политики. Среди основных угроз отмечаются манипулирование сознанием социальных групп и навязывание неолиберальных ценностей и установок²⁹⁰. Важным стало также упоминание об освоении информационного пространства в качестве новой сферы военных действий и стирании грани между военными и невоенными средствами международного противоборства, а также развязывании странами Запада гибридной войны нового типа против России²⁹¹. Это свидетельствует о понимании внешнеполитическим руководством информационного пространства как сферы ведения войны и жесткого противоборства. Кроме того, среди национальных интересов России присутствует «развитие безопасного информационного пространства и защита российского общества от деструктивного иностранного информационно-психологического воздействия», а также укрепление традиционных российских ценностей и сохранение исторической памяти²⁹². В перечне целей есть обеспечение международной информационной безопасности формирования международно-правовых норм, регулирующих информационное пространство, равноправного участия государств в управлении Интернетом и противодействия милитаризации информационного пространства²⁹³.

²⁸⁸ Российская Федерация. Законы. Об утверждении Концепции внешней политики Российской Федерации: Указ Президента Российской Федерации от 31 марта 2021 года N 229.

²⁸⁹ Там же. П. 10.

²⁹⁰ Там же. П. 8.

²⁹¹ Там же. П. 11.

²⁹² Там же. П. 15.

²⁹³ Там же. П. 16.

Позитивным элементом Концепции с точки зрения обеспечения информационной безопасности, является выделение в отдельный раздел информационного сопровождения внешнеполитической деятельности Российской Федерации, приоритетные задачи которого заключаются в распространении информации, формирующей позитивный имидж России за рубежом, укрепление позиций российских СМИ в мире, совершенствование методов информационного сопровождения, в том числе, через социальные сети²⁹⁴.

Доктрина информационной безопасности РФ представляет собой «систему официальных взглядов на обеспечение национальной безопасности Российской Федерации в информационной сфере»²⁹⁵, что делает ее главным концептуальным документом государственной информационной политики в сфере обеспечения нацбезопасности. Информационная безопасность РФ определяется как национальная безопасность в информационной сфере и защищенность от информационных вызовов и угроз²⁹⁶. Доктрина определяет национальные интересы РФ в информационной сфере, основные информационные угрозы, среди которых использование возможности свободного движения информации в глобальном масштабе в военно-политических, противоправных, террористических и иных целях, противоречащих международному праву и нарушающих международную стабильность и безопасность национальных государств и их граждан²⁹⁷; внедрение информационно-коммуникационных технологий без учета приоритетов и целей обеспечения информационной безопасности; практика внедрения информационных технологий без увязки с информационной безопасностью, использование информационно-психологического воздействия для дестабилизации политической и социальной обстановки внутри государства, которая представляет угрозу и наносит ущерб

²⁹⁴ Там же. П. 48.

²⁹⁵ Российская Федерация. Законы. Об утверждении Доктрины информационной безопасности Российской Федерации: Указ Президента Российской Федерации от 5 декабря 2016 года N 646.

²⁹⁶ Там же.

²⁹⁷ Там же.

безопасности, территориальной целостности и независимости государств; увеличение в зарубежных СМИ предвзятых оценок государственной политики РФ; осуществляемое информационно-психологическое воздействие на общественное сознание россиян, в общем и на молодежь, в частности для нивелирования исторических традиционных морально-нравственных ценностей; использование механизмов информационного влияния криминальными, экстремистскими и террористическими структурами²⁹⁸. В Доктрине также прописаны стратегические цели и основные направления и организационные основы обеспечения информационной безопасности²⁹⁹.

Сам факт принятия Доктрины информационной безопасности РФ говорит о том, что проблемы информационной безопасности и ее обеспечения находятся в фокусе внимания органов государственной власти. Однако в документе есть ряд «белых пятен», которые, надо полагать, будут ликвидированы в силу актуализации информационных угроз.

Во-первых, Доктрина не поясняет, каким образом информационная безопасность связана с национальной безопасностью и какое место занимает в системе ее обеспечения, насколько серьезны информационные угрозы для «материального мира». Во-вторых, не содержится оценки того, что страны Запада и корпорации концентрируют в своих руках львиную долю механизмов управления информационным пространством, в силу чего Россия находится в невыгодном положении и испытывает на себе колоссальное информационное давление. В-третьих, относительно малое внимание уделено социальным медиа и Интернету как каналам и средствам манипуляции общественным мнением. Социальные сети в Доктрине не упоминаются, слово «Интернет» используется 5 раз, но в технологическом контексте³⁰⁰. В-четвертых, не говорится о задачах, формах и методах налаживания доверительных коммуникаций государства и общества в целях обеспечения информационной безопасности, в то время как это является одним из ключевых средств защиты

²⁹⁸ Там же.

²⁹⁹ Там же.

³⁰⁰ Там же.

от информационной агрессии. Определение последнего, как и определение информационного противоборства, информационной войны, информационно-психологического воздействия и подобных понятий также отсутствует. В-пятых, из текста Доктрины неясно, за счет чего российские СМИ будут противостоять глобальным традиционным и социальным медиа. В-шестых, в разделе «обеспечения информационной безопасности в области науки, технологий и образования» внимание сконцентрировано на научно-техническом обеспечении информационной безопасности³⁰¹, в то время как социогуманитарное научное знание также является важным элементом прогнозирования, предупреждения и противодействия информационным угрозам.

Стоит особо отметить проект «Конвенции об обеспечении информационной безопасности», разработанный органами государственной власти РФ. Документ отличается высокой степенью точности и проработанности не только аспектов международной информационной безопасности, но и информационной безопасности как таковой. В Конвенции даны определения ключевым понятиям информационной безопасности, которые отсутствуют в других документах – это «доступ к информации», «информационная война», «информационная система», «информационное оружие», «международная информационная безопасность», «терроризм в информационном пространстве» и др. Вводится понятие военного конфликта в информационном пространстве³⁰².

Для выявления тенденций формальной институционализации государственной информационной политики в сфере обеспечения национальной безопасности был проведен контент-анализ основных стратегических документов (Приложение 5).

В результате анализа выявлено, что внимание к вопросам информационной безопасности кратно выросло, как в Стратегии

³⁰¹ Там же.

³⁰² Конвенция об обеспечении международной информационной безопасности (концепция). URL: <http://www.scrf.gov.ru/security/information/document112/> (дата обращения: 31.02.2023).

национальной безопасности, так и в Концепции внешней политики (с 41 упоминания в 2015 году до 126 упоминаний в 2021 году в Стратегии нацбезопасности). Примерно в 2 раза выросла упоминаемость информационной политики, появились (с 0 упоминаний в 2015 до 12 упоминаний в 2021 году) угрозы, связанные с информационными войнами и информационно-психологическими операциями. Знаковый кратный рост показал «культурно-ценностный блок», связанный с когнитивно-социокультурной безопасностью. Его упоминаемость выросла более чем в 7 раз.

Таким образом, на формальном доктринальном уровне государственная информационная политика относительно оперативно имплементирует новые понятия и тренды в обеспечении информационной безопасности и трансформации новых вызовов и угроз, однако ее характер остается реактивным. ГИП РФ реагирует на уже случившиеся изменения среды с временным лагом, который и является «периодом уязвимости» при отсутствии проактивной стратегии информационной политики. Однако, как будет показано далее, практика ГИП представляет собой более комплексное и динамичное явление, нежели официальные документы.

В целом, можно сделать вывод, что концептуальные основы государственной информационной политики РФ в сфере обеспечения национальной безопасности отражают многие ее аспекты, а также современные тенденции трансформации глобального информационного пространства. С 2015 года в стратегических документах национальной безопасности усиливается тренд на институционализацию различных аспектов информационной безопасности, а в 2022-2025 происходит усиление культурно-ценностного блока и актуализация угроз культуре и традициям). На доктринальном уровне ГИП РФ оперативно имплементирует новые понятия в соответствии с трендами изменений вызовов и угроз в информационной сфере, однако ее характер носит преимущественно реактивный характер (система реагирует на изменения среды с временным лагом). В Российской

Федерации отсутствует документ по проактивной государственной информационной политике в интересах обеспечения национальной безопасности. В силу стремительно изменяющихся условий, а также непрерывного развития взглядов российского руководства на проблемы информационной безопасности актуальной задачей становится формирование проактивной стратегии ГИП РФ в области национальной безопасности. .

3.2. Реализация государственной информационной политики Российской Федерации³⁰³

Государственная информационная политика Российской Федерации в сфере обеспечения национальной безопасности имеет внешний и внутренний контур. Внутренний контур ГИП РФ представляет собой деятельность органов государственной власти во внутреннем информационном пространстве, его регулирование. Внешний контур ГИП РФ – деятельность органов государственной власти в международном информационном пространстве, репрезентация государства на международной арене. В силу последних тенденций – гибридизации международных отношений, медиатизации и виртуализации политики и особенно глобализации информационного пространства, внутренний и внешний контур ГИП РФ оказываются тесно взаимосвязанными и разделяются преимущественно в аналитических целях. Реализация ГИП РФ в сфере обеспечения национальной безопасности как на внешнем, так и на внутреннем контуре осуществляется с целью защиты от информационных вызовов и угроз.

Институциональный дизайн реализации ГИП РФ в сфере обеспечения национальной безопасности можно разделить на три группы институтов – органы государственной власти, имеющие в своем составе структуры, занимающиеся вопросами информационной безопасности непосредственно

³⁰³ При подготовке данного раздела диссертации использованы следующие публикации, выполненные автором лично или в соавторстве, в которых, согласно Положению о присуждении ученых степеней МГУ, отражены основные результаты, положения и выводы исследования:

Ковалев М.К. Особенности и механизмы реализации государственной информационной политики Российской Федерации // Вопросы политологии. 2023. Т. 13, № 8-2 (96-2). С. 4109-4120 (1,61 п.л.). ИФ РИНЦ – 0,33.

(Президент РФ и структурные подразделения Администрации Президента, Совет Безопасности – Межведомственная комиссия СБ по информационной безопасности, МО, МИД, ФСБ, СВР, ФСО, Минцифры, Временная комиссия СФ по информационной политике и взаимодействию со СМИ, Комитет ГД по информационной политике, информационным технологиям и связи и др.); органы государственной власти, реализующие ГИП РФ в силу того, что являются субъектами коммуникации (органы федеральной, региональной и муниципальной власти РФ, отдельные политики); информационные агентства и медиахолдинги напрямую или опосредованно связанные с государством («Россия Сегодня», ТАСС, Интерфакс, RT, федеральные и региональные телеканалы и др.).

Последние годы отмечены созданием ряда новых структур в органах государственной власти, специализирующихся на обеспечении информационной безопасности.

В 2017 году министр обороны Сергей Шойгу объявил об уже созданных информационных войсках в составе Министерства обороны. Отвечая на предложение по созданию управления по контрпропаганде, министр заявил, что в составе вооруженных сил Российской Федерации созданы войска информационных операций, которые, в частности, будут заниматься кругом вопросов, которые в советское время назывались «контрпропагандой», однако министр отметил, что новая структура является гораздо более эффективной, чем та, что существовала в период СССР³⁰⁴.

27 декабря 2019 года Президентом РФ был подписан указ о создании в МИД РФ 42-го департамента по международной информационной безопасности. Новая структура призвана заниматься противодействием информационным угрозам, развитием международного сотрудничества в сфере международной информационной безопасности и участием в

³⁰⁴ Шойгу рассказал о российских войсках информационных операций [Электронный ресурс] // РБК. URL: <https://www.rbc.ru/politics/22/02/2017/58ad78cd9a794757f3c80ece> (дата обращения: 10.03.2023).

разработке национальных мер по обеспечению информационной безопасности³⁰⁵.

Однако субъектами государственной информационной политики Российской Федерации в сфере информационной безопасности являются не только официальные институты власти, но и сети негосударственных акторов (банки, платформы, НКО, ЛОМы/эксперты/блогеры, телеграм-каналы и другие). С развитием технологий, платформ и сетевых коммуникаций данные акторы приобретают все большую субъектность, формируя сетевую структуру реализации ГИП РФ. О взаимосвязи государственных и других узлов сети речь пойдет ниже.

Статусные и латентные акторы сети, способные влиять на принятие решений в структуре ГИП РФ осуществляют нормативно-правовое регулирование информационной сферы. За последний год в законодательство РФ был внесен ряд поправок, увеличивающих «регуляторное давление» на информационную сферу.

Был принят закон о «фейковых новостях» («О внесении изменений в статью 15.3 Федерального закона «Об информации, информационных технологиях и о защите информации»³⁰⁶), который запрещает публикацию и распространение заведомо ложной или недостоверной информации как достоверных сообщений³⁰⁷. Также был принят закон о «неуважении к власти» («О внесении изменений в Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях»), вводящий административную ответственность за размещение и распространение в информационных сетях сообщений, оскорбляющих государство и общество³⁰⁸. К числу подобных нормативно-правовых актов относится и закон о «суверенном Интернете»,

³⁰⁵ В МИД России появился новый департамент [Электронный ресурс] // Российская Газета. URL: <https://rg.ru/2019/12/29/v-mid-rossii-poiavilsia-novyj-departament.html> (дата обращения: 10.03.2023).

³⁰⁶ Российская Федерация. Законы. О внесении изменений в статью 15.3 Федерального закона «Об информации, информационных технологиях и о защите информации»: Федеральный закон от 18 марта 2019 года N 31-ФЗ.

³⁰⁷ Там же.

³⁰⁸ Российская Федерация. Законы. О внесении изменений в Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях: Федеральный закон от 18 марта 2019 года N 28-ФЗ.

согласно которому операторы связи должны установить на свои сети и сервера специальное оборудование от Роскомнадзора управления и фильтрации трафика в том числе «в случае возникновения угроз целостности, устойчивости и безопасности функционирования интернета»³⁰⁹.

В 2019 году также принят закон, который позволяет признавать иностранными агентами не только некоммерческие организации и средства массовой информации, но и граждан, распространяющих сообщения и получающих иностранное финансирование³¹⁰. В Кодексе об административных правонарушениях значительно увеличены штрафы за нарушение правил распространения контента³¹¹. В 2020 установлены высокие штрафы за фейковые новости о коронавирусе. 1 января 2022 года вступил в силу закон о «приземлении» иностранных IT-компаний. Он обязывает крупные IT-корпорации открыть уполномоченные представительства на территории Российской Федерации, что значительно облегчает процесс различного рода регулирования их деятельности³¹².

Таким образом, в последние годы наблюдается усиление нормативно-правового регулирования информационной сферы. Оно выступает как средство правового оформления управления информационным пространством для блокировки нежелательной информации или привлечения к ответственности за публикацию таковой. В контексте информационной безопасности это дает инструментарий блокировки вредоносного контента или его превентивного вытеснения из публичного поля, представляя собой «первую линию» обороны от информационных атак.

³⁰⁹ Российская Федерация. Законы. О внесении изменений в Федеральный закон «О связи» и Федеральный закон «Об информации, информационных технологиях и о защите информации»: Федеральный закон от 1 мая 2019 года N 90-ФЗ.

³¹⁰ Российская Федерация. Законы. О внесении изменений в Закон Российской Федерации о средствах массовой информации" и Федеральный закон "Об информации, информационных технологиях и о защите информации": Федеральный закон от 2 декабря 2019 года N 426-ФЗ.

³¹¹ Российская Федерация. Законы. О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации: Федеральный закон от 2 декабря 2019 года N 405-ФЗ.

³¹² Российская Федерация. Законы. О деятельности иностранных лиц в информационно телекоммуникационной сети "Интернет" на территории Российской Федерации: Федеральный закон от 1 июля 2021 года N 236-ФЗ.

Нормативная рамка трансформируется далее в правоприменительную практику. Это выражается в прямом административном контроле, осуществляемом как силовыми, так и специализированными структурами. Например, «Роскомнадзор», который с каждым годом наращивает свою деятельность. С 2012 по 2020 год полномочия ведомства значительно увеличились. «Роскомнадзор» получил возможность самостоятельно блокировать и вносить в реестр запрещенных сайтов домены, содержащие запрещенную в РФ информацию, блокировать мессенджеры, отказывающиеся предоставлять свои коды, блокировать сайты, содержащие материалы международных и неправительственных организаций, деятельность которых нежелательна на территории РФ, удалять сообщения, запрещенные законами о «фейковых новостях» и «оскорблении власти и общества»³¹³. Кроме того, с лета 2021 года РКН может блокировать недостоверную информацию клеветнического характера или связанную с обвинением гражданина в совершении преступления, без суда³¹⁴.

В связи с расширением функций ведомства, а также принятием новых законов растет и количество блокировок запрещенной информации. По официальным данным за 11 месяцев 2021 года в Единый реестр запрещенной информации было внесено 320 тыс. ссылок на ресурсы. Это на 12% больше, чем в 2019 году и на 2% больше, чем в 2020³¹⁵. По другим данным произошел более серьезный рост количества блокировок. Согласно ним, с января по ноябрь 2021 года было заблокировано 174,9 тыс. сайтов, в то время как за весь 2020 год – 150 тыс., за 2019 – 103 тыс³¹⁶.

Под расширение полномочий и деятельности структур, осуществляющих регулирование совершенствуются и технологическое

³¹³ Роскомнадзор при Александре Жарове. Новые полномочия и громкие случаи блокировок сайтов [Электронный ресурс] // ТАСС. URL: <https://tass.ru/info/8065347> (дата обращения: 12.03.2020).

³¹⁴ Российская Федерация. Законы. О внесении изменения в Федеральный закон "Об информации, информационных технологиях и о защите информации": Федеральный закон от 1 июля 2021 года N 260-ФЗ.

³¹⁵ Число их блокировок в сети растет [Электронный ресурс] // Коммерсантъ. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/5117898> (дата обращения: 23.03.2023).

³¹⁶ Динамика блокировок сайтов Роскомнадзором: судебная практика и ключевые аспекты [Электронный ресурс] // RTM Group. URL: <https://rtmtech.ru/research/website-blocking-research/#anchor5> (дата обращения: 23.03.2023).

оснащение регулирования информационного пространства. После принятия закона о «суверенном интернете» провайдеров обязали установить специальное оборудование, доступ к которому будет у Роскомнадзора, чтобы блокировать домены. Новая технология ТСПУ (технические средства противодействия угрозам) находится под прямым управлением РКН. Она позволяет замедлить трафик, действует более точно (с меньшей вероятностью сбоев на других ресурсах, которые не подпадают под блокировку)³¹⁷. С 2023 года в инструментарий мониторинга РКН внедрена система на базе искусственного интеллекта по выявлению запрещенного контента «Окулус»³¹⁸.

Параллельно «огораживанием» и «чисткой» информационного пространства идет развитие собственных национальных платформ. От влияния на сетевое пространство через покупку и владение социальными сетями близких к государству компаний («ВКонтакте» и «Одноклассники», которые входят в крупный холдинг «Майл.ру»³¹⁹) произошел переход к формированию связанных с государством монополий-экосистем: «Сбер», «Яндекс» и Mail.ru Group. Каждая экосистема объединяет в себе большую долю цифровых сервисов, среди которых поиск в интернете, новости, доставка, онлайн-покупки, банковские операции, такси, видеохостинги, онлайн-кинотеатры, стриминговые платформы и т.д. Так львиная доля цифровых сервисов и платформ сконцентрирована в руках трех крупных корпораций. Такая связь государства с цифровыми медиа и IT-компаниями в значительной степени позволяет фильтровать контент в сети, продвигать культурные и медиапродукты.

Стоит отметить и деятельность ГИП РФ в пространстве традиционных СМИ, которое, однако, не является автономным по отношению к сетевому.

³¹⁷ Глава Роскомнадзора Андрей Липов о методах принуждения иностранных IT-компаний к сотрудничеству [Электронный ресурс] // RTM Group. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/4826455> (дата обращения: 23.03.2023).

³¹⁸ РИА Новости. «Окулус» будет анализировать более 200 тыс. изображений в сутки (≈3 сек/шт.). 13.02.2023. URL: <https://ria.ru/20230213/okulus-1851607639.html> (дата обращения: 28.05.2025).

³¹⁹ Mail.Ru поглотила «ВКонтакте» [Электронный ресурс] // Газета.ру. URL: <https://www.gazeta.ru/business/2014/09/16/6216381.shtml> (дата обращения: 12.03.2020).

Основные российские СМИ и их представители (В. Соловьев, Д. Киселев, М. Симоньян и др.) имеют аккаунты в социальных сетях, телеграм-каналы. Информация из традиционных СМИ попадает в Интернет и наоборот. ТВ-контент занял свою нишу в Интернете наряду с крупными блогерами, произошла цифровизация ТВ (телевизионный продукт транслируется в интернете, в том числе на видеохостингах; продукты ТВ покупаются онлайн платформами для показа, медиахолдинги запускают собственные проекты в Интернете и наоборот, контент онлайн сервисов транслируется на телевидении); СМИ и органы государственной власти также имеют сайты и аккаунты в социальных сетях. Происходит слияние традиционного и сетевого информационного пространства, поэтому на сегодняшний день более актуально говорить о пространстве традиционных СМИ и пространстве социальных медиа. Хотя грань между ними также сильно условна.

Регулирование сферы традиционных СМИ осуществляется за счет прямой или косвенной связи с ведущими медиахолдингами и информационными агентствами. Строительство лояльной системы телевидения, информационных агентств и печатных изданий началось еще в 1999-2000 годах путем вытеснения малолояльных олигархов из сферы медиабизнеса. Под контроль был поставлен телеканал НТВ, ВГТРК и ОТР также стали контролироваться государственными структурами. На российском медиарынке государство является крупнейшим собственником. Оно контролирует одну из крупнейших компаний на российском медиарынке. Государство владеет 51% акций «Первого канала», а также информационными агентствами ТАСС, МИА «Россия сегодня». Кроме того, стоит выделить близкий к государству медиахолдинг «Газпром-медиа». Аффилированные с государством СМИ в рейтинг самых крупных и цитируемых отечественных средств массовой информации³²⁰. Таким образом, одним из центральных

³²⁰ Федеральные СМИ: март 2023 [Электронный ресурс] // Медиалогия. 2023. URL: <https://www.mlg.ru/ratings/media/federal/12104/> (дата обращения: 12.03.2023).

механизмов ГИП РФ стала связь и установление относительного контроля над наиболее охватными СМИ.

Одной из форм такой связи стали еженедельные встречи Администрации президента с руководителями крупнейших российских средств массовой информации и рассылка «методичек», в которых прописываются ключевые месседжи и рекомендации в каком ключе должны быть представлены последние события. В 2012 году в Администрации Президента создано специальное Управление по общественным проектам, целью которого стало укрепление духовных и нравственных основ Российского общества. Это подразделение стало заниматься идеологическим наполнением контента во всех каналах коммуникации от телевидения и Интернета до публичных встреч и форумов.

Таким образом, одним из главных механизмов регулирования информационного пространства государством стал прямой директивный контроль содержания сообщений в СМИ, «ручное управление». Он подразумевает указания и рекомендации о том, какие события нужно освещать и в каком ключе, а также определение круга тем, которые не должны упоминаться.

Государство также оказывает поддержку СМИ путем прямых субсидий. В период 2021-2023 гг. их объем составит 1,85 млрд. рублей. Большая часть расходов идет на поддержку крупных средств массовой информации, региональные медиа, а также информационное сопровождение национальных проектов. На этот же период в федеральном бюджете по разделу «Средства массовой информации» зарезервированы 6 млрд. рублей ежегодно, которые также направляются на поддержку СМИ. В рамках поддержки системообразующих предприятий в период пандемии правительство также оказало помощь 79 организациям из сферы информации и связи, среди

которых были «Яндекс», Mail.ru Group, НМГ, «Газпром-медиа», «Первый канал», НТВ, «Коммерсантъ», РБК, Russ Outdoor, Gallery и другие³²¹.

С развитием технологий платформ и изменением медиапотребления «центр тяжести» ГИП РФ сместился в сторону сетевых коммуникаций, прежде всего в платформу Telegram. Не в последнюю очередь это объясняется ее растущей популярностью. В 2024 году – самая высокая среднесуточная доля пользователей среди всех соцсетей в РФ (74%, 12-64 года)³²². Примерно с 2017 года государство начало косвенную скупку основных политических и новостных каналов, что позволило контролировать содержание сообщений, ставить «блоки» на негатив. Таким же образом на этом рынке действовал и крупный бизнес. Кроме того, основные СМИ и медийные персоны стали создавать собственные телеграм-каналы. В целом, можно сказать, что в отношении Телеграма государство скопировало практику, применяемую к ТВ – прямой директивный контроль содержания сообщений и интерпретации тех или иных событий.

Институциональный поворот к сетевым коммуникациям произошел в 2019 году с созданием АНО «Диалог» в Москве, а в последствии в 2020 году АНО «Диалог Регионы» и созданием сети Центров управления регионом. Данные структуры взяли на себя функцию мониторинга интернет-пространства, сбора и аналитики обратной связи в платформах, оперативного реагирования на инциденты, коммуникации власти и общества в цифровой среде³²³. «Диалог» стал централизованной и одновременно сетевой структурой выстраивания публичных отношений власти и общества в цифровой среде, заняв свою функциональную нишу в институциональной структуре ГИП РФ.

С развитием и ростом популярности Telegram начинает создаваться все большее количество государственных каналов (сегодня – около 175 тыс. с

³²¹ Российская Федерация. Законы. О федеральном бюджете на 2021 год и на плановый период 2022 и 2023 годов: Федеральный закон от 8 декабря 2020 года N 385-ФЗ.

³²² Mediascope. март 2025. [Электронный ресурс] URL: <https://mediascope.net> (дата обращения: 22.06.2025).

³²³ АНО «Диалог». Проект «Центры управления регионами/Муниципальные центры управления», 2024–2025. URL: <https://dialog.info/projects/region-management-center/> (дата обращения: 27.06.2025).

аудиторией 50-51 млн пользователей), отдельные министерства и ведомства «обрастают» пулами ЛОМов/блогеров/инфлюенсеров³²⁴.

Таким образом, развитие сетевой структуры ГИП РФ можно разделить на несколько этапов. Первый – освоение социальных медиа, создание официальных «пабликов» и страниц политиков и ведомств, работа с блогосферой. Второй – установка контроля за отечественными соцмедиа путем приобретения со стороны аффилированных с государством компаний и параллельное выстраивание отношений с телеграм-каналами посредством прямого контроля сообщений и «блоков на негатив». Третий – институционализация и структурирование сетевых коммуникаций. Четвертый – формирование относительно устойчивых сетей вокруг государственных структур.

Со временем государство и телеграм-каналы начинают работать по технологии «grassroots» по цепочке: появление новости в телеграм-канале с визуальным (видео/фото) подтверждением – «вкручивание» в повестку официальных СМИ – официальное заявление со стороны государства. Это предоставляет возможность «адресной доставки» сообщений до целевой аудитории; повышает доверие к сообщениям на основе представления (политического мифа) о достоверности сообщений «с мест» и относительной независимости телеграм-каналов (уровень доверия к ним составляет около 30% и продолжает расти); а также помогает избегать прямой вовлеченности в коммуникацию в кризисных ситуациях, давая время для их оценки. Однако сети, как правило, замыкаются на конкретное ведомство и игнорируют как интересы «конкурирующих» структур, так и общую линию ГИП, что приводит к рассогласованности действий и утрате контроля в отдельные кризисные моменты.

Например, паводок и прорыв дамбы в Орске сопровождался как фактологической (сведения о параметрах дамбы), так и временной

³²⁴ D-Russia.ru. «Количество госпабликов в России достигло 220 тысяч», 02.11.2023. URL: <https://d-russia.ru/kolichestvo-gospablikov-v-rossii-dostiglo-220-tysjach.html> (дата обращения: 27.06.2025).

рассогласованностью (в одно время циркулировали сообщения как о прохождении, так и о продолжении пика)³²⁵. Разлив нефти у Новороссийска породил длинный спор о его масштабах в тг-каналах³²⁶. Пожар в ТЦ «МЕГА Химки» – ранний разброс версий от поджога до нарушения при сварочных работах³²⁷. При ледяном дожде во Владивостоке в ноябре 2020 года – также противоречивые данные о масштабе ущерба и карте отключений³²⁸. Пожар в клубе «Полигон» в Костроме в ноябре 2022 года – длительная циркуляция разных причин («ракетница», «пиротехника», «светодиодный потолок»³²⁹. Массовый сбой у мобильных операторов в 2025 году – долгое молчание официальных источников и противоречивые версии³³⁰.

Таким образом, сети коммуникаций ГИП РФ замыкаются на интересах конкретных ведомств, действуют рассогласованно, а в отдельные периоды и выходят из-под контроля госструктур, с которыми аффилированы. Все это формирует анархичную среду сетевых коммуникаций ГИП РФ.

Государство выстраивает с сетями отношения на основе трех моделей: директивный контроль (ручное управление) – определение конкретных тезисов и точек распространения сообщений; патрон-клиентской – образование устойчивых «связок»: ведомство обеспечивает для «дуайнеров» статус, доступ к эксклюзивной информации, они взамен выдерживают «коммуникационную линию» и обеспечивают дисциплину в сети; центрально-периферийной – контент и установки задаются центром, а затем достраиваются в сети под определенную аудиторию. Со временем такие модели трансформируются в технократические «вертикальные

³²⁵ Что известно о прорыве дамбы в Орске и ситуации с паводком // ТАСС. 08.04.2024. URL: <https://tass.ru/proisshestiya/20461171> (дата обращения: 03.05.2025).

³²⁶ РБК. Ущерб от разлива нефти под Новороссийском оценили в Р4,5 млрд. 20.10.2021. URL: <https://www.rbc.ru/business/20/10/2021/61701e479a79475ee11b5bb7> (дата обращения: 29.05.2025).

³²⁷ Lenta.ru. Пожар в ТЦ «МЕГА Химки»: хроника/версии. 09.12.2022. URL: <https://lenta.ru/tags/story/firemegahimki/> (дата обращения: 29.05.2025).

³²⁸ PrimaMedia. Последствия ледяного дождя: отключения, сроки восстановления по данным ДПСК/городских служб. 19.11.2020. URL: <https://primamedia.ru/news/1024412/> (дата обращения: 29.05.2025).

³²⁹ V1.ru. Оперативка по «Полигону»: динамика числа жертв/эвакуаций. 05.11.2022. URL: <https://v1.ru/text/incidents/2022/11/05/71793215/> (дата обращения: 29.05.2025).

³³⁰ Banki.ru. Массовый сбой у МТС/«Билайна»/«Мегафона»/Tele2, 10.06.2025. 10.06.2025. URL: <https://www.banki.ru/news/lenta/?id=11014873> (дата обращения: 29.05.2025).

функциональные структуры» (модель аналогичная «Picket-fence» в федерализме. Партнерские отношения вытесняются постоянно действующими производственными цепочками (ведомство — пул экспертов/ЛОМов — сети соцмедиа), сети еще больше замыкаются на определенных ведомствах, происходит кластеризация всего пространства сетевых коммуникаций.

Также ГИП РФ на современном этапе внедряет и новые технологии коммуникации. Одной из них стала «рутинизация» (регулярные брифинги МИД, минобороны, сводки оперативной информации в отчетах)³³¹. Данная технология предполагает регулярную и дозированную отправку информации, осуществляемую с определенной периодичностью. Это создает эффект ритмичности, формирует привычку обращаться к одному и тому же источнику, ожидать новой информации, снижает тревожность у лояльной аудитории путем предсказуемости «окна обновления». «Рутинизация» позволяет отсекал другие источники информации (среди которых могут быть ресурсы противника), а монотонность и однообразность «усыпляет» реципиентов для сохранения стабильности и блокировки внешних воздействий иного происхождения. Также используется технология «множественной переадресации» — вместо ответа на конкретный вопрос следует предложение обратиться в профильное ведомство, в чьей компетенции данный вопрос находится. После нескольких переадресаций интерес к вопросу теряется, и его вытесняют более свежие информационные поводы. Например, данную технологию регулярно использует пресс-секретарь Президента России Дмитрий Песков³³².

Еще одной новой технологией (как в прямом, так и в коммуникационном смысле слова) стало использование VR и AR. Данные форматы создают сильный эффект вовлеченности, исследования показывают отклик на 30%

³³¹ Минобороны РФ — ежедневные сводки (официальный TG-канал) // t.me/mod_russia (дата обращения: 30.05.2025).

³³² РБК. Песков переадресовал в МИД вопрос о новых переговорах России и США. [Электронный ресурс]. — РБК, 25 февраля 2025. URL: <https://www.rbc.ru/rbcfreenews/67bd8dba9a7947bc9e49679d> (дата обращения: 03.05.2025).

больше на нарративы через VR³³³. Например, они используются в отечественных музеях как в залах (Эрмитаж, Петропавловская крепость, Третьяковская галерея, ГМИИ им. А.С. Пушкина и др.) и онлайн на сайтах (Культура.рф). Такие форматы позволяют более эффективно воздействовать на аудиторию и формировать ее представления об истории и культуре.

Другой технологией также стала «геймификация». Аудитории предлагается пройти квест или выполнить задания за баллы и призы. В процесс «игры» вшиваются нарративы, которые лучше усваиваются при непосредственном участии реципиентов.

Последнее время новой технологией, используемой ГИП РФ стали «событийно-массовые мегапроекты». Они представляют собой «гибрид» современных технологий, массовых мероприятий и сетевых коммуникаций. Для их реализации производится застройка большого пространства большими стендами, инсталляциями, активностями, цифровыми экранами, точками VR и AR. Аудитория погружается в масштабное оффлайн-пространство с множеством «фишек», активностей, событий и не может «пройти мимо» или отстраниться (мероприятие может быть организовано в масштабах города, «на каждом углу»). Через события и экспозицию транслируются госнарративы, ведется постоянная хроника через официальные каналы, а также информация распространяется через сети и «сарафанное радио». Такая технология дает «WOW-эффект», большой охват и большой информационный эффект за счет большего вовлечения аудитории. Наиболее масштабные примеры – выставка форум «Россия» на ВДНХ (продлилась почти год; 18,5 млн посещений; 200 тыс. человек одновременно на площадке в пиковые дни)³³⁴, «Лето в Москве»

³³³ MoldStud (отчет тенденций VR-тренингов). Top 10 Virtual Reality Training Trends for 2025 and Beyond – Innovations Shaping the Future. [Электронный ресурс]. MoldStud, 1 июля 2025. URL: <https://moldstud.com/articles/p-top-10-virtual-reality-training-trends-for-2025-and-beyond-innovations-shaping-the-future> (дата обращения: 03.07.2025).

³³⁴ РИА Новости. Выставку «Россия» на ВДНХ посетили 18,5 млн человек. 08.07.2024. URL: <https://ria.ru/20240708/vystavka-1958233300.html> (дата обращения: 29.05.2025).

(проект в масштабах всего города; 10,5 млн посещений за 100 дней³³⁵; в 2025-м году проект расширен³³⁶), «Зима в Москве» (30 млн участников)³³⁷.

На социокультурном уровне ГИП РФ транслирует ряд нарративов и политических концептов для обоснования своего политического курса.

Одним из таких концептов является «сильное государство» после 1990-х годов он подразумевал повышение эффективности государственного управления путем построения «вертикали власти» и централизации. Внутри страны данная идеология позиционирует Россию как эффективное государство, которое способно обеспечить стабильность, порядок и развитие после «хаоса» 90-х годов. На международной арене концепт «сильного государства» представляет РФ как государство с сильной армией, которое должно быть равноправным партнером с западными странами и играть одну из ведущих ролей в мировой политике. Другим символическим концептом является «стабильность», которая также противопоставляется «лихим девяностым», которые связываются у граждан с падением уровня жизни и отсутствием безопасности. В рамках этой идеологии утверждается, что нынешний политический курс верен, т.к. благодаря ему негативные последствия 90-х преодолены и больше не повторятся, а развитие страны должно быть обеспечено исключительно спокойным, эволюционным путем. Еще одним концептом является «самобытность» России, который представляет ее как страну с богатым культурным наследием, способную опереться не только на западный, но и на собственный исторический опыт для его использования в дне сегодняшнем. Данная идеология продвигает гордость за уникальность, а также объясняет, почему жизнь в России отличается от других стран, подразумевает, что «у нас» не может и не должно быть так, как «у них». Также, в рамках официального нарратива используется

³³⁵ Сергей Собянин подвёл итоги фестиваля «Лето в Москве. Всё на улицу!». 24.09.2024 // Официальный сайт Мэра Москвы. URL: <https://www.mos.ru/mayor/themes/11817050/> (дата обращения: 20.05.2025).

³³⁶ «Лето в Москве» 2025 — официальный сайт проекта. 2025. URL: <https://leto.mos.ru/> (дата обращения: 05.06.2025).

³³⁷ Сергей Собянин подвёл итоги проекта «Зима в Москве». 04.03.2025 // Официальный сайт Мэра Москвы. URL: <https://www.mos.ru/mayor/themes/12434050/> (дата обращения: 03.04.2025).

концепт «суверенной демократии». Его логика заключается в том, что Запад не имеет право на монопольную интерпретацию демократии, а россияне сами определяют какой будет демократия в их стране. Эта идеологема в некоторой степени призвана отразить попытки западных стран представить политический режим в России недемократическим. Еще двумя образами, используемыми в рамках официального нарратива, являются «лихие девяностые» как время «разрухи» и нестабильности и «Запад» как значимый Другой, опыт которого важен и в некоторой степени перенимается, однако его политика остается высокомерной и недоброжелательной по отношению к нашей стране³³⁸.

Также после 90-х годов основными образами, которые транслировались российскими СМИ стали «стабильность», «развитие», «двукратное увеличение ВВП», «Стратегия-2020». Главу государства представляли в ключе «Путин – сильный президент», «Путин навел порядок в стране», «Путин поборол олигархов». Таким образом, российские СМИ концентрируют внимание на росте уровня жизни, повышении безопасности и спокойствия в стране по сравнению с 90-ми годами. Рост ВВП позволял утверждать то, что страна динамично и эффективно развивается экономически. Личность главы государства представляется безальтернативной, т.к. стабилизация и экономический рост были достигнуты именно под его руководством и если на президентском посту находился бы или будет находиться кто-то другой, то этого не случилось бы, а при его замене сегодня страну ждут серьезные катаклизмы.

На сегодняшний день элементы официального нарратива претерпели ряд изменений. Так, концепт «сильного государства» стал менее использоваться для обозначения эффективности управления и властной вертикали на контрасте с 90-ми годами и больше для обозначения единства и сплоченности внутри страны, военной мощи и влияния на международной

³³⁸ Малинова О. Ю. Стратегическая культура и фреймы коллективной памяти (на примере постсоветской России) // Вестник Пермского университета. Серия: Политология. 2018. № 1. С. 84-87.

арене. Эффективность нового «сильного государства» состоит прежде всего в нейтрализации возникающих вызовов и угроз. Идеологема стабильности стала заключаться в сохранении статус-кво и защите от «попыток повлиять на ситуацию в стране извне». «Суверенной демократии» на смену пришел концепт суверенитета, который используется для обозначения самостоятельности и независимости от влияния внешних акторов. «Самобытность» приобрела смысл непринятия западных ценностей и преподнесения России как отдельной цивилизации со своими социокультурными особенностями. Гораздо меньшее место, чем ранее, в официальных выступлениях стали занимать вопросы демократии, верховенства закона, прав и свобод человека, формирования гражданского общества. В официальном нарративе также произошла отстройка от Запада. Если в 2000-х годах была актуальна повестка окончания «холодной войны», построения равноправных отношений, позиционирования России как части европейской цивилизации, то в последствии фокус сместился на то, что западные страны отошли от традиционных ценностей; культурные отличия России и Запада и его враждебное отношение к нашей стране. Появился и концепт особого «культурного кода» россиян, национальных «скреп», «русского мира», «традиционных семейных ценностей»³³⁹. Кроме того, после 2014 года основной фокус СМИ все больше смещался на противостояние с Западом и Украиной.

В ценностном плане – в системе образования, культуры, медийной экономической и социальной повестке продолжают доминировать и распространяться неолиберальные ценности – рыночная экономика, священность и неприкосновенность частной собственности, индивидуализм и другие. Такая риторика продолжает быть в центре инфополя, хотя и поделила место с патриотизмом, который преподносится в форме любви к Родине, верности государству и умеренного национализма. В символической сфере

³³⁹ *Malinova O.* Legitimizing Putin's Regime: The Transformations of the Narrative of Russia's Post-Soviet Transition // *Communist and Post-Communist Studies*. 2022. Т. 55. №. 1. С. 52-75.

информационная политика представляет собой своеобразный «винегрет» из символов культуры потребления, ностальгии по Российской Империи, гордостью за Победу в Великой Отечественной войне, представлении СССР как сильного, но авторитарного государства. Происходит смешение имперских, советских, националистических, либеральных символических концептов.

В рамках исследования был проведен качественный дискурс-анализ нормативно-правовых актов³⁴⁰, официальных коммуникаций (Послания Президента Федеральному собранию, официальные выступления представителей федеральной власти, стенограммы и пресс-релизы Правительства РФ)³⁴¹, публичные кампании («Разговоры о важном», Национальный центр «Россия», «Движение Первых» и др.)³⁴². Сделан вывод о том, что государство транслирует «якорные» термины и словосочетания из разных нарративов (консервативного, националистического, советского и либерального) для «попадания» в разнородные аудитории. Консервативный дискурс представлен «традиционными ценностями», «семьей», «духовными скрепами», «историческая память», «патриотизм», «служение Отечеству» и др. Националистический – «суверенитет», «цивилизация», «Запад», «русские», «язык». Советский – «Гагарин», «справедливость», «Победа». Либеральный – «регуляторная гильотина», «малый бизнес», «инициатива», «компании», «технологии».

В целом, стоит отметить определенную слабость концептуального и социокультурного уровня государственной информационной политики России. Представленные выше концепты, на которые опирается государство

³⁴⁰ Российская Федерация. Президент. Указ Президента РФ от 09.11.2022 № 809 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей». URL: <https://www.kremlin.ru/acts/bank/48502> (дата обращения: 29.05.2025) и др.

³⁴¹ Президент России. Послание Федеральному Собранию (29.02.2024) — PDF-текст. URL: https://storage.consultant.ru/ondb/attachments/202402/29/iddoc_279040_idnews_50066_Poslanie_prezidenta_370.pdf (дата обращения: 29.05.2025) и др.

³⁴² Минпросвещения РФ. «Разговоры о важном» — официальный портал (2024–2025). URL: <https://разговорыоважном.рф/> (xn--80aafadv9bifbaeqg0p.xn--plai) (дата обращения: 29.05.2025); Национальный центр «Россия». Новости/афиша (2025). URL: <https://russia.ru/news> ; <https://russia.ru/events> (дата обращения: 29.05.2025) и др.

скорее тяготеют к интерпретационному уровню. Они предлагают объяснения и интерпретацию событий последних 30 лет и нынешней социально-политической реальности. Разумеется, речь не идет о полном отсутствии (так или иначе какие-либо идеологические и социокультурные концепты продвигаются всегда), однако после распада Советского Союза и крушения коммунистической идеологии и советской культуры Россия так и не смогла найти, сформулировать и транслировать социокультурные основания постсоветской государственности. Представленные выше концепты «сильного государства», «суверенной демократии» и др., как и «консервативный поворот» являются крайне размытыми. Особенно острым этот вопрос представляется сегодня, когда Россия позиционирует себя как отдельную цивилизацию и продвигает концепт «русского мира». Кроме того, в ГИП РФ еще существует противоречие между имплементацией рыночных ценностей потребления и «успеха» и консервативными ценностями.

Во внешнем контуре ГИП РФ можно выделить создание сети каналов коммуникации за рубежом. Она состоит из официальных государственных коммуникаций (официальные заявления ведомств; заявления официальных лиц; официальные сообщения в социальных сетях); российские и иностранные СМИ, финансируемые государством; распространение сообщений в социальных сетях, в том числе с помощью ботов. Предположительно в эту сеть входят также прокси-ресурсы – интернет-ресурсы с глобальным охватом; местные СМИ, ориентированные на конкретный язык; эксперты, озвучивающие российскую точку зрения на международные процессы; СМИ других государств, намеренно или ненамеренно распространяющие сообщения российских медиа; а также хакеры и «сайты-зеркала» (точные копии какого-либо сайта).

Данная сеть коммуникаций предназначена для постоянного, «громкого» и вирусного распространения российских нарративов за рубежом. Она заключается в следующем. Сначала сюжет появляется в одном из наиболее крупных и близких к государству источников (официальные источники или

государственные СМИ). Затем сюжет тиражируется другими СМИ близкими к государству, прокси-ресурсами, экспертами и в социальных сетях. На следующем этапе количество всех этих источников увеличивается, сюжет проникает в информационную среду, более активно распространяется в соцсетях, транслируется экспертами и зарубежными СМИ и в результате полностью проникает в зарубежное инфополе.

Еще одним направлением ГИП РФ на внешнем контуре является деятельность по развитию международного сотрудничества в сфере международной информационной безопасности.

На международной арене Россия продвигает свой проект «Конвенции об обеспечении международной информационной безопасности»³⁴³, целью которой является достижение договоренностей относительно мирного использования информационных технологий, совместного противодействия информационным вызовам и угрозам, международно-правовое регулирование информационной сферы.

В 2018 году подавляющим большинством голосов Генеральной Ассамблеи ООН был принят российский проект резолюции «Достижения в сфере информатизации и телекоммуникаций в контексте международной безопасности», который представляет собой свод правил поведения государств в информационной сфере исключительно в мирных целях. Резолюция носит рекомендательный характер. Западные страны данный проект не поддержали³⁴⁴.

Также по инициативе России были возобновлены и последние 2 года регулярно проводятся переговоры по вопросам международной информационной безопасности в формате Рабочей группы ООН открытого состава (РГОС) и Группы правительственных экспертов ООН по

³⁴³ Конвенция об обеспечении международной информационной безопасности (концепция). URL: <http://www.scrf.gov.ru/security/information/document112/> (дата обращения: 12.03.2023).

³⁴⁴ Россия и США перетягивают всемирную паутину [Электронный ресурс] // Коммерсантъ. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/3797617> (дата обращения: 12.03.2023).

международной информационной безопасности³⁴⁵. Однако, как отмечает спецпредставитель Президента РФ по вопросам международного сотрудничества в области информационной безопасности, директор Департамента международной информационной безопасности МИД РФ А.В. Крутских, «процесс достижения консенсуса будет небыстрым. Природа международно-правового регулирования информационной сферы носит сложный и комплексный характер, поскольку затрагиваются многие, весьма чувствительные сферы национальных интересов различных государств, что, скорее всего, потребует длительной выработки взаимоприемлемых норм и правил»³⁴⁶. Но стоит отметить, что дело «сдвинулось с мертвой точки» и Россия в этом процессе является инициатором и одним из ведущих участников переговорного процесса. Однако с началом специальной военной операции на Украине переговоры в сфере международной информационной безопасности с развитыми странами Запада зашли в тупик и практически остановились.

В итоге, можно выделить ряд характеристик реализации ГИП РФ на внутреннем и внешнем контурах:

- усиление нормативно-правового регулирования и политико-административного контроля информационно-коммуникационного пространства;
- совершенствование технических средств контроля цифровой среды;
- ГИП РФ реализует совокупность сетей, которые представляют собой анархичную среду;
- связи ГИП РФ с сетями трансформируются в «вертикальные функциональные структуры»;
- монополизация пространства традиционных СМИ, формирование цифровых монополий-экосистем;

³⁴⁵ Интервью специального представителя Президента Российской Федерации по вопросам международного сотрудничества в области информационной безопасности, директора Департамента международной информационной безопасности МИД России А.В. Крутских газете «Коммерсант», опубликованное 25 февраля 2020 года [Электронный ресурс] // МИД России – официальный сайт. URL: https://www.mid.ru/mezdunarodnaa-informacionnaa-bezopasnost/-/asset_publisher/UsCUTiw2pO53/content/id/4060774 (дата обращения: 12.03.2023).

³⁴⁶ Там же.

- использование рычагов прямого контроля повестки крупнейших СМИ;
- использование технологий «рутинизации» и «переадресации»;
- использование новых форм коммуникации и реализация массовых культурных проектов;
- смешение консервативных, советских, националистических и либеральных концептов, отсутствие связанной системы социокультурных нарративов.

3.3. Государственная информационная политика Российской Федерации в условиях специальной военной операции на Украине

В настоящее время государственная информационная политика Российской Федерации находится в кардинально новых условиях – боевых действий на Украине, обострения противостояния с «коллективным Западом», радикального ужесточения экономических санкций. Все стороны конфликта активно применяют формы, методы и технологии информационного противоборства. В данном параграфе будет рассмотрено каким образом ГИП РФ действует и трансформируется в условиях СВО и как ведут себя ее вертикальные функциональные структуры сетевых коммуникаций.

На нормативном уровне приняты законы, ужесточающие или вводящие ответственность, за вредоносные действия в информационном поле. Это прежде всего ответственность за «дискредитацию армии»³⁴⁷; «призывы к санкциям»³⁴⁸; «содействие исполнению решений иностранными органами»³⁴⁹. В 2022 году началась серьезная активизация усиления контроля над информационным пространством РФ. Так был значительно расширен закон об «иностранных агентах», таковыми, согласно новой редакции, может быть

³⁴⁷ Российская Федерация. Законы. О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и статьи 31 и 151 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации: Федеральный закон от 4 марта 2022 года N 32-ФЗ

³⁴⁸ Российская Федерация. Законы. О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и статью 151 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации: Федеральный закон от 28 апреля 2023 года N 157-ФЗ

³⁴⁹ Российская Федерация. Законы. О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и статью 31 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации: Федеральный закон от 21 апреля 2025 года N 90-ФЗ

объявлен любой гражданин, попавший под «иностранное влияние»³⁵⁰. При этом статус иноагента присваивается Минюстом во внесудебном порядке. СМИ обязали использовать термин «специальная военная операция» для обозначения военных действий, ведущихся на Украине³⁵¹. В марте 2022 года принят закон о «дискредитации армии», который предусматривает уголовную ответственность за распространение ложной информации о действиях российской армии³⁵². Многие оппозиционные СМИ были вынуждены прекратить деятельность на территории Российской Федерации из-за штрафов и новых ограничений.

В связи с этим расширилось и правоприменение к ограничению и блокировке запрещенных материалов. В марте 2022 года Минцифры приказало государственным СМИ прекратить работу с иностранными хостингами и принять доменные имена .ru и DNS-серверы, базирующиеся в России³⁵³. В 2024 году Роскомнадзор заблокировал почти 800 тыс. материалов (+19% к предыдущему году)³⁵⁴. Такой рост отражает смещение к оперативно-массовому фильтру контента. Кроме того, упрощение порядка присвоения статуса «иностранного агента» дало возможность превентивно ограничивать деятельность отдельных лиц и организаций в информационном пространстве.

Также новый импульс получило совершенствование технологического оснащения мониторинга и отражения угроз, прежде всего за счет более широкого внедрения ИИ. Система «Окулус» позволила сократить выявление запрещенной информации с нескольких часов/дней до минут³⁵⁵. Введена

³⁵⁰ Российская Федерация. Законы. О контроле за деятельностью лиц, находящихся под иностранным влиянием: Федеральный закон от 14 июля 2022 года N 255-ФЗ.

³⁵¹ Генпрокуратура объяснила запрет на использование слова «война» в СМИ [Электронный ресурс] // РБК. URL: <https://www.rbc.ru/politics/21/07/2022/62d952339a7947e78507a3ce> (дата обращения: 21.04.2023).

³⁵² Российская Федерация. Законы. О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации: Федеральный закон от 18 марта 2022 года N 58-ФЗ.

³⁵³ Freedom on the Net 2022. Countering an Authoritarian Overhaul of the Internet [Электронный ресурс] // Freedom House. URL: <https://freedomhouse.org/report/freedom-net/2022/countering-authoritarian-overhaul-internet> (дата обращения: 26.02.2023).

³⁵⁴ Интерфакс. РКН в 2024 г. удалил или заблокировал почти 800 тыс. материалов (17.01.2025). URL: <https://www.interfax.ru/russia/1003386> (дата обращения: 31.04.2025).

³⁵⁵ Ведомости. «Окулус»: Роскомнадзор запустил систему автоматического поиска запрещенного контента. 13.02.2023. URL: https://www.vedomosti.ru/technology/articles/2023/02/13/962682-roskomnadzor-zapustil-sistemu-poiska-okulus?utm_source=chatgpt.com (дата обращения: 04.04.2025).

система раннего обнаружения угроз ИС «Вебрь», которая также выявляет информационные угрозы за несколько минут³⁵⁶. Национальная система противодействия атакам (НСПА РКН) позволила усилить защиту критически важной информационной инфраструктуры³⁵⁷.

Все в совокупности (уже на нормативно-правовом и технологическом уровне) позволяет говорить о переходе от реактивной к ограниченно-проактивной модели ГИП РФ в сфере национальной безопасности – от мер, реагирующих на изменения среды к мерам превентивной защиты от потенциальных угроз.

В период СВО резкий «толчок» к развитию получили и отечественные платформы (Rutube и VK) путем добавления функций, увеличения удобства интерфейса, а также привлечения популярных медийных каналов и блогеров. Знаковым стало создание национального многофункционального мессенджера «Мах» в противовес зарубежным платформам и Telegram³⁵⁸. Это позволяет государству перехватить «ключи от ворот» для входа в сеть, что является одним из главных механизмов управления в современных условиях и таким образом в перспективе может позволить ограничить влияние зарубежных платформ.

Центральными узлами сетевых коммуникаций ГИП РФ с началом специальной военной операции стали телеграм-каналы военных корреспондентов. Начало боевых действий выявило запрос не столько на официальные сводки, сколько усилило запрос на информацию «с мест», «из окопов», что привело к созданию и резкому росту значительного числа военных каналов. Информация «военкоров» значительно контрастировала с ТВ и официальной повесткой, в этой среде присутствовала критика власти и

³⁵⁶ ИС «Вебрь» обнаруживает угрозы за несколько минут // ТАСС, 07.07.2025. URL: tass.ru/obschestvo/24446317 (дата обращения: 15.07.2025).

³⁵⁷ НСПА отразила более 10,5 тыс. DDoS-атак // РКН (официальный релиз), 24.10.2024. URL: rkn.gov.ru/press/news/news74881.htm (дата обращения: 30.04.2025).

³⁵⁸ Министерство цифрового развития, связи и массовых коммуникаций Российской Федерации. Национальным мессенджером станет цифровая платформа MAX. 15.07.2025. URL: <https://digital.gov.ru/news/naczionalnym-messendzherom-stanet-czifrovaya-platforma-max> (дата обращения: 20.07.2025).

ведомств, непосредственно отвечающих за ход боевых действий. Однако в целом «Z-каналы» продвигали военный нарратив зачастую дополняя официальную позицию, нежели вступая с ней в жесткую конфронтацию, что сделало их каналом «альтернативной пропаганды» и позволило таргетировано доносить сообщения до фрагментированной аудитории³⁵⁹. Военкоры выступили как «switchers», быстро адаптируя нарративы официальной повестки под ход событий. Умеренная критика власти и публикация информации непосредственно «с фронта» повысило доверие к военным корреспондентам, как и в случае с ЛОМами в других сетевых структурах ГИП РФ по технологии «grassroots». Вместе с тем по аналогии с гражданскими сетями это сформировало такую же (если не более) анархичную среду: «Z-каналы» не только спорят с официальной повесткой, но и между собой. Как и другие российские тг-каналы «военкоры» стали замыкаться на конкретных ведомствах, инфоцентрах и «патронах». Это движение происходило с двух сторон, т.к. государство продолжило выстраивать отношения с сетями на основе трех моделей (директивной, центрально-периферийной и патрон-клиентской) (см. 3.2). Данные модели трансформировались в вертикальные функциональные структуры, продемонстрировав те же свойства рассогласованности и потери управляемости в критические моменты. Но в отличие от гражданского сектора, в условиях боевых действий «военкоры» в большей степени взяли на себя функцию обратной связи, а также самостоятельно стали формировать контрнарративы, что увеличило оперативность и гибкость системы коммуникаций, но также усилило рассогласованность и анархичность.

Например, в период частичной мобилизации в среде тг-каналов циркулировали сообщения о «тотальной мобилизации», «повестках в Госуслугах», а также в существенном количестве кейсы об «ошибочной мобилизации», а впоследствии о проблемах с обеспечением экипировкой

³⁵⁹ ISW (Understanding War). Russian Offensive Campaign Assessment (series; 18–26.07.2025). URL: https://understandingwar.org/backgroundunder/russian-offensive-campaign-assessment-july-26-2025?utm_source=chatgpt.com (дата обращения: 30.07.2025).

мобилизованных. Государству пришлось стабилизировать ситуацию путем разъяснений о категориях, подлежащих призыву, и официальным объявлением о завершении частичной мобилизации³⁶⁰.

Наиболее значимым примером вертикальных функциональных структур и их рассогласованности (вплоть до открытого конфликта) является ЧВК «Вагнер» и ее мятеж. Вокруг организации и ее владельца Евгения Пригожина была создана сеть тг-каналов, СМИ, «военкоров», которые взяли на себя функцию постоянной хроники о деятельности компании и трансляцию ее нарративов. В то же время сама ЧВК была вписана в вертикальную функциональную структуру с государством, которое предоставляло структурам Пригожина ресурсы³⁶¹ на выполнение определенных функций. Функционал этих структур проходил через все уровни власти, что представляет собой классический «picked-fence». Еще до открытого мятежа сеть коммуникаций ЧВК «Вагнер» действовала в противовес отдельным министерствам и ведомствам. Евгений Пригожин неоднократно выступал с критикой действий Министерства обороны РФ и проведения СВО. Более того, в мае 2023 года он выпустил видеообращение, в котором выругался на руководство МО и потребовал предоставить необходимое количество снарядов и объявил, что ЧВК покинет позиции в городе Бахмут, в случае неисполнения требований³⁶². Во время самого мятежа в сети курсировали сообщения с призывами присоединиться к восставшим; «военкоры» публиковали оперативные видео с мест, создавая альтернативную хронику; циркулировали непроверенные слухи о «вылете высшего руководства»,

³⁶⁰ РБК. Частичная мобилизация: что важно знать. 2022-09-21. URL: <https://www.rbc.ru/politics/21/09/2022/632ab7649a79478471a3034e> (дата обращения: 30.04.2025).

³⁶¹ ТАСС. Путин заявил, что содержание всей группы «Вагнер» полностью финансировало государство. 27.06.2023. URL: <https://tass.ru/armiya-i-opk/18129937> (дата обращения: 01.04.2025).

³⁶² Пригожин заявил о выводе ЧВК «Вагнер» из Бахмута 10 мая [Электронный ресурс] // РБК. URL: https://www.rbc.ru/politics/05/05/2023/6454bb209a79476d028cadf8?from=article_body (дата обращения: 26.02.2023).

«штурме аэродромов» и др. Все это резко контрастировало с официальной линией «ситуация под контролем»³⁶³.

Еще один пример рассогласованной деятельности сетей – наступление ВСУ в Курской области. В нештатной ситуации даже близкие к Министерству обороны тг-каналы публиковали информацию о глубоком продвижении украинских войск, став источником паники и «играя на руку» противнику, их оценки ситуации сильно расходились с официальной позицией по данному вопросу³⁶⁴.

Таким образом, сетевая среда коммуникаций ГИП РФ в условиях СВО выстроена по тому же принципу, что и гражданская: на основе директивной, центрально-периферийной и патрон-клиентской моделей, трансформирующихся в вертикальные функциональные структуры. Они позволяют адаптировать официальные нарративы и эффективно использовать технологию «grassroots». Более того, «военкоры» берут на себя функцию оперативной адаптации к быстро меняющимся условиям, обратной связи, дополнения и «корректировки» официальной позиции, делая систему ГИП РФ более гибкой. Однако такие структуры обладают теми же «узкими местами» – анархичностью, реактивностью, рассогласованностью и внутренней конкуренцией.

На когнитивно-социокультурном уровне ГИП РФ в условиях СВО также перешла к проактивным мерам. В школах введены «Разговоры о важном» и уроки медиаобразования. Развиваются массовые культурные и просветительские проекты. Все это в совокупности создает внутреннюю карту нарративов и ценностей, что укрепляет информационную защиту от воздействия противника через фейки и сетевую пропаганду.

Все указанные меры в совокупности (превентивная нормативная база и правоприменительная практика; внедрение ИИ-мониторинга и сокращение

³⁶³ Reuters. Friction and confusion among Russian leadership since mutiny — US general. 13.07.2023. URL: <https://www.reuters.com/world/europe/friction-confusion-among-russian-leadership-since-mutiny-us-general-2023-07-13/> (дата обращения: 27.05.2025).

³⁶⁴ Telegram / Курская область (официальный канал). Предупреждения/сводки (лето 2024). URL: <https://t.me/kurskadm> (дата обращения: 30.04.2025).

времени на блокировку запрещенного контента; развитие национальных платформ по ключевым направлениям; автономная работа сетей военкоров дополняющих официальный нарратив и адаптирующих сообщения под аудиторию и быстро меняющуюся среду; расширение мер по когнитивно-социокультурной защите) говорят о переходе ГИП РФ от реактивной к ограничено-проактивной модели ее реализации.

Что касается украинская системы информационной безопасности, то, в целом, она оказалась готова к информационному противоборству с Россией. В стране была выстроена система ЦИПСО (центров информационно-психологических операций). Они проводят анализ общественно-политических настроений в стране противника и возможностей влияния на них; мониторинг социальных сетей и СМИ; выявляют риски и угрозы собственной информационной безопасности и противодействуют им; разрабатывают и осуществляют информационно-психологические операции, направленные на войска противника, гражданское население и политическое руководство.

В рамках СВО используются все виды информационных операций и все формы, методы и технологии информационного противоборства. Это стратегические информационные операции, спецпропаганда и контрпропаганда, фейки, информационное воздействие на политическую и экономическую элиту. Стратегические информационные операции представляют собой последовательность информационных вбросов, заранее спланированных, подготовленных и размещающихся в публичном поле с определенным временным промежутком³⁶⁵. В рамках таких операций ставится четко определенная цель, а на каждом этапе решаются поставленные задачи. Спецпропаганда и контрпропаганда – это форма информационного противоборства, известная со времен «холодной войны», которая направлена на моральное разложение противника и его дискредитацию. Фейки являются специфической формой дезинформации, их отличительная особенность

³⁶⁵ Евстафьев Д.Г., Манойло А.В. Информационные войны и психологические операции как базис гибридных войн нового поколения // Электронный научно-образовательный журнал «История». 2021. Т. 12. Вып. 6 (104). DOI: 10.18254/S207987840016037-9.

«шоковое» воздействие, создание ажиотажа и вирусное распространение. При этом разоблачение фейков несет в себе серьезные издержки, так как они продолжают распространяться по собственным же каналам «страны-мишени», а первоначальный мгновенный эмоциональный эффект от них уже достигнут. Информационное воздействие на политическую элиту производится с целью склонить ее часть к сотрудничеству с противником или ввести в заблуждение и таким образом повлиять на процесс принятия политических решений.

С самого начала специальной военной операции украинская сторона осуществляет массированное информационное воздействие как на россиян, так и на все международное сообщество, а также на собственных военнослужащих и граждан с целью поднятия морального духа и воли к сопротивлению. Так, с первых дней боевых действий в телеграм-каналах и социальных сетях начали появляться и тиражироваться фото и видео ракетных и авиационных ударов, продвижения российской техники с комментариями местных жителей в ключе «что вы здесь делаете», «уходите», «зачем вы пришли», «вам тут делать нечего». Также публиковалось большое число материалов с убитыми или взятыми в плен предположительно российскими военнослужащими с демонстрацией их персональных данных, утверждалось, что в военных действиях на Украине принимают участие «срочники».

Украинские силы информационного противоборства стали создавать символы сопротивления³⁶⁶. Широко распространяются украинской стороной фейки о предположительной жестокости и «зверствах» российских военных³⁶⁷. Украинская сторона также пытается проводить тактические информационно-психологические операции. Например, широкое распространение получила информация о подготовке ВСУ наступления на южном направлении в Херсонской области, в то время как в действительности оно готовилось в направлении Харькова. Украинская сторона утверждает, что

³⁶⁶ Fact and Mythmaking Blend in Ukraine's Information War [Электронный ресурс] // The New York Times. URL: <https://www.nytimes.com/2022/03/03/technology/ukraine-war-misinfo.html> (дата обращения: 12.03.2023).

³⁶⁷ Ukraine: These videos do not show a Russian tank running over a civilian in Kyiv [Электронный ресурс] // France 24. URL: <https://observers.france24.com/en/europe/20220301-video-debunked-russian-tank-crush-civilian-car-kyiv> (дата обращения: 12.03.2023).

это была продуманная операция по дезинформации российских вооруженных сил³⁶⁸. Отдельная информационная кампания была развернута в отношении частичной мобилизации в Российской Федерации. Распространялись сообщения о массовом бегстве россиян от призыва, ложное количество людей, подлежащих мобилизации, тиражировались поддельные приказы государственных органов РФ о призыве мигрантов, закрытии границ, запрете на выезд за границу для всех военнообязанных и прочем.

Украинские усилия по информационному противоборству с Россией направляются и курируются специалистами из США. В июне 2022 года директор АНБ Пол Накасоне заявил, что США проводят информационные операции против России и стараются демонтировать систему «российской пропаганды»³⁶⁹. Западные средства массовой информации и социальные сети распространяют сообщения, выстраивающие позитивный образ Владимира Зеленского, дискредитирующие российские вооруженные силы и формирующие отрицательный образ России в целом как агрессора и угрозу глобальной безопасности. Они также активно апеллируют к пацифистской риторике и сочувствию к украинцам пострадавшим от военных действий, чьи дома были разрушены, которым пришлось уехать, кто получил инвалидность, погибли родственники и так далее.

В целом, действия Украины отчетливо демонстрируют характерные черты войн нового поколения. Несмотря на то, что в процессе специальной военной операции применяемые формы, методы и технологии информационного противоборства являются относительно простыми и известными, они становятся для Украины одним из центральных средств достижения военно-политических целей. Это связано с тем, что Украина, по всей видимости, не рассчитывает одержать победу военными средствами,

³⁶⁸ Ukraine's southern offensive 'was designed to trick Russia' [Электронный ресурс] // The Guardian. URL: <https://www.theguardian.com/world/2022/sep/10/ukraines-publicised-southern-offensive-was-disinformation-campaign> (дата обращения: 12.03.2023).

³⁶⁹ Cyber Command chief confirms US took part in offensive cyber operations [Электронный ресурс] // The Hill. URL: <https://thehill.com/policy/cybersecurity/3508639-cyber-command-chief-confirms-us-took-part-in-offensive-cyber-operations/> (дата обращения: 21.04.2023).

поэтому информационное противоборство, наряду с другими «невоенными» методами противостояния, приобретает решающее значение для достижений стратегических целей войны. Эти методы направлены на ослабление поддержки СВО в части российских элит и обществе, а также для усиления давления на РФ коалиции западных стран.

Несмотря на то, что Россией предприняты значительные меры по обеспечению информационной безопасности, работает сеть каналов передачи информации различным целевым аудиториям, действует ряд факторов, которые накладывают серьезные ограничения на достижение целей и задач информационного противоборства. Прежде всего российская сторона противостоит масштабной инфраструктуре западных правительств, армий и глобальных СМИ, которая выстраивалась многие годы. Западные медиа поддерживают и усиливают украинские нарративы, ведется масштабная работа по формированию отрицательного образа России и дискредитацию ее политического руководства, в то время как российская информация имеет мало влияния за границей. Также, сайты российских оппозиционных СМИ, запрещенные социальные сети и другой подобный контент доступен не только с помощью VPN-сервисов, но и в Telegram, в котором можно свободно прочитать российские оппозиционные, украинские и западные СМИ. В то же время государство на данный момент не может полностью заблокировать эти каналы коммуникаций. Кроме того, как было отмечено ранее (см. 2.3.) российские нарративы хорошо действуют на людей старшего поколения и слабо на молодежь.

В настоящее время можно наблюдать, что информационное противоборство условиях специальной военной операции на Украине ведется уже известными даже простыми формами, методами и технологиями. Однако со стороны «коллективного Запада» все это осуществляется в рамках стратегией новой формы информационной борьбы – когнитивной войны³⁷⁰ (см.

³⁷⁰ Fall 2020 Cognitive Warfare: an attack on truth and thought // NATO Innovation Hub [Электронный ресурс]. URL: <https://www.innovationhub-act.org/sites/default/files/2021-03/Cognitive%20Warfare.pdf> (дата обращения: 04.02.2023).

2.3.). Она направлена прежде всего на процесс восприятия и обработки информации человеком. В рамках стратагем когнитивной войны была использована технология «облачного противника». Она заключается в том, что ранее не связанные между собой автономные ресурсы и формирования собираются вместе под конкретную задачу, между ними быстро выстраиваются иерархические и сетевые связи. Отличительной особенностью «облачного противника» является то, что основные его элементы, такие, как стратегические командные центры и прочее, находятся вне границ страны, на территории которой ведется конфликт и формально не участвуют в конфликте³⁷¹. «Облачного противника» крайне трудно идентифицировать, оценить его силы и средства и поразить с помощью военной силы. С помощью этой технологии российское руководство было введено в заблуждение. Предположительно, расчет Москвы был направлен на то, чтобы совершить блицкриг, быстро пройти вглубь территории Украины, деморализовать противника и заставить капитулировать. При таком сценарии западные страны не успеют оказать всю необходимую поддержку Киеву. Однако в первые же дни спецоперации были активированы линии коммуникаций, стратегические пункты управления, средства разведки и т.д. за пределами Украины. В ходе специальной военной операции можно наблюдать все признаки «облачного противника»: финансирование другими государствами; расположение пунктов стратегического управления за пределами страны-участницы конфликта; найм рекрутов по всему миру; поставка вооружения на международном рынке; некоторые места подготовки личного состава располагаются на территории других государств.

В ходе СВО реализуется и стратагема когнитивной войны «дестабилизация через смятение/замешательство» (destabilization through

³⁷¹ Хамзатов М.М. «Облачный противник»: новая угроза международной безопасности // Материалы научно практической конференции Дни науки 2014 МГИМО (У) МИД России “Современные аспекты международной безопасности”. Москва, 09.04.2014 г. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=av5Y8levI24> (дата обращения: 16.03.2023).

confusion)³⁷². Несмотря на то, что фейки могут быть низкого качества и легко разоблачаться, они выполняют свою главную задачу – произвести шоковый эффект замешательства. Сама постановка вопроса, фейковой является новость или нет, создает этот эффект. Кроме того, его усиливает разоблачение фейковой информации, в ходе которого выдвигаются различные мнения и версии, еще больше запутывающие ситуацию. Массированные потоки фейковой информации создают у аудитории состояние смятения и растерянности, недоверия ни к одному источнику информации.

Еще одной технологией когнитивной войны являются «манипулятивные санкции»³⁷³. Как правило, они направлены на конкретную целевую аудиторию, учитывают ее потребности и установки и лишают ее самого важного. Например, «цифровые санкции» были направлены прежде всего на политически активный средний класс, который более других слоев пользуется онлайн-услугами, сервисами и социальными сетями, покупает новые гаджеты, а также работает в иностранных IT-компаниях. Уход иных компаний и брендов направлен и на средний класс, и на квалифицированных рабочих, которые как правило трудились на производствах либо иностранных компаний, либо с высоким процентом использования иностранных компонентов. Так, создается вероятность того, что люди будут обвинять собственное правительство в разрушении их привычного уклада жизни.

Также методы когнитивной войны используются для распространения экстремистских и антиправительственных убеждений. Такое влияние осуществляется на уровне локальных групп с помощью самых современных технологий таргетинга³⁷⁴.

Таким образом, специальная военная операция на Украине стала драйвером перехода ГИП РФ от преимущественно реактивной к ограниченно-проактивной модели. Это стало возможным благодаря созданию и автономной

³⁷² Fall 2020 Cognitive Warfare: an attack on truth and thought // NATO Innovation Hub [Электронный ресурс]. URL: <https://www.innovationhub-act.org/sites/default/files/2021-03/Cognitive%20Warfare.pdf> (дата обращения: 04.02.2023).

³⁷³ Там же.

³⁷⁴ Там же.

работе сети «военкоров», нормативным и регуляторным мерам превентивного характера, масштабирования использования ИИ, развитию национальных платформ, совершенствованию технологической инфраструктуры, а также мерам по когнитивно-социокультурной обороне.

3.4. Проблемы и перспективы государственной информационной политики Российской Федерации

Условия, в которых функционирует государственная информационная политика Российской Федерации, ее концептуальные основы и особенности практики реализации позволяют выявить ее проблемы и перспективы.

Государственная информационная политика Российской Федерации реализуется в крайне рискогенной среде. На глобальном уровне возникновение новых вызовов и угроз связано с эрозией неолиберальных институтов глобализации. Это проявляется в «деглобализации», снижении эффективности глобальных институтов, обострении социальных противоречий, неустойчивости социальных и государственных институтов. На социокультурном уровне происходит трансформация фундаментальных норм. Настолько глубокие изменения актуализируют угрозу социальной травмы общества и вхождение общества в состояние социальной и культурной травмы, причем не только внутри страны, но и в масштабах всего мира. Данное состояние может стать причиной возникновения и усиления социокультурных угроз – аномии, дезинтеграции, атомизации, культурной травмы, дефициту солидарности, дезориентации, кризису идентичности и др. Кроме того, такое состояние общества и связанные с ним социокультурные риски делают его уязвимым перед манипуляциями различных политических акторов (в том числе популистской направленности), экстремистских организаций, «мягкой силы» иностранных государств и иных субъектов мировой политики. Данные риски лежат в социокультурной и информационной сфере, однако они в свою

очередь формируют широкий спектр угроз национальной безопасности, которыми могут быть возрастание социального напряжения и неконтролируемой протестной активности, политический кризис, межгрупповые социальные конфликты, рост насилия, вооруженная борьба за власть, терроризм, рост преступности, гражданская война, попадание страны под внешнее управление, утрата суверенитета и территориальной целостности и др. В этих обстоятельствах Россия находится в особо сложном положении, т.к. полностью не преодолев предыдущий социокультурный кризис, вступает в новый. Эти обстоятельства перемещают государственную информационную политику в центр системы обеспечения национальной безопасности и выдвигают требования поиска средств защиты, повышенной готовности и эффективности, напряженной работы и межведомственного взаимодействия.

С другой стороны, наступающий кризис открывает новые масштабные возможности для трансформации глобального информационно-коммуникационного пространства. Нынешний статус-кво представляет собой информационное неравенство и культурную гегемонию стран капиталистического ядра. Кризис создает широкие возможности для «аутсайдеров» данной системы для эффективной конкуренции и изменения «правил игры». В таких условиях у России появляется возможность продвижения альтернативной повестки.

Новые вызовы для государственной информационной политики составляют также структурные социальные трансформации, связанные с цифровизацией общества. Повышение роли информации и средств коммуникации как ресурса, формирование глобального информационного пространства, медиатизация и виртуализация социальных отношений, вытеснение традиционных коммуникаций сетевыми, изменение агентов социализации и другое. Это меняет не только структуру коммуникации, но и всех социальных отношений. Ее центральными узлами становятся платформы, их алгоритмы и искусственный интеллект как «операционная система» работы алгоритмов. Это помещает ГИП в принципиально новые условия, которые

формируют потребность в соответствующем изменении норм и практики регулирования информационного пространства. Способность адаптации и стратегического планирования в новых условиях становится одним из ключевых факторов эффективности ГИП.

Кризисные трансформации общества «развитого модерна», глобальная экономическая рецессия, «деглобализация», снижение эффективности глобальных институтов проявляют себя в обострении социальных противоречий в развитых странах, увеличении протестной активности и политического насилия, началу борьбы за новый миропорядок.

Рост социальных противоречий, усиление нестабильности и увеличение протестной активности в развитых странах, включая США, Великобританию и Евросоюз открывают новые возможности для российской информационной политики на внешнем контуре. Поляризация общественного сознания и рост недовольства правительствами в западных странах облегчает процесс информационного воздействия на целевую аудиторию, «игры на противоречиях» и продвижение российской позиции в инфополе. В свою очередь успешное информационно-психологическое воздействие на западное общество может стать эффективным рычагом давления в реализации национальных интересов Российской Федерации на международной арене. Кроме того, внутренние проблемы смещают фокус внимания политического истеблишмента «коллективного Запада» на внутренние проблемы, при этом ослабляя внимание к странам «периферии», что дает пространство для реализации ГИП РФ внутри страны, а также в ближнем и дальнем зарубежье. Однако в то же время рост нестабильности в развитых странах усиливает общемировую турбулентность и создает вызовы и угрозы национальной безопасности России.

Рост политического насилия и нестабильности в странах периферии и полупериферии увеличивает риски государственных переворотов, прихода к власти радикальных и экстремистских политических сил. Особую угрозу представляют террористические формирования, которые показали свою

состоятельность в информационно-психологическом воздействии на отдельные группы и вербовку сторонников по всему миру через социальные сети и другие цифровые коммуникации. Данное обстоятельство актуализирует для ГИП РФ задачу профилактики экстремизма. Усиление влияния радикальных формирований может привести к более активному информационно-психологическому воздействию на граждан России и граждан ближнего зарубежья.

Рост международной турбулентности также связан с увеличением локальных и региональных вооруженных конфликтов, в которых стороны ведут в том числе и информационное противоборство. Россия как один из ведущих субъектов мировой политики не может быть изолирована от этих процессов. Поэтому одной из главных задач ГИП РФ в настоящее время и в ближайшем будущем должна стать выработка наиболее современных и эффективных методов информационного управления вооруженными политическими конфликтами в целях реализации национальных интересов.

Новая турбулентность становится источником институциональных (монополизация Big Tech, StratCom), технологических (борьба за информационные chokepoints), коммуникационных (дипфейки, сетевая пропаганда), когнитивно-социокультурных (разрыв доверия, ценностная и политико-идеологическая поляризация) угроз безопасности. При этом, наиболее существенными из них становятся когнитивно-социокультурные угрозы. Они «ослабляют» общество перед использованием современных методов и технологий информационного воздействия, что снижает эффективность иных мер обеспечения информационной безопасности. И наоборот когнитивно-социокультурная «вакцина» повышает сопротивляемость общества к таким технологиям, даже при наличии институциональных, технологических и коммуникационных уязвимостей. Это предполагает формирование прочной информационной защиты государства в первую очередь на когнитивно-социокультурном фундаменте в сочетании с остальными видами мер по обеспечению информационной безопасности. Така

система позволяет не только своевременно выявлять и ликвидировать угрозы, но и предотвращать их.

В случае обеспечения информационной безопасности России следует учитывать сложное состояние российского общества, вызванное последствиями «культурной травмы», что еще раз выдвигает на первый план потребность в когнитивно-социокультурной защите, которая заключается в повышении доверия к институтам, ценностной интеграции, формировании устойчивой идентичности и др.

На доктринальном уровне ГИП РФ носит преимущественно реактивный характер, однако относительно оперативно имплементируют новые термины в соответствии с последними тенденциями трансформации новых вызовов и гроз. В Российской Федерации отсутствует проактивная стратегия информационной политики и ее создание является значимой перспективой.

Создание новых отдельных официальных структур ГИП РФ отражает рост ее специализации и многоуровневости. Рост комплексности ГИП, вызванный современными условиями ее функционирования, формирует у государства потребность в создании специальных центров по стратегическим коммуникациям. Создание такого центра в России становится существенной «точкой роста» для ГИП РФ.

Новая нормативная база, правоприменительная практика, а также совершенствование технических средств мониторинга и блокировок формируют российскую оперативную и высокотехнологическую систему фильтрации контента. Это позволяет более эффективно защищаться от угроз дипфейков, сетевой пропаганды, увеличить контроль над информационными chokepoints, а также обеспечивать защищенность критической информационной инфраструктуры. Кроме того, развитие национальных платформ и экосистем позволяет государству создать собственные сети и получить «ключ от ворот» входа. Однако все эти меры ограничены необходимостью конкуренции с высокотехнологичными и влиятельными глобальными монополиями Big Tech, что ставит не только Россию, но и ряд

иных государств в определенную степень технологической и коммуникационной зависимости от ведущих компаний и государств, с которыми они аффилированы.

Сетевые структуры делают ГИПФ РФ более гибкой и оперативной, позволяют на постоянной основе реализовывать технологию «grassroots», однако они также отличаются анархичностью и рассогласованностью. Кроме того, замкнутость сетей на отдельных ведомствах и формирование вертикальных функциональных структур ведет к потере координации и утрате контроля в отдельные критические моменты и при возникновении серьезных угроз национальной безопасности в информационной сфере. Способом усиления координации может стать создание центрального узла сети госкоммуникаций – национального центра стратегических коммуникаций с «межведомственным мандатом», который бы занимался мониторингом, выявлением и тестированием вызовов и угроз, а также координировал действия госструктур и обнаруживал «узкие места» ГИП РФ.

Новые технологии, используемые ГИП РФ («рутинизация», «множественная переадресация», внедрение искусственного интеллекта, VR и AR форматы коммуникаций, проведение событийно-массовых мероприятий) повышает защищенность в информационной сфере, однако данные технологии и форматы пока не получили широкого распространения, и их масштабирование может стать актуальной перспективой для ГИП РФ в целях обеспечения национальной безопасности.

Наиболее уязвимым местом информационной безопасности России является когнитивно-социокультурная сфера. В то время как наиболее значимыми глобальными угрозами являются когнитивно-социокультурные риски (разрыв доверия, ценностная и политико-идеологическая поляризация), а российское общество еще не преодолело последствия «культурной травмы», ГИП РФ транслирует нарративы из разных идеологических дискурсов, которые не формируют единой непротиворечивой системы. Это снижает

эффективность нормативного регулирования, системы фильтрации контента и коммуникаций государства с обществом.

Специальная военная операция на Украине стала драйвером перехода ГИП РФ от реактивной модели к ограниченно-проактивной. Совершенствование законодательной базы, технологий, национальных платформ и организации ГИП усилили информационную защиту России, а автономные действия «военкоров» позволили проводить более активную политику в инфополе. Однако серьезными угрозами остались децентрализованный киберактивизм, давление глобальных платформ, стратегемы когнитивной войны, а также сохранение рассогласованности и реактивности сетей.

Наиболее перспективными «точками роста» ГИП РФ, таким образом, могут стать развитие информационных технологий и искусственного интеллекта; повышение конкурентоспособности национальных платформ, как внутри страны, так и за рубежом; масштабирование новых методов и технологий коммуникации государства и общества; социокультурная интеграция общества.

Кроме того, в целях решения задач государственной информационной политики Российской Федерации представляется перспективным создание национального центра стратегических коммуникаций. Такое ведомство могло бы стать «мозговым центром» выработки и реализации стратегии и программ в сфере информационной безопасности. Если такой центр будет создан, то ему необходимо сочетать иерархические и сетевые методы управления. Централизация и иерархия позволит на должном уровне обеспечивать межведомственное взаимодействие и координировать работу разных структур для реализации необходимых целей задач. Сетевые методы позволят таргетировано и эффективно воздействовать на разные целевые аудитории и гибко приспосабливаться к быстро меняющимся условиям. Одной из главных целей центра станет выработка методов и технологий противодействия новым вызовам и угрозам безопасности.

Кроме того, для противодействия новым вызовам и угрозам представляется целесообразным формирование стратегии обеспечения информационной безопасности. Предлагается включить в нее четыре направления: внутреннее, приграничное, международное и глобальное. Такое разделение обусловлено тем, что данный вариант подразумевает поэтапную реализацию от первого направления к четвертому. Разумеется, стратегия предполагает одновременную деятельность по всем четырем направлениям, однако поэтапная концентрация ресурсов создаст плацдарм и облегчит достижение целей на последующем направлении.

В первую очередь предлагается сконцентрировать ресурсы государственной информационной политики на решении внутренних задач. В силу описанных выше сложностей и тенденций динамики общественного сознания россиян, в том числе непреодоленной культурной травмы, возникает необходимость нейтрализации вызовов и угроз, вызванных этими процессами в первую очередь. Кроме того, с входом глобального кризиса в активную фазу Россия как полупериферийное государство с внутренними социокультурными и экономическими проблемами находится в зоне риска и уязвимом положении. Государство имеет уже определенный фундамент (СМИ, национальные платформы, система сетевых коммуникаций, технологическая обеспеченность, в том числе, автономное функционирование российского сегмента интернета и др.). Это позволит снизить риски политической нестабильности, дезорганизации управления, социальных конфликтов, общественного раскола, а также выработать и апробировать эффективные формы, методы и технологии противодействия новым вызовам и угрозам, сформировать «надежный тыл».

Важными задачами ГИП РФ на внутреннем контуре представляются:

- на социокультурном уровне – формирование набора фундаментальных ценностей и культурных норм с конкретным содержанием, разделяемых абсолютным большинством россиян;

- на концептуальном уровне – формирование основанного на данных ценностях проекта общественно-политического устройства, с внятным и понятным образом будущего и конкретными стратегическими целями;
- на коммуникационном и информационном уровне – переход от модели вертикальных коммуникаций с обществом и практически «ручного режима» регулирования информационного пространства к диалоговой модели – горизонтальной (равноправной) коммуникации власти и общества, включению большего количества гражданских структур и контрагентов в обсуждение значимых вопросов повестки; выстраивание партнерских доверительных отношений с различными социальными группами и другое. Представляется, что такой переход должен быть постепенным во избежание раскола общества, политического кризиса и потери управляемости. Соответственно с постепенным расширением дискурсивных рамок;
- на технологическом уровне – развитие IT-отрасли способной конкурировать с глобальными корпорациями не только российском, но и на международном рынке.

После достижения ключевых задач по информационной защите российского общества ресурсы ГИП РФ могут быть сконцентрированы на ближнем зарубежье. Необходимость этого вызвана имеющимися локальными конфликтами по периметру российских границ, попытками западных государств организовать смену политических режимов в странах ближнего зарубежья, а также вербовку международными террористическими группами сторонников в странах СНГ. Также, отечественные социальные сети, онлайн-платформы и другие средства коммуникации пользуются гораздо большей популярностью на постсоветском пространстве, чем в остальном мире. Облегчает задачи ГИП на этом направлении культурная близость и общий исторический опыт. Основными задачами на этом направлении могут стать:

- продвижение сформированных ценностей через продукты культуры с помощью современных каналов коммуникации (онлайн-кинотеатров, музыкальных платформ и др.);
- продвижение привлекательного образа сформированного общественно-политического проекта России;
- выстраивание сетевых коммуникаций непосредственно с населением и социальными общностями в ближнем зарубежье;
- выход и продвижение российских IT-продуктов на рынках постсоветского пространства.

Обеспечение информационной безопасности России и приграничных территорий позволяет более активно проводить стратегические и тактические информационные операции в международном информационном пространстве. Они могут проводиться как в дружественных государствах для их защиты от информационной агрессии, так и в недружественных в целях реализации национальных интересов и противодействия методам и технологиям когнитивной войны. На этом направлении у России уже сформирована сеть каналов коммуникации, которую возможно расширить. Здесь также стоит продвигать российскую культурную продукцию, позитивный образ российского общественно-политического проекта, стремления к сотрудничеству, выстраивание коммуникаций непосредственно с социальными группами. На данный момент российская сеть коммуникаций не может конкурировать с ресурсами и влиянием глобальных СМИ, а ее контент имеет мало влияния на зарубежную аудиторию. Однако с углублением глобального кризиса возможно уменьшение влияния глобальных СМИ и неолиберальной идеологии в целом, что позволит российским нарративам возыметь больший эффект, а также расширятся возможности для акцентирования внимания на объективных социально-экономических противоречиях, с которыми столкнутся западные страны.

Реализация целей и задач на предыдущих двух направлениях, а также спад гегемонии глобальных IT-корпораций позволяют активно перейти к

формированию системы коллективной международной информационной безопасности путем организации широкого и равноправного диалога между государствами вне зависимости от степени их влияния в глобальном информационном пространстве.

В целом, государственная информационная политика на сегодняшний день сталкивается с серьезными вызовами, которые обусловлены как внешними условиями, так и ее внутренними особенностями. Вместе эти факторы создают новые масштабные вызовы и угрозы, которые требуют соответствующего ответа на системном уровне. С другой стороны, эти же тенденции открывают и серьезные возможности для организации системы национальной информационной безопасности и реализации национальных интересов. Современная государственная информационная политика Российской Федерации имеет потенциал, чтобы воспользоваться этими возможностями.

Выводы по Главе III

1. Новые концептуальные основы государственной информационной политики Российской Федерации уделяют значительно большее внимание обеспечению информационной безопасности. С 2015 года ГИП РФ эффективно имплементирует новые термины, отражающие современные тенденции в изменении вызовов и угроз в информационной сфере. В частности, в 2022-2025 гг. существенно усилился культурно-ценностный блок безопасности. Однако, принцип формирования стратегических документов остается преимущественно реактивным (реагирующим на изменения среды с временным лагом). В настоящее время в Российской Федерации отсутствует официальный документ проактивной стратегии ГИП.

2. Одним из основных инструментов реализации ГИП РФ становится «адресная доставка» сообщений через сети, узлами которых становятся «лидеры мнений» - блогеры, специальные, военные корреспонденты, «нюсмейкеры», представители экспертных сообществ, объединенные в формально самоуправляемые сетевые структуры. Это позволяет эффективно доносить сообщения до каждого конкретного пользователя, используя для воздействия на общество технологии «grassroots»; при этом используется высокий уровень доверия граждан к данным категориям нюсмейкеров, основанный на политическом мифе о том, что именно они обладают самой свежей и оперативной информацией «на местах» и являются относительно независимыми от государства. Сети, как правило, замыкаются на конкретное министерство или ведомство и продвигают, в первую очередь, его повестку, часто игнорируя интересы «конкурирующих» госструктур и даже вступая с

ними в конфликты; вся совокупность таких сетей нередко действует рассогласованно, представляя собой анархичную среду, и в отдельные критические моменты может выходить из-под контроля государства.

3. Государство выстраивает отношения с сетями по принципу директивного управления, патрон-клиентской и центрально-периферийной моделей (с преобладанием модели первого типа). Со временем эти модели трансформируются в технократическую модель информационной политики – в «вертикальные функциональные структуры» отдельных ведомств и подотчетных им сеток (модель, по своей структуре и принципам функционирования аналогичная «Picket-fence» в федерализме), возникающие в том случае, если партнерские связи власти и СМИ замещаются вертикальными производственными связями между чиновниками федеральных ведомств и лидерами общественного мнения, управляющими собственными сетками информационных каналов и «новыми медиа».

4. ГИП РФ использует новые технологии «рутинизации» и «переадресации». Первая технология заключается в дозированной и ритмичной подаче информации, что формирует у потребителей информации привычку, стимулируя их в определенные моменты времени ожидать новую порцию информации. Технология «множественной переадресации» предполагает вместо ответа на острый вопрос обращение к официальным представителям другого министерства или ведомства, в компетенции которого он находится. После нескольких переадресаций граждане, как правило, утрачивают интерес к самому вопросу и переключаются на другие информационные поводы. Кроме того, ГИП РФ использует новые форматы коммуникации с применением современных технологий. Однако на социокультурном уровне ГИП транслирует набор нарративов из разных дискурсов (консервативного, националистического, советского, либерально-демократического), которые не объединяются единой системой фундаментальных норм и ценностей. Отсутствие прочной социокультурной матрицы, резонирующей с «культурными кодами» аудиторий, снижает

функциональность блокировок и коммуникации, создает идеологический «вакуум», создающий условия для воздействия деструктивных нарративов.

5. Специальная военная операция на Украине стала важным механизмом развития государственной информационной политики Российской Федерации. В условиях конфликта в рамках ГИП РФ внедрены новые нормативные (Федеральный закон от 21.04.2025 N 90-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и статью 31 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации»), технологические («цифровой суверенитет», ИИ-мониторинг), коммуникационные (развитие платформ) и когнитивные (медиаобразование, воспитание патриотизма, массовые культурные проекты) меры, в результате чего ГИП перешла от преимущественно реактивной модели к ограниченно-проактивной. Однако социокультурные факторы, децентрализованный кибер-активизм, deepfake-атаки, сохраняющееся влияние глобальных технологических корпораций и платформ еще создают существенные барьеры для реализации ГИП в интересах обеспечения национальной безопасности.

6. Государственная информационная политика России функционирует в условиях развития глобального кризиса и риска возникновения «общества травмы». Такое состояние создает информационные, социокультурные риски и угрозы, которые в свою очередь формируют серьезные угрозы всей национальной безопасности. В таких условиях ГИП становится ключевым инструментом преодоления кризиса. Также, международная турбулентность, структурные изменения информационного пространства и совершенствование форм, методов и технологий информационной борьбы являются источником новых комплексных вызовов и угроз информационной безопасности. Кроме того, после 90-х годов прошлого века Россия не преодолела последствия «культурной травмы», в общественном мнении и сознании сохраняются значимые противоречия. Наконец, перспективы, которые создает глобальный кризис, ослабляя прежнюю систему информационного доминирования западных стран, делает ГИП одним из ключевых инструментов реализации

национальных интересов. Меры вводимые ГИП РФ позволяют говорить о некоторой степени защищенности на технологическом, коммуникационном и институциональном уровне информационной безопасности, однако их функциональность снижается за счет интенсификации когнитивно-социокультурных угроз и отсутствии единого социокультурного нарратива, транслируемого ГИП РФ.

Заключение

Информационная сфера всегда была полем конкуренции политических акторов, а коммуникация – одним из ключевых механизмов власти, которая опиралась не только на принуждение, но и на убеждение. С развитием средств массовой информации (печати, радио, телевидения, интернета) различные субъекты политики, в том числе государство, все больше используют коммуникацию с массами, «пропаганду», «связи с общественностью» для легитимации и борьбы за власть, эволюционируют методы и технологии влияния на общественное сознание. В XXI веке государственная информационная политика эволюционировала в сложный и многоаспектный феномен, а информационная сфера стала одной из ведущих в обществе.

Главным образом это вызвано развитием цифровых технологий, а также способами их применения. Как и деятельности государства в других сферах ГИП присущи внутренняя гетерогенность и влияние на процесс принятия решений групп интересов, сетевых коалиций и других факторов.

С развитием технологий деятельность государства в информационной сфере стала приобретать более системный и всеохватный характер. Прогресс информационно-коммуникационных технологий шел параллельно с эволюцией форм, методов и технологий политического управления, воздействия на общественное сознание и общественное мнение. Постепенно это становилось одним из главных механизмов власти. Сегодняшние процессы платформатизации и развития искусственного интеллекта лишь актуализируют эту тенденцию, одновременно формируя для ГИП новые

вызовы. Таким образом, государственной информационной политикой является относительно системная и скоординированная деятельность государства на всех вышеупомянутых уровнях по артикуляции своих интересов путем всех типов воздействия (формирования, преобразования, хранения, передачи) на все виды информации.

Все многообразие ГИП можно разделить на несколько уровней – технологический (средства передачи информации), коммуникационный (процесс движения информации), информационный (содержание сообщений), интерпретационный (интерпретация информации), психологический (психологические эффекты), концептуальный (политические и идеологические концепты), социокультурный (нормы, ценности, представления и др.).

Отдельного внимания заслуживает социокультурное измерение государственной информационной политики, которое лежит в основе и формирует всю информационную сферу. Социокультурная сфера является формообразующей для всего информационного пространства и, в частности, для ГИП, т.к. формирует социальный порядок, пространство коммуникаций и властные отношения в обществе. Социокультурное измерение ГИП представляет собой пространство конкуренции субъектов политики (одним из которых является государство) посредством сохранения или трансформации фундаментальных общественных правил, норм, ценностей и представлений в целях реализации своих интересов. Именно социокультурное измерение госинформполитики оказывает косвенное, незаметное влияние на восприятие социальной реальности, т.к. касается фундаментальных норм, ценностей и представлений человека.

Особое значение ГИП приобретает в контексте обеспечения национальной безопасности. Уже упомянутое развитие цифровых технологий, а следовательно, и тех возможностей, которые они предоставляют для политического влияния и манипуляции общественным мнением без применения прямого физического насилия, привели к большему смещению политического и военного противостояния и, следовательно, рисков и угроз в

информационную сферу. Исходя из этого, изменились и представления о национальной безопасности, ее вопросы стали охватывать все больше сфер человеческой жизни. Информационное воздействие на противника перестало выполнять сервисную роль по отношению к силовым военным операциям, в ряде случаев пропорция обратная. Значительно изменилась форма войны. Ее территориальные и временные рамки сегодня достаточно размыты, по сути, военные действия «невоенными» средствами могут вестись перманентно и в них оказывается включено все общество. Методы и технологии ведения войн стали более сложными и комбинированными и имеют целью не столько нанесение физического ущерба противнику, сколько подчинение его своей воле, поэтому ведущим элементом современной войны стала когнитивная борьба.

Таким образом, процессы создания, хранения и передачи информации на сегодняшний день становятся вопросами национальной безопасности, т.к. информационные риски и угрозы могут приводить к вполне реальным, ощутимым последствиям – насильственной смене политического режима, гражданской войне, нарастанию социального напряжения и возникновению социальных конфликтов, терактам, утрате государством суверенитета и целостности.

На сегодняшний день ГИП РФ функционирует в условиях мира, который активно входит в фазу глубоких изменений. Классические институты общества модерна и капитализма в современном виде так или иначе постепенно утрачивают свою эффективность, наблюдается эрозия неолиберальных институтов глобализации, и мир входит в переходное состояние неопределенности, которое увеличивает как риски и угрозы безопасности. В силу кардинальной трансформации фундаментальных институтов новые вызовы возникают прежде всего в информационной и социокультурной сферах. В свою очередь они порождают широкий спектр угроз безопасности – дезинтеграцию и дезорганизацию общества, дезориентированность, рост насилия и социальных конфликтов, влияния

экстремистских и террористических организаций и др. Это обуславливает одну из центральных ролей ГИП в защите от новых рисков и угроз и выходу из кризиса. Представляется, что мир сегодня переходит в кардинально новую стадию своего развития, его изменения будут глубокими и масштабными, чтократно увеличит генерирование рисков.

В международной среде глобальный кризис проявляется как в усилении социально-экономических противоречий внутри стран, так и в обострении борьбы за новый миропорядок. Учитывая, современные формы и способы управления политическими конфликтами и ведения войн, это также ведет к возрастанию угроз информационной безопасности. Кроме того, в силу структурных трансформаций информационного пространства и развития форм, методов и технологий информационного противоборства, можно наблюдать возникновение новых рисков и угроз безопасности в информационной сфере.

Новые вызовы и угрозы преимущественно концентрируются в когнитивно-социокультурной сфере, однако значительная степень концентрации технологических и цифровых ресурсов в руках глобальных Big Tech монополий, генерируемые нейросетями дипфейки, сетевая пропаганда, деятельность центров стратегических коммуникаций также представляют существенную угрозу в современных условиях. Когнитивно-социокультурные риски в силу их фундаментальной природы по отношению к информационному пространству ослабляют нормативные, технологические и коммуникационные меры безопасности. В случае России представляется возможным говорить о сочетании непреодоленных последствий «культурной травмы» и кризиса глобальных институтов, что еще раз актуализирует центральное значение ГИП в обеспечении безопасности.

Результаты исследования показали, что ГИП РФ реализуется не столько единой «вертикалью», сколько разветвленной сетевой структурой. С развитием социальных сетей государство все больше вовлекалось в процессы горизонтальных коммуникаций. Оно начало развивать собственные

платформы, создавать официальные аккаунты, стараться монополизировать социальные сети. Вокруг отдельных ведомств сформировались «пулы» ЛОМов/блогеров, которые взяли на себя функцию «адресной доставки» сообщений власти, адаптируя их под конкретную аудиторию, стала использоваться технология «grassroots». Одновременно с этим они сформировали анархичную среду коммуникаций, зачастую, игнорируя интересы «генеральной линии» ГИП, «конкурирующих» структур и даже ведомств, с которыми аффилированы. В отдельные критичные моменты это приводит к значительной степени рассогласованности и утрате контроля со стороны государства. Выстраивание государством отношений с сетями в рамках директивной, патрон-клиентской и центрально-периферийной моделей привело к формированию «вертикальных функциональных структур» (аналогичных с «Picket-fence» федерализмом) с заменой партнерских связей на вертикальные производственные цепочки, которые реализуют прежде всего собственную информационную стратегию конкретного ведомства или группы интересов.

Параллельно в практике ГИП РФ возникают новые политические технологии и формы коммуникации. Это «рутинизация», «множественная переадресация», VR и AR форматы, «событийно-массовые мегапроекты». Также совершенствуется законодательство и технологический базис ГИП РФ. Однако на социокультурном уровне продолжается трансляция нарративов из разных дискурсов, которые не формируют единой системы фундаментальных социокультурных норм и ценностей.

Таким образом, новые практики ГИП РФ соответствуют тенденциям трансформации новых вызовов и угроз, однако «узкое место» когнитивно-социокультурной защиты снижает их функциональность.

Специальная военная операция на Украине стала импульсом перехода от реактивной к ограниченно-проактивной модели ГИП. Наиболее значимым в этом процессе стала автономная работа «военкоров», взявших на себя функцию не только адаптации, но и дополнения госнарративов, оперативной

реации на быстро меняющиеся условия и «обратной связи», а также масштабирование использования ИИ, развитие национальных платформ и реализация массовых культурных и медиаобразовательных проектов для повышения когнитивно-социокультурной защиты общества. Однако монополизация Big Tech, концентрация значительной доли технологических и информационных ресурсов в руках «коллективного Запада», децентрализованный киберактивизм, сохраняющаяся рассогласованность сетевых коммуникаций и отсутствие устойчивой социокультурной матрицы все еще представляют существенную угрозу национальной безопасности России.

Для повышения информационной защищенности общества автором предложено создание в Российской Федерации национального центра стратегических коммуникаций, который бы обладал «межведомственным мандатом», координируя деятельность сетей, выявляя и тестируя угрозы; а также проактивной стратегии информационной политики, заключающейся в поэтапной концентрации ресурсов от стабилизации внутреннего информационного пространства к проведению информационных операций и формированию коллективной системы информационной безопасности.

В целом, представляется, что роль государственной информационной политики как инструмента обеспечения национальной безопасности будет только возрастать. Для Российской Федерации это формирует потребность не только в своевременном реагировании на новые вызовы и угрозы, но и создание устойчивой системы по их превентивной ликвидации «на дальних рубежах».

Библиография

Официальные документы и нормативные акты

1. Конвенция об обеспечении международной информационной безопасности (концепция). URL: <http://www.scrf.gov.ru/security/information/document112/> (дата_обращения: 13.01.2022).
2. Российская Федерация. Законы. Военная доктрина Российской Федерации (утв. Президентом Российской Федерации 25 декабря 2014 года N Пр-2976).
3. Российская Федерация. Законы. Концепция внешней политики Российской Федерации: Указ Президента Российской Федерации от 31 марта 2023 года N 229.
4. Российская Федерация. Законы. О внесении изменений в Закон Российской Федерации о средствах массовой информации" и Федеральный закон "Об информации, информационных технологиях и о защите информации": Федеральный закон от 2 декабря 2019 года N 426-ФЗ.
5. Российская Федерация. Законы. О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации: Федеральный закон от 2 декабря 2019 года N 405-ФЗ.
6. Российская Федерация. Законы. О внесении изменений в статью 15.3 Федерального закона «Об информации, информационных технологиях и

о защите информации»: Федеральный закон от 18 марта 2019 года N 31-ФЗ; Российская Федерация. Законы. О внесении изменений в Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях: Федеральный закон от 18 марта 2019 года N 28-ФЗ.

7. Российская Федерация. Законы. О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации: Федеральный закон от 18 марта 2022 года N 58-ФЗ.
8. Российская Федерация. Законы. О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и статьи 31 и 151 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации: Федеральный закон от 4 марта 2022 года N 32-ФЗ.
9. Российская Федерация. Законы. О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и статью 151 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации: Федеральный закон от 28 апреля 2023 года N 157-ФЗ.
10. Российская Федерация. Законы. О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и статью 31 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации: Федеральный закон от 21 апреля 2025 года N 90-ФЗ.
11. Российская Федерация. Законы. О внесении изменений в Федеральный закон «О связи» и Федеральный закон «Об информации, информационных технологиях и о защите информации»: Федеральный закон от 1 мая 2019 года N 90-ФЗ.
12. Российская Федерация. Законы. О внесении изменения в Федеральный закон "Об информации, информационных технологиях и о защите информации": Федеральный закон от 1 июля 2021 года N 260-ФЗ.
13. Российская Федерация. Законы. О деятельности иностранных лиц в информационно телекоммуникационной сети "Интернет" на территории Российской Федерации: Федеральный закон от 1 июля 2021 года N 236-ФЗ.

14. Российская Федерация. Законы. О контроле за деятельностью лиц, находящихся под иностранным влиянием: Федеральный закон от 14 июля 2022 года N 255-ФЗ.
15. Российская Федерация. Законы. О средствах массовой информации: Федеральный закон Российской Федерации от 27 декабря 1991 года (ред. от 01.03.2020) N 2124-1.
16. Российская Федерация. Законы. О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации: Указ Президента Российской Федерации от 2 июля 2021 года N 400.
17. Российская Федерация. Законы. О федеральном бюджете на 2021 год и на плановый период 2022 и 2023 годов: Федеральный закон от 8 декабря 2020 года N 385-ФЗ.
18. Российская Федерация. Законы. Об утверждении Доктрины информационной безопасности Российской Федерации: Указ Президента Российской Федерации от 5 декабря 2016 года N 646.
19. Российская Федерация. Законы. Об утверждении Основ государственной политики Российской Федерации в области международной информационной безопасности: Указ Президента Российской Федерации от 12 апреля 2021 года N 213.
20. Российская Федерация. Президент. Указ Президента РФ от 09.11.2022 № 809 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей». URL: <https://www.kremlin.ru/acts/bank/48502> (дата обращения: 29.05.2025).
21. National Security Strategy of the United States of America, 2017 // The White House, December 18, 2017. URL: <https://www.whitehouse.gov/wp-content/uploads/2017/12/NSS-Final-12-18-2017-0905-2.pdf> (дата обращения: 31.05.2025).
22. National Security Strategy of the United States of America, 2022 // The White House, October 12, 2022 URL: <https://www.whitehouse.gov/wp->

content/uploads/2022/10/Biden-Harris-Administrations-National-Security-Strategy-10.2022.pdf (дата обращения: 15.02.2023).

Научные монографии и справочники

23. «Гибридные войны» в хаотизирующемся мире XXI века / Под редакцией П.А. Цыганкова / В. А. Ачкасов, В. К. Белозёров, А. В. Будаев и др. Издательство Московского университета Москва, 2015. – 384 с.
24. «Деглобализация»: кризис неолиберализма и движение к новому миропорядку». [Электронный ресурс] // «Научная лаборатория современной политэкономии». URL: https://www.researchgate.net/publication/350878182_DEGLOBALIZACIA_KRIZIS_NEOLIBERALIZMA_I_DVIZENIE_K_NOVOMU_MIROPORADKU (дата обращения: 29.01.2023)
25. Байрамов В.Д., Мрочко Л.В., Ницевич В.Ф., Судоргин О.А. Информационная политика в современном обществе: монография / под ред. В. Ф. Ницевича [2-е изд., перераб. и доп.]. М.: МГГЭУ, 2018. – 167 с.
26. Бауман З. Текучая современность. СПб: Питер, 2008. – 240 с.
27. Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания. М.: Медиум, 1995. – 323 с.
28. Богомолов В.О. Проблемы выработки и реализации информационной политики в современной России. М.: ИИП, ФГОУ РАКО АПК, 2008. – 155 с.
29. Бодрийяр, Ж. Симулякры и симуляция. Тула, 2013. – 204 с.
30. Бурдье П. Социология социального пространства / Пер. с франц.; отв. ред. перевода Н. А. Шматко. М.: Институт экспериментальной социологии; Спб.: Алетейя. 2007. – 288 с.
31. Вебер М. Протестантская этика и дух капитализма. Протестантские секты и дух капитализма // Вебер М. Избранные произведения. М.: Прогресс. 1990. – 808 с.

32. *Возжеников А.В.* Парадигма национальной безопасности реформирующейся России. 2000. – 358 с.
33. *Володенков С.В.* Интернет-коммуникации в глобальном пространстве современного политического управления. Проспект Москва, 2018. – 272 с.
34. *Гидденс Э.* Ускользающий мир. Как глобализация меняет нашу жизнь. М.: Весь мир, 2004. – 120 с.
35. Глобальный правый бунт: трампизм и его база / К. О. Телин, О. Н. Барабанов, Д. В. Ефременко и др. // *Доклады Валдайского дискуссионного клуба*. 2017.
36. Государственная политика и управление: учебное пособие для вузов / Е. В. Андрюшина, А. Н. Бордовских, Н. С. Григорьева [и др.]; под редакцией А. И. Соловьев. Москва: Аспект Пресс, 2018. - 480 с.
37. *Гофман Э.* Анализ фреймов: эссе об организации повседневного опыта: Пер. с англ. / Под ред. Г. С. Батыгина и Л. А. Козловой; вступит. статья Г.С. Батыгина. М.: Институт социологии РАН, 2003. – 752 с.
38. *Грамини А.* Тюремные тетради. В 3 ч. Ч. I. Пер. с ит. М., Политиздат, 1991. – 560 с.
39. *Грачев М.Н.* Политическая коммуникация: теоретические концепции, модели, векторы развития. М.: Прометей, 2004. – 328 с.
40. Динамика блокировок сайтов Роскомнадзором: судебная практика и ключевые аспекты [Электронный ресурс] // RTM Group. URL: <https://rtmtech.ru/research/website-blocking-research/#anchor5> (дата обращения: 23.03.2023).
41. *Егорова–Гантман Е. В.* В тумане войны. Наступательные военные коммуникативные технологии. Самара: ООО «Офорт»; М.: Группа компаний «Никколо М», 2010. – 432 с.
42. *Зеленков М.Ю.* Теоретико-методологические проблемы теории национальной безопасности Российской Федерации. М., 2013. – 196 с.
43. Информационно-аналитическое резюме по итогам общероссийского социологического исследования ФНИСЦ РАН «Российское общество

осенью 2018-го: тревоги и надежды» / комп. верст.: Григорьева Е. И., Ситдинов И. М. М.: ФНИСЦ РАН. 22.04.2019.

44. Информационно-аналитическое резюме по итогам общероссийского социологического исследования ФНИСЦ РАН «Российское общество после президентских выборов - 2018: запрос на перемены» / комп. верст. Григорьева Е. И., Ситдинов И. М. М.: ФНИСЦ РАН. 22.05.2018.
45. *Ионин Л. Г.* Социология культуры: Пособие для вузов. М.: Изд-во ГУ ВШЭ. 2004. - 427 с.
46. Как живешь, Россия? Экспресс-информация. 52 этап социологического мониторинга, май 2022 года: [бюллетень] / В. К. Левашов, Н. М. Великая, И. С. Шушпанова [и др.]; отв. ред. В. К. Левашов; ФНИСЦ РАН. М.: ФНИСЦ РАН, 2022. – 68 с.
47. *Кара–Мурза С.Г.* Манипуляция сознанием. – М.: Эксмо, 2007. – 862 с.
48. *Кастельс М.* Власть коммуникации / пер. с англ. Н. М. Тылевич; под науч. ред. А. И. Черных. М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2016. – 564 с.
49. *Кастельс М.* Информационная эпоха: экономика, общество и культура/Пер. с англ. под науч. ред. О. И. Шкаратана. - М.: ГУ ВШЭ, 2000. – 606 с.
50. *Коновченко С.В., Киселев А.Г.* Информационная политика в России. М.: РАГС, 2004. – 528 с.
51. *Лакофф Дж., Джонсон М.* Метафоры, которыми мы живем / пер. с англ. А. Н. Баранова и А. В. Морозовой; под ред. и с предисл. А. Н. Баранова. М.: УРСС, 2004 – 252 с.
52. *Лиотар Ж.-Ф.* Состояние постмодерна. М.: Институт экспериментальной психологии; СПб.: Алетейя, 1998. – 160 с.
53. *Липпман У.* Общественное мнение / Пер. с англ. Т.В. Барчуновой – М.: Институт Фонда «Общественное мнение», 2004. – 384 с.
54. *Лобанов В.В.* Управление и общественная политика. СПб., 2004. - 447 с.
55. *Лотман Ю. М.* Семиосфера: культура и взрыв. Внутри мыслящих миров. Статьи. Исследования. Заметки. СПб., 2000. – 704 с.

56. *МакКуэйл Д.* Журналистика и общество. М.: Фак. журн. МГУ; Медиамир, 2013. – 355 с.
57. *Маклюэн М.* Галактика Гуттенберга: Сотворение человека печатной культуры/Пер. с англ. А.Юдина, Киев: Ника-Центр, 2004. – 432 с.
58. *Манойло А.В., Петренко А.И., Фролов Д.Б.* Государственная информационная политика в условиях информационно-психологической войны. 3-е изд., стереотип. Горячая линия - Телеком Москва, 2017. – 542 с.
59. *Мертон Р.К.* Социальная теория и социальная структура. М.: АСТ, Хранитель, 2006. – 880 с.
60. *Мировая политика. Передовые рубежи и красные линии / А.В. Булавин, О.Г. Карпович, А.В. Манойло, В.Б. Мантусов.* М.: РИО Российской таможенной академии, 2018. – 456 с.
61. *Най Дж.* Будущее власти / Пер. с англ. В. Н. Верченко. М.: АСТ, 2014. – 444 с.
62. *Нисневич Ю.А.* Информация и власть. М.: Мысль, 2000. – 175 с.
63. *Ницевич В.Ф.* Геополитика и национальная безопасность: монография. М.: МГОУ, 2009. – 301 с.
64. *Нэсбит Дж., Эбурдин П.* Что нас ждет в 90-е годы. Мегатенденции. Год 2000. М.: Республика, 1992. – 415 с.
65. *Общество неравных возможностей: социальная структура современной России / Н.Е. Тихонова, С.В. Мареева, В.А. Аникин, Ю.П. Лежнина, А.В. Каравай, Е.Д. Слободенюк.* Под ред. Н.Е. Тихоновой. М.: Издательство «Весь Мир», 2022. – 424 с.
66. *Перспективы внешней политики США в отношении Китая: значение для России: доклад No 83 / 2022 / [Л. М. Соколыщик, Ю. С. Соколыщик, Э. З. Галимуллин, А. В. Бондаренко; под ред. Е. О. Карпинской, Ю. С. Соколыщик, С. М. Гавриловой];* Российский совет по международным делам (РСМД). — М.: НП РСМД, 2022. – 58 с.
67. *Попов В.Д.* Информациология и информационная политика. М.: 2001. – 136 с.

68. *Почепцов Г.Г.* Информационные войны. Новый инструмент политики. М.: Эксмо, 2015. – 300 с.
69. *Радиков И.В.* Политика и национальная безопасность. СПб.: Астерион, 2004. – 346 с.
70. *Ременников В.Б.* Управленческие решения. М.: МИЭМП, 2010. – 141 с.
71. *Ритцер Дж.* Макдональдизация общества / Пер. с англ. А.В. Лазарева; вступ. Статья Т.А. Дмитриева. М.: Издательская и консалтинговая группа «Праксис». 2011. – 592 с.
72. Российское общество и вызовы времени. Книга шестая / ФНИСЦ РАН, Институт социологии. Под ред. М.К. Горшкова и Н.Е. Тихоновой. М.: Издательство «Весь Мир», 2022. – 284 с.
73. Россия реформирующаяся: ежегодник: вып. 19 / Отв. ред. М. К. Горшков; ФНИСЦ РАН. М.: Новый Хронограф, 2021. – 488 с.
74. Россия реформирующаяся: ежегодник: вып. 20 / Отв. ред. М. К. Горшков; ФНИСЦ РАН. М.: Новый Хронограф, 2022. – 552 с.
75. Символическая политика: Сб. науч. тр. / РАН. ИНИОН. Центр социал. науч.-информ. исслед. Отд. полит. науки; Отв. ред.: Малинова О.Ю. Вып. 1: Конструирование представлений о прошлом как властный ресурс. М., 2012. – 334 с.
76. *Сморгунов Л.В., Шерстобитов А.С.* Политические сети. Теория и методы анализа. М.: Аспект Пресс, 2014. – 320 с.
77. *Стрельцов А.А.* Государственная информационная политика: основы теории / под общ. ред. В. А. Садовниченко, В. П. Шерстюка. М.: Изд-во МЦНМО, 2010. – 107 с.
78. *Сулакишин С.С.* Современная государственная политика и управление. Курс лекций. М.: Директ-Медиа, 2013. – 386 с.
79. Ученые записки ФНИСЦ РАН: материалы заседания Учёного совета (Москва, 27 февраля 2019 г.). Выпуск второй. М.: ФНИСЦ РАН, 2019. – 64 с.
80. *Уэбстер Ф.* Теории информационного общества. – М.: Аспект Пресс, 2004. – 400 с.

81. *Хоркхаймер М., Адорно Т.* Диалектика просвещения. Философские фрагменты. М. - СПб. Медиум, Ювента, 1997. – 312 с.
82. *Шиллер Г.* Манипуляторы сознанием. М.: Мысль, 1980. – 325 с.
83. *Якунин В.И., Кара-Мурза С.Г., Вершинин А.А., Каменский А.В.* Политология, лекция 4. Государственная политика и управление // Лекции по политологии. М.: Научный эксперт, 2014. 304 с.
84. *Acemoglu D., Jackson M., Werning I.* AI and Social Media: A Political-Economy Perspective. Cambridge (MA): MIT Economics Working Paper, 2025. - 45 p.
85. ACLED (Armed Conflict Location & Event Data Project). ACLED 2024: Trends in Conflict, Political Violence, and Protest / ACLED. — 2024.
86. *Armistead L.* Information operations matters. Best practices. Dulles, 2010. – 166 p.
87. *Arquilla J.* Thinking about information strategy / / Information strategy and warfare / A guide to theory and practice. New York, 2007. – 248 p.
88. *Bernal A. et al.* Cognitive warfare: An attack on truth and thought //NATO and Johns Hopkins University: Baltimore MD, USA. 2020. – 45 p.
89. *Carey J. W.* Communication as culture: Essays on media and society. Winchester, MA : Unwin Hyman, 1989. – 205 p.
90. *Chomsky N.* Media Control: The Spectacular Achievements of Propaganda. 2-e изд. New York : Seven Stories Press, 2024. - 96 p.
91. *Denning D.E.* Information warfare and security. Reading etc., 1999. – 522 p.
92. Edelman Trust Institute. 2025 Edelman Trust Barometer: Global Report: отчет. Chicago: Edelman, 2025. 78 p.
93. *Ellul J.* Propaganda: the formation of men's attitudes. New York: Alfred A. Knopf, Inc., 1972.
94. Freedom on the Net 2021. Countering an Authoritarian Overhaul of the Internet [Электронный ресурс] // Freedom House. URL: <https://freedomhouse.org/report/freedom-net/2021/global-drive-control-big-tech> (дата обращения: 31.05.2025).

95. Freedom on the Net 2022. Countering an Authoritarian Overhaul of the Internet [Электронный ресурс] // Freedom House. URL: <https://freedomhouse.org/report/freedom-net/2022/countering-authoritarian-overhaul-internet> (дата обращения: 31.05.2025).
96. Global Economic Prospects (January 2023). A Second Year of Sharply Slowing Growth [Электронный ресурс] // The World Bank. URL: <https://www.worldbank.org/en/publication/global-economic-prospects> (дата обращения: 29.01.2023).
97. *Grunig J. E.; Grunig L. A. Excellence in Public Relations and Communication Management. 30th Anniv. ed. New York : Routledge, 2021.- 680 p.*
98. *Harris A. Information Operations as a Counter to US Air Dominance: A Rival's Perspective. Fort Leavenworth, KS: Army Command and Staff College, 2007. – 63 p.*
99. Ideas as weapons. Influence and perception in modern warfare. Ed. by G.J. David Jr, T.R. McKeldin III. Washington, 2009. – 458 p.
100. Imperva Threat Research. 2024 Bad Bot Report. [Электронный ресурс]. Imperva, April 2024. URL: <https://www.imperva.com/resources/resource-library/reports/2024-bad-bot-report/> (дата обращения: 20.06.2025).
101. Ipsos. Populism in 2024: Ipsos Populism Survey. Paris: Ipsos, February 14, 2024.
102. Journalism is a public good: World trends in freedom of expression and media development; Global report 2021/2022 [Электронный ресурс] // UNESCO. URL: <https://unesdoc.unesco.org/ark:/48223/pf0000380618.page=44> (дата обращения: 26.02.2023).
103. *Lewis M.; Govender E.; Holland K. (ред.) Communicating COVID-19: Media, Trust, and Public Engagement. Cham : Palgrave Macmillan, 2024. - 480 p.*
104. *Libicki M.C. Conquest in cyberspace. National security and information warfare. Cambridge, 2007. – 323 p.*
105. *Lukes S. Power: A Radical View. Basingstoke and London: Macmillan, 2005. – 192 p.*

106. *Macdonald S.* Propaganda and Information Warfare in the Twenty-First Century: Altered Images and Deception Operations. New York: Routledge, 2007. – 204 p.
107. *Morelli A.* Principes élémentaires de propagande de guerre //Bruxelles, Labor. 2001.
108. *Nye J.S.* Soft Power: The Means to Success in World Politics. 2005.N.Y.: Public Affairs. – 461 p.
109. *Owen E. Hughes* (ed.). Public management and Administration. An introduction. 3rd ed. Houndmills: Palgrave Macmillan, 2003. Vol. VIII. – 304 p.
110. Pew Research Center. Digital Transformation and Big Tech's Role in Global Influence. [Электронный ресурс] 2023. URL: <https://www.pewresearch.org> (дата обращения: 02.05.2025).
111. Pew Research Center. Representative Democracy Remains a Popular Ideal, but People Around the World Are Critical of How It's Working [Электронный ресурс]. 28 February 2024. URL: <https://www.pewresearch.org/global/2024/02/28/representative-democracy-remains-a-popular-ideal-but-people-around-the-world-are-critical-of-how-its-working/> (дата обращения: 20.06.2025).
112. *Popescu I.* No Peer Rivals: American Grand Strategy in the Era of Great Power Competition. Ann Arbor: Univ. of Michigan Press, 2024. - 368 p.
113. Reuters Institute for the Study of Journalism. Digital News Report 2025. [Электронный ресурс]. Social media overtakes TV as main source of news in US, analysis finds. The Guardian, 17 June 2025. URL: https://www.theguardian.com/media/2025/jun/17/social-media-overtakes-tv-as-main-source-of-news-in-us-analysis-finds?utm_source=chatgpt.com (дата обращения: 20.06.2025).
114. RSF's 2022 World Press Freedom Index: a new era of polarisation [Электронный ресурс] // Reporters without borders. URL: <https://rsf.org/en/rsf-s-2022-world-press-freedom-index-new-era-polarisation> (дата обращения: 31.05.2025).

115. *Tatham S.* U.S. governmental information operations and strategic communications: a discredited tool or user failure? Implications for future conflict. Carlisle, 2013. – 80 p.
116. *Thaler R.H., Sunstein C.B.* Nudge. Improving decisions about health, wealth and happiness. New York, 2009. – 312 p.
117. *Van Dijk J.* The Network Society. 4-е изд. London : Sage, 2020. - 384 p.
118. *Vandomme R.* From intelligence to influence: the role of information operations. Toronto, 2010. – 88 p.
119. V-Dem Institute. Democracy Report 2025: 25 Years of Autocratization – Democracy Trumped? Gothenburg (Швеция): University of Gothenburg: V-Dem Institute, March 2025 – 64 p.
120. We Are Social; Meltwater; Kepios. Digital 2025: Global Overview Report: ежегод. аналит. докл. London: We Are Social, 2025. 630 p.
121. World Values Survey Association. World Values Survey, Wave 7 (2017–2022): Dataset and Documentation. Release v6.0: [данные и метод. описание]. Stockholm: WVSA, 2024. 214 p.

Публикации в научных периодических печатных изданиях и сборниках

122. *Александровский Ю.А.* Социальные катаклизмы и психическое здоровье // Социологические исследования. 2010, № 4. С. 99 - 104.
123. *Альтюссер Л.* Идеология и идеологические аппараты государства (заметки для исследования) // Неприкосновенный запас. 2011. № 3 (77). С. 159–175.
124. *Багдасарян В.Э.* Когнитивные матрицы манипулятивных технологий в войнах и революциях нового типа // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: История и политические науки. 2020. № 1. С. 8-23.
125. *Бельков О.А.* Понятийно-категориальный аппарат концепции национальной безопасности // Безопасность: информационный сборник. 2004. № 3. С. 91-94.

126. *Бочарников И.В.* «Мягкая сила» как феномен современной мировой политики // *Дипломатическая служба*. 2018. №2. С. 58 – 66.
127. *Бызов Л.Г.* Ценностная эволюция «путинского консенсуса» в первый год последнего президентского срока // *Общественные науки и современность*. 2019. № 4. С. 42-56.
128. *Виловатых А.В.* Некоторые аспекты политики США в области совершенствования национальной системы информационного противоборства // *Информационные войны*. №4 (52). 2019. С. 33 – 37.
129. *Володенков С.В.* Big data как инструмент воздействия на современный политический процесс: особенности, потенциал и акторы // *Журнал политических исследований*. 2019. Т. 3, № 1. С. 7–13.
130. *Володенков С.В.* Влияние технологий интернет-коммуникаций на современные общественно-политические процессы: сценарии, вызовы и акторы // *Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены*. 2019. № 5. С. 341–364.
131. *Володенков С.В.* Цифровые стигматы как инструмент манипуляции массовым сознанием в условиях современного государства и общества // *Социологические исследования*. 2018. № 11. С. 117–123.
132. *Володенков С.В., Артамонова Ю.Д.* Информационные капсулы как структурный компонент современной политической Интернет-коммуникации // *Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология*. 2020. Т. 53, № 1. С. 188-196.
133. *Володенков С.В., Ромашкина А.Б.* Технологии интернет-коммуникации как инструмент влияния на функционирование современных институтов власти: актуальные вызовы // *Вестник Московского государственного областного университета. Серия История и политические науки*. 2020. № 1. С. 33 – 40.
134. *Голенкова З.Т., Игитханян Е.Д.* Процессы интеграции и дезинтеграции в социальной структуре российского общества // *Социологические исследования*. 1999. № 9. С. 22 – 33.

135. *Делёз Ж., Гваттари Ф.* Ризома // *Философия эпохи постмодерна: Сб. переводов и рефератов.* Минск: Красико - Принт, 1996. С. 136-160.
136. *Дробижева Л.М.* Консолидирующая идентичность в общероссийском, региональном и этническом измерениях // *Перспективы. Электронный журнал.* 2018. №3(15). С. 6-21.
137. *Евстафьев Д.Г., Манойло А.В.* Информационные войны и психологические операции как базис гибридных войн нового поколения // *Электронный научно-образовательный журнал «История».* 2021. Т. 12. Вып. 6 (104). DOI: 10.18254/S207987840016037-9.
138. *Жеглова Ю.Г.* Проблемы формирования внешнеполитического имиджа Российской Федерации // *Социально-гуманитарные знания.* 2018. С. 20 – 26.
139. *Забарин А.В., Ватулин А.И.* Психологические основания информационной войны // *Информационные войны.* 2018 (1). С. 38 – 44.
140. *Задорин И.В., Сапонова А.В.* Динамика основных коммуникативных практик россиян // *Коммуникация. Медиа. Дизайн.* 2019. Т.4. №3. С. 48-68.
141. *Ионин Л.Г.* Идентификация и инсценировка (*к теории социокультурных изменений*) // *Социологические исследования.* 1995. № 4. С. 3 – 14.
142. *Киселев А.Г., Киричек П.Н.* Тренды политической коммуникации в контексте социальной модернизации // *Вестник РУДН. Серия: Социология.* 2019. Vol. 19. №2. С. 322 – 336.
143. *Ковалев М.К.* Социокультурное измерение государственной информационной политики // *Гражданин. Выборы. Власть.* 2022. № 3 (25). С. 176-185.
144. *Ковалев М.К.* Государственная информационная политика в системе обеспечения национальной безопасности // *Вопросы политологии.* 2023. Т. 13, № 1 (89). С. 166-172.
145. *Ковалев М.К.* Условия реализации государственной информационной политики: глобальные тренды // *Гражданин. Выборы. Власть.* 2023. № 2 (28). С. 93-105.

146. *Ковалев М.К.* Особенности и механизмы реализации государственной информационной политики Российской Федерации // Вопросы политологии. 2023. Т. 13, № 8-2 (96-2). С. 4109-4120.
147. *Коньшев В.Н., Парфенов Р.В.* Гибридные войны: между мифом и реальностью. Мировая экономика и международные отношения, 2019, т. 63, № 12. С. 56-66.
148. *Красовская Н. Р., Гуляев А. А.* К вопросу о средствах поведенческой войны // Власть, 2020. Том. 28. № 1. С. 32-36.
149. *Крейг Р.Т.* Теория коммуникации как область знания // Компаративистика-III: Альманах сравнительных социогуманитарных исследований. СПб.: Социологическое сообщество, 2003. С. 56—58.
150. *Кривошеев В.В.* Особенности аномии современного российского общества // Социологические исследования. 2004. № 3. С. 93 – 97.
151. *Лихтин А.А., Ковалев А.А.* Теоретические аспекты понятия «информационная политика» и особенности ее реализации в современной российской общественно-политической реальности // Управленческое консультирование. 2017. № 1 (97). С. 29 – 36.
152. *Малинова О. Ю.* Стратегическая культура и фреймы коллективной памяти (на примере постсоветской России) // Вестник Пермского университета. Серия: Политология. 2018. №. 1. С. 75-91.
153. *Малиновский Б.* Функциональный анализ // Антология исследований культуры. Т. 1. Интерпретации культуры. СПб. 1997. – С. 683 - 684.
154. *Манойло А. В., Пономарева Е. Г.* Современные информационно-психологические операции: технологии и методы противодействия // Научно-аналитический журнал Обозреватель - Observer. 2019. № 2. С. 5–17.
155. *Манойло А. В., Стригунов К. С.* Технологии демонтажа чавистов: венесуэльский прецедент // Актуальные проблемы Европы. 2020. № 1. С. 213–237.
156. *Манойло А.В.* Структура современных операций информационной войны // Вестник Российской нации. 2018. № 4. С. 197–225.

157. *Манойло А.В., Пономарева Е.Г.* Современные информационно-психологические операции: технологии и методы противодействия // *Научно-аналитический журнал Обозреватель - Observer*. 2019. № 2. С. 5–17.
158. *Мареева С.В.* Ценностная палитра современного российского общества // *Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены*. 2015. №4. С. 50-65.
159. *Назаров В.П.* Стратегическое планирование как важнейший фактор повышения эффективности государственного управления // *Власть*. № 12. 2013. С. 4-11.
160. *Пантин В.И.* Российское общество в начале XX и начала XXI вв.: проблемы и риски // *Социологические исследования*. 2019. Том 10. № -16. С. 120-130.
161. *Петухов В.В.* Динамика социальных настроений россиян и формирование запроса на перемены // *Социологические исследования*. 2018. № 11. С. 40-53.
162. *Плешаков В.А.* Киберсоциализация: социальное развитие и социальное воспитание современного человека // *Вестник КГУ им. Н.А. Некрасова*. 2010. Т. 16. №2. С. 15–18.
163. *Поздняков А.И.* Сравнительный анализ основных методологических подходов к построению теории национальной безопасности // *Национальные интересы: приоритеты и безопасность*. 2013. № 21(210). С. 46-53.
164. *Поцелуев С.П.* Символическая политика как инсценирование и эстетизация // *Полис*. М., 1999. № 5. С. 62 – 75.
165. *Ремарчук В.Н.* Управление смыслами как инструмент современной политики: технологии, вероятные последствия // *Этносоциум и межнациональная культура*. 2019. №2. С. 9 – 21.
166. *Ремизова М.Н.* Интерпретация понятия «социокультурное пространство» в классической социологии. Тамбов: Грамота. 2012. №10. Ч. 1. С. 158 – 162.

167. Селезнева А.В. Динамика изменения политических ценностей в постсоветской России // *Среднерусский вестник общественных наук*. 2015. № 1. С. 78-86.
168. Селезнева А.В. Ценностные основания российской национально-государственной идентичности // *Вестник Российской нации*. 2017. № 4. С. 82-94.
169. Соловьев А. И. "Государственное управление" и "управление государством": конфликты концептов и практик // *Вестник Пермского университета. Серия: Политология*. 2022. Т. 16. №. 2. С. 39-48.
170. Соловьев А. И. "Доказательная политика" и "политика доказательств": дилемма постсоветских обществ // *Контурь глобальных трансформаций: политика, экономика, право*. 2021. Т. 14. №. 5. С. 61-80.
171. Соловьев А.И. Политика и управление: когнитивные основания взаимосвязи // *Вестник Московского университета. Серия 21: Управление (государство и общество)*. 2005. № 3. С. 36–50.
172. Стригунов К.С., Манойло А.В. Фундаментальный механизм и законы неклассической войны // *Гражданин. Выборы. Власть*. 2019. Т. 4. С. 157–193.
173. Тихонова Н.Е. Особенности идентичностей и мировоззрения основных страт современного российского общества // *Мир России*. 2020. Т. 29. № 1. С. 6–30.
174. Тощенко Ж.Т. Общества травмы и их характеристика // *Гуманитарий Юга России*. 2020. Том. 9. № 1. С. 30-50.
175. У. Линд, К. Найтингэйл, Дж. Шмитт, Дж. Саттон, Г. Уилсон. Меняющееся лицо войны: четвертое поколение [Электронный ресурс] // *Военное обозрение*, 07.01.2013. URL: <https://topwar.ru/22781-menyayuscheesya-lico-voyny-chetvertoe-pokolenie.html> (дата обращения: 18.12.2022).
176. Филатова О.Г. Государственные коммуникации в цифровой публичной сфере России: 2011–2020 гг. // *Контурь глобальных трансформаций: политика, экономика, право*. Т. 13. 2020. № 2. С. 72-91.

177. *Шершнев И.Л.* Направления деятельности общественной дипломатии во внешней политике России в эпоху глобализации / И. Л. Шершнев // Вестник МГЛУ. 2015. Вып. 2 (713). С. 184–195.
178. *Штомпель Л.А., Штомпель О.М.* Архаизация современной культуры: необходимость или случайность? // Ценности и смыслы. № 1 (4). 2010. С. 34 – 42.
179. *Штомпка П.* Социальное изменение как травма // Социологические исследования. 2001. № 1. С. 6 – 16.
180. *Щенина О.Г.* Политические проекции коммуникаций в сетевом обществе // Социально-гуманитарные знания. 2018. №3. С. 209-220.
181. *Ariel Y., Elishar V.* Political Communication and the Hype Cycle: Tracing Its Evolution across the Digital Era// Journalism and Media. 2025. Vol. 6, № 2. Art. 87.
182. *Dunleavy P.; Margetts H.* Data science, artificial intelligence and the third wave of digital era governance// Public Policy and Administration. 2023. T. 38, № 4. P. 421- 445.
183. *Floyd R.* The duty to secure: from just to mandatory securitization// International Affairs. 2024. Vol. 100, № 6. P. 2666-2688.
184. *Hall S.* Encoding / Decoding / S. Hall // Culture, Media and Language / ed. by S. Hall, D. Hobson, A. Lowe and P. Willis. – London: Anchor Brendon, 1980. P. 128-138.
185. *Klinger U., Svensson J.* Network Media Logic Revisited: How Social Media Have Changed the Logics of the Campaign Environment// The Routledge Handbook of Political Campaigning / ed. D. Lilleker и др. — London: Routledge, 2024. С. 30–44.
186. *Malinova O.* Legitimizing Putin’s Regime: The Transformations of the Narrative of Russia’s Post-Soviet Transition //Communist and Post-Communist Studies. 2022. T. 55. №. 1. P. 52-75.
187. *McClurg S., Lazer D.* Political Network // Social Network. 2014. Vol. 36. No 1. P. 1 – 4.

188. *Skovsgaard M., Hedman A.* Algorithmic Agenda-Setting: The Subtle Effects of News Recommender Systems on Political Information // *New Media & Society*. 2024. Vol. 26. P. 1–20.

Публикации в электронных научных изданиях

189. *Бауман З.* Текущая модерность: взгляд из 2011 года [Электронный ресурс]. URL: <https://gtmarket.ru/library/articles/4992> (дата обращения: 31.05.2025).
190. *Буренко В.И.* Власть – политика – управление в системе отношений «общество – государство». URL: <https://www.mosgu.ru/nauchnaya/publications/professor.ru/Burenko/> (дата обращения: 31.05.2025).
191. *Гуреева А.Н., Самородова Э.В.* Медиарегулирование в России: изменения медиаполитики в условиях трансформации общественных практик [Электронный ресурс] // *Медиаскоп*. 2019. Вып. 4. URL: <http://www.mediascope.ru/2596> (дата обращения: 31.05.2025).
192. *Делез Ж.* Post scriptum к обществам контроля. 04.08.2010. [Электронный ресурс]. URL: <https://textarchive.ru/c-2061131.html> (дата обращения: 31.05.2025).
193. *Кара-Мурза С.Г.* Государственная информационная политика // Центр изучения кризисного общества [Электронный ресурс]. URL: <http://vif2ne.org:2009/nvz/forum/arhprint/342031> (дата обращения: 31.05.2025).
194. Ценностная солидаризация и общественное доверие в России / Проект исследовательской группы «ЦИРКОН». URL: <http://doverie.zircon.tilda.ws/zennosti> (дата обращения: 31.05.2025).
195. *Shapiro J.* Winning without fighting: Resilience as national security imperative // *Irregular Warfare Initiative*, 02.05.2025. [Электрон. ресурс]. URL: <https://irregularwarfare.org/articles/winning-without-fighting-resilience-as-national-security-imperative/> (дата обращения: 10.05.2025).

196. *Ng L. H. X., Carley K. M.* A global comparison of social media bot and human characteristics. [Электронный ресурс]. Scientific Reports 15 (31 March 2025). URL: https://www.nature.com/articles/s41598-025-96372-1?utm_source=chatgpt.com (дата обращения: 20.06.2025).
197. ISW (Understanding War). Russian Offensive Campaign Assessment (series; 18–26.07.2025). URL: https://understandingwar.org/backgroundunder/russian-offensive-campaign-assessment-july-26-2025?utm_source=chatgpt.com (дата обращения: 30.07.2025).
198. Mediascope. март 2025. [Электронный ресурс] URL: <https://mediascope.net> (дата обращения: 22.06.2025).
199. DataReportal / Kepios / We Are Social / Meltwater. Digital 2025: Global Digital Overview Report. [Электронный ресурс]. DataReportal, 2025. URL: https://datareportal.com/global-digital-overview?utm_source=chatgpt.com (дата обращения: 20.06.2025).

Диссертации и авторефераты

200. *Артамонова Я.С.* Информационная безопасность российского общества: теоретические основания и практика политического обеспечения: диссертация ... доктора политических наук: 23.00.02. М., 2015. - 359 с.
201. *Борщенко В.В.* Политическое манипулирование в Интернет-пространстве как угроза информационной безопасности: диссертация ... кандидата политических наук: 23.00.02. СПб., 2021. - 374 с.
202. *Веснин А.В.* Особенности влияния общественного мнения на обеспечение национальной безопасности современной России: диссертация ... кандидата политических наук: 23.00.02. М., 2018. - 178 с.
203. *Виноватых А.В.* Информационное противоборство в политическом процессе: тренды цифровой реальности: диссертация ... доктора политических наук: 23.00.02. М., 2021. – 347 с.
204. *Голобородько А.Ю.* Государственная культурная политика в системе обеспечения национальной безопасности современной России:

- диссертация ... доктора политических наук: 23.00.02. Ростов-на-Дону, 2016 – 276 с.
205. *Жуков А.В.* Социальные сети как инструмент политической власти: влияние на международную безопасность: диссертация ... кандидата политических наук: 22.00.05. М., 2021. - 155 с.
206. *Ибрагимов Л.Х.* Технологии интернет-коммуникации как инструмент дестабилизации политических режимов: диссертация ... кандидата политических наук: 23.00.02. М., 2016. - 159 с.
207. *Карасев П.А.* Политика безопасности США в глобальном информационном пространстве: диссертация ... кандидата политических наук: 23.00.04. М., 2015. - 215 с.
208. *Максимова Е.А.* Политическая коммуникация в российско-американских отношениях в условиях глобализации: диссертация ... кандидата политических наук: 23.00.04. М., 2016. - 206 с.
209. *Махмадов П.А.* Информационная безопасность в системе политической коммуникации: состояние и приоритеты обеспечения (на материалах государств Центральной Азии): диссертация ... доктора политических наук: 23.00.04. Душанбе, 2018. - 323 с.
210. *Павлов В.В.* Информационная безопасность как фактор обеспечения политической стабильности общества: диссертация ... кандидата политических наук: 23.00.02. СПб., 2020. - 198 с.

Публикации в печатных и электронных СМИ

211. Bank of America спрогнозировал падение мирового ВВП на 2,7% в 2020 году [Электронный ресурс] // «Интерфакс». URL: <https://www.interfax.ru/business/702197> (дата обращения 05.03.2020)
212. Facebook заподозрили в работе на правительство США [Электронный ресурс] // РИА Новости. URL: <https://ria.ru/20171230/1512025229.html> (дата обращения: 31.05.2025).

213. Mail.Ru поглотила «ВКонтакте» [Электронный ресурс] // Газета.ru. URL: <https://www.gazeta.ru/business/2014/09/16/6216381.shtml> (дата обращения: 31.05.2025).
214. QUAD. Еще один альянс против Китая [Электронный ресурс] // TRTRussian. URL: <https://www.trtrussian.com/mnenie/quad-eshe-odin-alyans-protiv-kitaya-7025495> (дата обращения: 25.03.2023).
215. Агентство Bloomberg сообщило о "вторжении" России на Украину, а затем удалило заголовок [Электронный ресурс] // Life.ru. URL: <https://life.ru/p/1469070> (дата обращения: 12.03.2023).
216. РИА Новости. «Окулус» будет анализировать более 200 тыс. изображений в сутки (≈ 3 сек/шт.). 13.02.2023. URL: <https://ria.ru/20230213/okulus-1851607639.html> (дата обращения: 28.05.2025).
217. АНО «Диалог». Проект «Центры управления регионами/Муниципальные центры управления», 2024–2025. URL: <https://dialog.info/projects/region-management-center/> (дата обращения: 27.06.2025).
218. Минпросвещения РФ. «Разговоры о важном» — официальный портал (2024–2025). URL: <https://разговорыоважном.рф/> (хп--80aafadvc9bifbaeqg0р.хп--р1аі) (дата обращения: 29.05.2025).
219. В Великобритании прошли крупнейшие протесты со времен Маргарет Тэтчер [Электронный ресурс] // РБК. URL: <https://www.rbc.ru/politics/01/02/2023/63da53fb9a7947ee92ed05b7> (дата обращения: 25.03.2023).
220. В МИД оценили публикации СМИ о подготовке Россией вторжения на Украину [Электронный ресурс] // Lenta.ru. URL: <https://lenta.ru/news/2021/11/22/mifologema/> (дата обращения: 12.03.2023).
221. В МИД России появился новый департамент [Электронный ресурс] // Российская Газета. URL: <https://rg.ru/2019/12/29/v-mid-rossii-poiavilsia-novuyj-departament.html> (дата обращения: 31.05.2025)

222. В России признали экстремистской организацией владельца Facebook и Instagram [Электронный ресурс] // Lenta.ru. URL: <https://lenta.ru/news/2022/03/21/metaextr/> (дата обращения: 21.04.2023).
223. В США предсказали безработицу уровня Великой депрессии после пандемии [Электронный ресурс] // РБК. URL: <https://www.rbc.ru/rbcfreenews/5ea5ad279a7947216ea092e2> (дата обращения: 31.05.2025).
224. Герасимов В.В. Ценность науки в предвидении. [Электронный ресурс] // Военно-промышленный курьер, 26.02.2013. URL: https://vpk.name/news/85159_cennost_nauki_v_predvidenii.html (дата обращения: 31.05.2025).
225. Глава Роскомнадзора Андрей Липов о методах принуждения иностранных IT-компаний к сотрудничеству [Электронный ресурс] // RTM Group. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/4826455> (дата обращения: 23.03.2023).
226. Год спустя. Что изменилось в Америке после убийства Джорджа Флойда [Электронный ресурс] // ТАСС. URL: <https://tass.ru/opinions/11458187> (дата обращения: 25.03.2023).
227. Джулиан Ассанж: Google работает на правительство США [Электронный ресурс] // Телеканал «Мир 24» - официальный сайт. URL: <https://mir24.tv/news/13235135/dzhulian-assanzh-google-rabotaet-na-pravitelstvo-ssha> (дата обращения: 31.05.2025).
228. Жертвы группировки «Исламское государство» в 2014-2015 гг. [Электронный ресурс] // РИА Новости. URL: <https://ria.ru/20150203/1045780046.html> (дата обращения: 31.05.2025).
229. Интервью специального представителя Президента Российской Федерации по вопросам международного сотрудничества в области информационной безопасности, директора Департамента международной информационной безопасности МИД России А.В. Крутских газете «Коммерсант», опубликованное 25 февраля 2020 года [Электронный

- ресурс] // «Коммерсант». URL: <https://www.kommersant.ru/doc/4267456> (дата обращения: 31.05.2025).
230. Капитолий еще будет [Электронный ресурс] // Коммерсант. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/5758305> (дата обращения: 25.03.2023).
231. Ликвидаторы правда пили водку ящиками? Что стало с шахтерами? Легасов прятал записи от КГБ? Отвечаем на вопросы, оставшиеся после финала «Чернобыля» [Электронный ресурс] // Meduza. URL: <https://meduza.io/feature/2019/06/11/likvidatory-pravda-pili-vodku-yaschikami-hto-stalo-s-shahterami-legasov-pryatal-zapisi-ot-kgb> (дата обращения: 31.05.2025).
232. МВФ: рецессия мировой экономики в 2020-м будет хуже кризиса 2008 года [Электронный ресурс] // Коммерсантъ. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/4300023> (дата обращения 31.05.2025)
233. Мировая экономика движется к фрагментации. МВФ предупреждает о рисках деглобализации [Электронный ресурс] // Коммерсантъ. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/5772969> (дата обращения: 29.01.2023).
234. Нэнси Pelosi посетила Тайвань [Электронный ресурс] // Lenta.ru. URL: https://lenta.ru/brief/2022/08/02/pelosi_taiwan/ (дата обращения: 25.03.2023).
235. Обвал на фондовых рынках в мире 16 марта. Что важно знать [Электронный ресурс] // РБК. URL: <https://www.rbc.ru/economics/16/03/2020/5e6f754b9a7947849ff11734> (дата обращения 31.05.2025).
236. Песков назвал вбросами сообщения СМИ о подготовке российского вторжения на Украину [Электронный ресурс] // Коммерсант. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/5088314> (дата обращения: 12.03.2023).
237. Потери бизнеса от блокировки Telegram оценили в \$2 млрд. [Электронный ресурс] // Republic. URL: <https://republic.ru/posts/90618> (дата обращения: 31.05.2025).
238. Путин подписал пакет законов, которые определённым образом скажутся на Рунете [Электронный ресурс] // Роскомсвобода. URL:

- <https://roskomsvoboda.org/post/putin-podpisal-1937-zakony/> (дата обращения: 21.04.2023).
239. Разъединиться, чтобы объединиться. Участники Давоса обсуждают деглобализацию [Электронный ресурс] // Коммерсантъ. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/5773626?tg> (дата обращения: 29.01.2023).
240. Расфрендрили страну: Facebook запретил делиться новостями с Австралией [Электронный ресурс] // Известия. URL: <https://iz.ru/1127302/kseniia-loginova/rasfrendili-stranu-facebook-zapretil-delitsia-novostiami-s-avstraliei> (дата обращения: 25.03.2023).
241. Роскомнадзор заблокировал 157 тысяч фейков о спецоперации [Электронный ресурс] // Lenta.ru. URL: <https://lenta.ru/news/2022/12/22/diet/> (дата обращения: 21.04.2023).
242. Роскомнадзор при Александре Жарове. Новые полномочия и громкие случаи блокировок сайтов [Электронный ресурс] // ИТАР-ТАСС. URL: <https://tass.ru/info/8065347> (дата обращения: 31.05.2025).
243. Россия и США перетягивают всемирную паутину [Электронный ресурс] // Комерсантъ. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/3797617> (дата обращения: 31.05.2025).
244. Сенат США единогласно поддержал протестующих в Гонконге [Электронный ресурс] // Ведомости. URL: <https://www.vedomosti.ru/politics/articles/2019/11/20/816730-ssha-podderzhal-protestuyuschih-gonkonge> (дата обращения: 25.03.2023).
245. Сноуден: спецслужбы собирают миллионы интернет-контактов [Электронный ресурс] // BBC – Русская служба. URL: https://www.bbc.com/russian/international/2013/10/131015_us_snowden_emails_contact_lists (дата обращения: 31.05.2025).
246. США обвинили Китай в геноциде уйгуров [Электронный ресурс] // Ведомости. URL: <https://www.vedomosti.ru/politics/news/2021/01/19/854677-ssha-obvinili-kitai-v-genotside-uyurov> (дата обращения: 25.03.2023).

247. Хроника протестов во Франции из-за пенсионной реформы [Электронный ресурс] // РБК. URL: <https://www.rbc.ru/photoreport/26/03/2023/641d78569a794756ff4cab85> (дата обращения: 25.03.2023).
248. Цукерберг: Facebook сотрудничает с властями США по «российскому делу» [Электронный ресурс] // REGNUM. URL: <https://regnum.ru/news/2325184.html> (дата обращения: 31.05.2025).
249. Число их блокировок в сети растет [Электронный ресурс] // Коммерсантъ. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/5117898> (дата обращения: 23.03.2023).
250. Шойгу рассказал о российских войсках информационных операций [Электронный ресурс] // РБК. URL: <https://www.rbc.ru/politics/22/02/2017/58ad78cd9a794757f3c80ece> (дата обращения: 31.05.2025).
251. Chief Economists Say Global Recession Likely In 2023, But Pressures On Food, Energy and Inflation May Be Peaking [Электронный ресурс] // World Economic Forum. URL: <https://www.weforum.org/press/2023/01/chief-economists-say-global-recession-likely-in-2023-but-cost-of-living-crisis-close-to-peaking> (дата обращения: 29.01.2023).
252. Cyber Command chief confirms US took part in offensive cyber operations [Электронный ресурс] // The Hill. URL: <https://thehill.com/policy/cybersecurity/3508639-cyber-command-chief-confirms-us-took-part-in-offensive-cyber-operations/> (дата обращения: 21.04.2023).
253. Fact and Mythmaking Blend in Ukraine's Information War [Электронный ресурс] // The New York Times. URL: <https://www.nytimes.com/2022/03/03/technology/ukraine-war-misinfo.html> (дата обращения: 12.03.2023).
254. Greene S. «Chernobyl'»: HBO will release weekly podcast companion to limited series [Электронный ресурс] // Indie Wire. URL:

<https://www.indiewire.com/2019/04/chernobyl-podcast-hbo-companion-limited-series-1202060255/> (дата обращения: 31.05.2025).

255. IMF warns of higher recession risk and darker global outlook [Электронный ресурс] // AP News. URL: <https://apnews.com/article/business-economic-growth-international-monetary-fund-government-and-politics-1c893f6ed1dee8360d6467c2fbd9c7fe> (дата обращения: 29.01.2023).
256. The Bernie Sanders legacy [Электронный ресурс] // WSJ Opinion. URL: <https://www.wsj.com/articles/the-bernie-sanders-legacy-11586388870> (дата обращения 31.05.2025).
257. The global energy crisis. World Energy Outlook 2022 [Электронный ресурс] // The International Energy Agency URL: <https://www.iea.org/reports/world-energy-outlook-2022/the-global-energy-crisis> (дата обращения: 29.01.2023).
258. The Unavoidable Crash [Электронный ресурс] // Project Syndicate. URL: <https://www.project-syndicate.org/commentary/stagflationary-economic-financial-and-debt-crisis-by-nouriel-roubini-2022-12> (дата обращения: 29.01.2023)
259. Tooze A. The normal economy is never coming back [Электронный ресурс] / A. Tooze // Foreign Policy. URL: <https://foreignpolicy.com/2020/04/09/unemployment-coronavirus-pandemic-normal-economy-is-never-coming-back/> (дата обращения 31.05.2025)
260. U.S. can't confirm top Russian general wounded during Donbas visit, U.S. official says [Электронный ресурс] // Reuters. URL: <https://www.reuters.com/world/us-cant-confirm-top-russian-general-wounded-during-donbas-visit-us-official-says-2022-05-02/> (дата обращения: 12.03.2023).
261. U.S. confirms that it gathers online data overseas [Электронный ресурс] // The New York Times. URL: <https://www.nytimes.com/2013/06/07/us/nsa-verizon-calls.html> (дата обращения: 31.05.2025).
262. U.S. Consumer Sentiment plummeted in April by most on record [Электронный ресурс] // Bloomberg. URL:

[\]https://www.bloomberg.com/news/articles/2020-04-09/u-s-consumer-sentiment-plummeted-in-april-by-most-on-record](https://www.bloomberg.com/news/articles/2020-04-09/u-s-consumer-sentiment-plummeted-in-april-by-most-on-record) (дата обращения 31.05.2025).

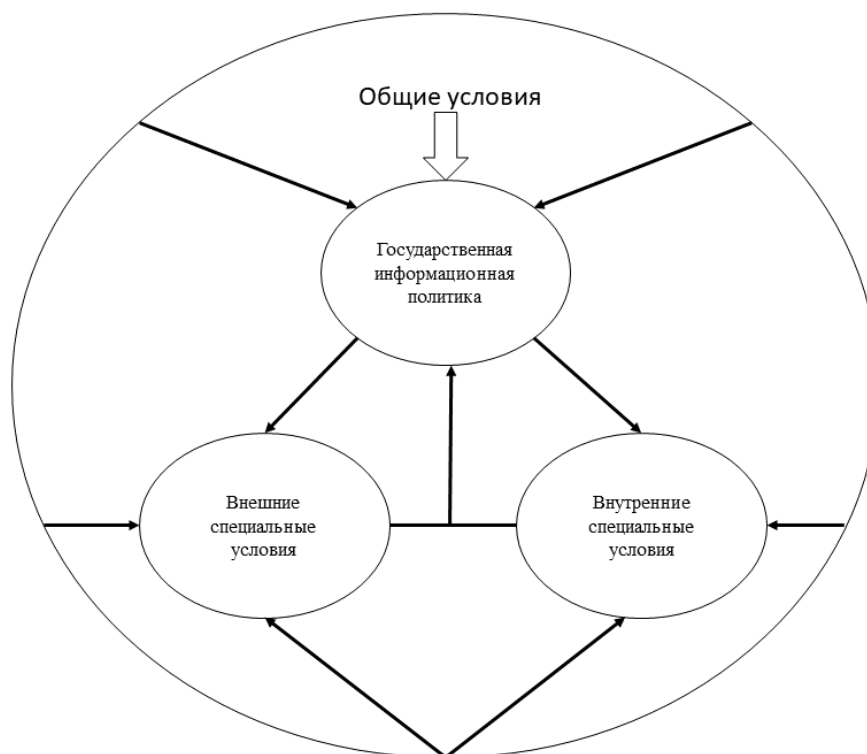
263. U.S. Intel Shows Russia Plans for Potential Ukraine Invasion [Электронный ресурс] // Bloomberg. URL: <https://www.bloomberg.com/news/articles/2021-11-21/u-s-intel-shows-russian-plans-for-potential-ukraine-invasion?srnd=premium-europe&sref=Y0jVLcFo> (дата обращения: 12.03.2023).
264. U.S. Recession Model at 100% confirms downturn is already here [Электронный ресурс] // Bloomberg. URL: <https://www.bloomberg.com/graphics/us-economic-recession-tracker/> (дата обращения 31.05.2025).
265. Ukraine: These videos do not show a Russian tank running over a civilian in Kyiv [Электронный ресурс] // France 24. URL: <https://observers.france24.com/en/europe/20220301-video-debunked-russian-tank-crush-civilian-car-kyiv> (дата обращения: 12.03.2023).
266. World Bank's Gill worried about 'generalized stagflation' in global economy [Электронный ресурс] // Reuters. URL: <https://www.reuters.com/markets/asia/world-bank-chief-economist-worried-about-generalized-stagflation-global-economy-2022-09-15/> (дата обращения: 29.01.2023).
267. World economy faces \$5 trillion hit that's like losing Japan [Электронный ресурс] // Bloomberg. URL: <https://www.bloomberg.com/news/articles/2020-04-08/world-economy-faces-5-trillion-hit-that-is-like-losing-japan> (дата обращения 31.05.2025).

Публикации из сети Интернет

268. Федеральные СМИ: март 2023 [Электронный ресурс] // Медиалогия. 2023. URL: <https://www.mlg.ru/ratings/media/federal/12104/> (дата обращения: 12.03.2023).

Приложения

Приложение 1. Схема взаимодействия государственной информационной политики Российской Федерации с общими и специальными условиями.

Приложение 2. Расчет «весов» новых вызовов и угроз информационной безопасности.

Угроза	Распространенность (P)	Ущерб (Y)	Вес (B) = (P+Y)/2
«Разрыв доверия»	0,75	0,77	0,76
Ценностная поляризация	0,72	0,77	0,75
Политико-идеологическая поляризация	0,67	0,62	0,65
Монополия Big Tech	0,8	0,7	0,75
AI-deepfake	0,82	0,66	0,74
«Сетевая пропаганда»	0,7	0,5	0,6
Информационные «chokepoints»	0,64	0,6	0,62
Стратегические коммуникации (StratCom)	0,65	0,45	0,55
Клиповое мышление/ «инфоперегрузка»	0,58	0,5	0,54

Приложение 3. Кросс-импакт-матрица корреляции новых вызовов и угроз информационной безопасности.

Угроза	РД	ЦП	ПП	МБ	ДФ	СП	ИС	СК	КМ
РД	–	0,8	0,75	0,55	0,7	0,7	0,45	0,7	0,5
ЦП	0,8	–	0,8	0,65	0,55	0,65	0,5	0,6	0,6
ПП	0,75	0,8	–	0,6	0,6	0,66	0,45	0,7	0,55
МБ	0,55	0,65	0,6	–	0,65	0,7	0,8	0,55	0,6
ДФ	0,7	0,55	0,6	0,65	–	0,8	0,5	0,75	0,55
СП	0,7	0,65	0,66	0,7	0,8	–	0,55	0,75	0,57
ИС	0,45	0,5	0,45	0,8	0,5	0,55	–	0,55	0,45
СК	0,7	0,6	0,7	0,55	0,75	0,75	0,55	–	0,5
КМ	0,5	0,6	0,55	0,6	0,55	0,57	0,45	0,5	–

Угрозы:

РД – разрыв доверия

ЦП – ценностная поляризация

ПП – политико-идеологическая поляризация

МБ – монополия Big Tech

ДФ - AI-deepfake

СП - «сетевая пропаганда»

ИС - информационные «chokepoints»

СК - стратегические коммуникации (StratCom)

КМ - клиповое мышление/инфоперегрузка

Приложение 4. Расчет интегрального риска и ранжирование новых вызовов и угроз информационной безопасности.

Угроза	Сумма корреляций (К)	Вес (В)	Интегральный риск (ИР) = В × К
«Разрыв доверия»	5,15	0,76	3,9
Ценностная поляризация	5,15	0,75	3,86
Монополия Big Tech	5,1	0,75	3,83
AI-deepfake	5,1	0,74	3,77
Политико-идеологическая поляризация	5,11	0,65	3,32
«Сетевая пропаганда»	5,38	0,6	3,5
Стратегические коммуникации (StratCom)	5,1	0,55	2,81
Информационные «chokepoints»	4,25	0,62	2,63
Клиповое мышление/инфоперегрузка	4,32	0,54	2,33

Приложение 5. Расчет упоминаемости проблематики ГИП и информационной безопасности в основных стратегических документах Российской Федерации в сфере национальной безопасности (2014-2023 гг.)

Документ/год	информ политик*	информ безопасн*	информ войн*, информ- психол*	культур*, традиц*, ценност*, духовн*	суверен*
Стратегия НБ 2015	2	41	0	4	3
Военная доктрина 2014	1	22	7	9	6
Доктрина ИБ 2016	6	114	9	8	6
Концепция ВП 2016	3	28	4	14	9
Стратегия НБ 2021	7	126	12	29	12
Концепция ВП 2023	5	37	8	34	16